

АКТЕРСКАЯ КНИГА

**ЛЕВ
ДУРОВ
БАЙКИ
НА БИС**

зебра е

Annotation

Народный артист СССР Лев Константинович Дуров – блистательный рассказчик, его байки славятся не только в театральном мире, но и давно уже завоевали поистине всенародную любовь.

Данная книга – наиболее полный сборник баек от Дурова.

- [Лев Дуров](#)
  - [Часть первая](#)
    - [Верю – не верю](#)
    - [Вы неправы, Александр Сергеевич!](#)
    - [Месть клоуна](#)
    - [Нечего терять](#)
    - [Мужская доблесть](#)
    - [Рационализатор](#)
    - [«Самый плохой ученик Вселенной»](#)
    - [Мой первый заработок](#)
    - [Булочка с «Прибоем»](#)
    - [Веселая история](#)
    - [Весомые улики](#)
    - [Моя первая рюмка](#)
    - [Другой мир](#)
    - [Флердоранж](#)
    - [Игры нашего двора](#)
    - [Охота за пионами](#)
    - [Монолог трикотажа](#)
    - [Рост победителя](#)
    - [Пробы воздуха](#)
    - [Политический выпад](#)
    - [Порода](#)
    - [Три бойца](#)
    - [Бронепоезд не прошел!](#)

- [Не сдержался](#)
- [Не марксистско-ленинские лица](#)
- [Молодой огурец - Л.К. Дуров](#)
- [На «синий огонек»](#)
- [Писсуар легендарного полководца](#)
- [Ещё хуже, чем шпионаж](#)
- [Стихи о Ленине](#)
- [Антиснегурочка](#)
- [Как я играл Лису](#)
- [Дедушка Хо](#)
- [Заграничная мука](#)
- [Ротмистр Брянский](#)
- [Ленин и бревно](#)
- [Орден «Льва и Солнца»](#)
- [Кислородное отравление](#)
- [Деньги на поминальный венок](#)
- [Начало новой жизни](#)
- [Елка с сюрпризом](#)
- [За чем стоите?](#)
- [Хинди-руси!](#)
- [Настоящий цирк](#)
- [Идиотская бронза](#)
- [От Сулеймана вам привет!](#)
- [В танке](#)
- [Выговор за колбасу](#)
- [Клизма от Ефремова](#)
- [Псевдонимы](#)
- [Племяш Климента Ефремовича](#)
- [Отгадайте загадку!](#)
- [Здесь и там](#)
- [В объятиях жены](#)
- [Гастролеры](#)
- [Волжская водица](#)
- [Игра на грани](#)
- [Часть вторая](#)
  - [Отомстил фашистам](#)

- [Братья Ульяновы](#)
- [Человек из центра](#)
- [Лев Круглый в Мавзолее](#)
- [Где я никогда не был](#)
- [Веселый Роджер](#)
- [Апрель, Разлив...](#)
- [Костюмчик не по роли](#)
- [Афиша с секретом](#)
- [Беда не приходит одна](#)
- [Чудо-средство от облысения](#)
- [Отпрыск Врангеля](#)
- [Зеленая коза](#)
- [Контрабанда](#)
- [Уроки узбекского](#)
- [Шуруп вышел зпт](#)
- [Балет и соленая капуста](#)
- [Паленый матрац](#)
- [Горящий Лемур](#)
- [Исчезнувший диван](#)
- [«Отравление» смехом](#)
- [Никулин и его хэтч-бэк](#)
- [Не наградной день](#)
- [«Толстее» Толстого](#)
- [Граф Толстой и милиционер](#)
- [Приглашение в Голливуд](#)
- [Липовые пробы](#)
- [Внимание: черепахи!!](#)
- [Не морочь мне яйца!](#)
- [Как Никулин актеру пенсию выбивал](#)
- [Неси за кулисы!!](#)
- [Ночной звонок](#)
- [Волшебная телеграмма](#)
- [Не дурак, а Дуров!](#)
- [Родился в рубашке](#)
- [Я и автомобиль](#)
- [Мой первый выезд](#)

- [Братцы, ведь мы Дурова бьем!](#)
- [За что вы Ваньку-то Морозова?](#)
- [Роман по переписке](#)
- [Не валяй дурака!](#)
- [Спасите утопающего!](#)
- [Пожарные начеку](#)
- [Опасная профессия](#)
- [Лобов! Трусы держи!](#)
- [Мой вклад в футбол](#)
- [Брат ветра](#)
- [Человек-розыгрыш](#)
- [За други своя](#)
- [Дружба – понятие круглосуточное](#)
- [Не сердите пиротехника](#)
- [Уложились в норму](#)
- [Зубная история](#)
- [Любимое кресло Молотова](#)
- [Скажи мне, Фадеев...](#)
- [Язык мой – враг мой](#)
- [Тамбовская трагедия](#)
- [Червонец](#)
- [Часть третья](#)
  - [Подслушанный разговор](#)
  - [Нечего и рыбу пугать...](#)
  - [Бесплодный эрудит](#)
  - [Кавказское гостеприимство](#)
  - [Наш народный герой Штирлиц](#)
  - [Мечтать не вредно](#)
  - [Танки вперед!](#)
  - [Наука для трюка](#)
  - [По прозвищу «Плотный»](#)
  - [Такая примета](#)
  - [Сюрприз на новоселье](#)
  - [Сюрприз на новоселье-2](#)
  - [Ну что за люди?](#)
  - [Как Шукшин министра обложил](#)

- [Отзывчивые железнодорожники](#)
- [Не банный день](#)
- [Банька «по-черному»](#)
- [Трубы подождут](#)
- [Навозный барельеф](#)
- [Лающая корова](#)
- [Фу, Мухтар!!](#)
- [Джигит](#)
- [Околдованный мустанг](#)
- [Га-га-га](#)
- [Котозаяц](#)
- [История кота Марта](#)
- [Ехали медведи...](#)
- [Вот так Пулька!](#)
- [Укрощение косолапого](#)
- [«Коля, мяу!»](#)
- [Наши прошли](#)
- [Актеры и обезьяны](#)
- [О вкусах не спорят](#)
- [Гамлет, которого не было](#)
- [Кеша и Катя](#)
- [Ясновидящий](#)
- [И даже Дуров](#)
- [Взрослый и дети](#)
- [Объект номер один](#)
- [Да простит меня Христос!](#)
- [Как я играл Ленина](#)
- [Да здравствует Советская власть!](#)
- [Как я перестал быть депутатом](#)
- [Осетром по голове](#)
- [Прощание с Матерой](#)
- [Кепкомания](#)
- [Цена популярности](#)
- [Экстравагантный клиент](#)
- [Знает ли мама?](#)
- [Губа – дура](#)

- [Заваливший](#)
- [Петруша не дремлет](#)
- [Ноги ухватом](#)
- [Как я был счастливым](#)
- [«Пусть гуляют!»](#)
- [О погоде](#)
- [Куравлев, которого мы не знаем](#)
- [Какой институт окончил Куравлёв?](#)
- [С вывертом](#)
- [«Привет!» под трусами](#)
- [Спасибо предкам](#)
- [Искушения](#)
- [Дельвиг и девки](#)
- [Ночь с русской красавицей](#)
- [Как я нахамил режиссеру](#)
- [А вот это напрасно!!](#)
- [Мои поклонники-сантехники](#)
- [Анархия – мать порядка](#)
- [Партия трясунов](#)
- [Последний народный артист СССР](#)
- [Вдруг металлурги обидятся?](#)
- [Янки, гоу хоум!](#)
- [Как я себя увековечил](#)
- [Ювелирная работа](#)
- [Мандат от Дзержинского](#)
- [Звездный журнал](#)
- [В очереди](#)
- [Не умеешь, не берись!](#)
- [Нужен ли актеру выходной?](#)
- [Купание красного коня](#)
- [Не торопись, Отелло](#)
- [Балберка](#)
- [Настоящий англичанин](#)
- [Находчивые суфлеры](#)
- [Искусство перевоплощения](#)
- [Это – наши!!](#)

- [Какой год служишь?](#)
  - [Иду и слышу.](#)
  - [Вот так попался!](#)
  - [Артист и свобода](#)
  - [«Туда» и обратно](#)
  - [Встать! Смирно!](#)
  - [Не боги горшки обжигают](#)
  - [Уникальный автограф](#)
  - [Компьютерные дети](#)
  - [Лева, ты давно уже умер!](#)
  - [Лебединая песнь](#)
  - [Не бойтесь морщин](#)
  - [Петь, чтобы не выть](#)
  - [И смех и грех](#)
  - [Приложение](#)
    - [Роли Льва Дурова в театре](#)
    - [Режиссерские постановки](#)
    - [Роли в кино и на ТВ](#)
    - [Роли в телеспектаклях](#)
    - [Озвучивание ролей в мультфильмах](#)
-

Лев Дуров
Байки на бис

Часть первая
Академия травильщиков

Верю - не верю

Актер, рассказчик, режиссер,
Но это Леву не колышет,
Он стал писать с недавних пор,
Наврет, поверит и запишет...

- так написал обо мне в своей эпиграмме Валя Гафт. Но смею вас уверить, мои байки на 100 процентов правдивы. Хотя и эпиграмма Гафта правдива на 100 процентов, как все его эпиграммы. Такое вот противоречие...

А с чего все началось? Мне повезло - первым моим театром был Центральный детский театр. Нигде больше я не встречал такой бурной закулисной жизни.

А театр этот был тогда одним из лучших. Там работали Эфрос, Иванов, Кноблех, Шах-Азизов - один из старейших и мощнейших театральных директоров, а про труппу я уже и не говорю - Ефремов, Куприянова, Анофриев, Воронов, Чернышева, Коренева - всех и не перечислишь.

Была в этом театре официально назначенная закулисной жизнью так называемая *Академия травильщиков*. Для того чтобы быть избранным в нее, нужно было рассказать историю, в которую бы все академики поверили. И если кто-то говорил: «Не верю», претендующий на столь высокое звание должен был доказать правдивость своего рассказа.

Собирались обычно в грим-уборной перед спектаклем, когда все уже были в гриме и костюмах. Особенно выразительно это выглядело, например, перед спектаклем «Борис Годунов», когда среди академиков можно было увидеть царя-батюшку в

бармах и шапке Мономаха, сурового патриарха, бродяг-чернецов Мисаила и Варлаама, князей и бояр в роскошных шубах. Это надо было видеть! И у каждого была своя определенная тема: у одного – медицина, у другого – любовные истории, у третьего – кино...

Истории рассказывали по очереди.

Вот князь Шуйский убеждает всех, что у Анки-пулеметчицы были интимные отношения с Василием Ивановичем. Доказательства? Пожалуйста. И князь начинает анализировать сцену, где Петька объясняет Анке устройство пулемета, а сам кадрится к ней. И тут на самом интересном – затемнение. Ведь в те времена интимные сцены не показывали. Но! В следующем кадре появляется злой как собака Чапаев. Ему уже наверняка обо всем доложили, и он не находит себе места. Его, как Отелло, гложет яростная ревность! Возражений нет. Убедил.

Была у нас артистка Струкова. Она играла всех Баб-яг. Как-то она рассказывала:

– Пришла я однажды к врачу. А тот что-то пишет и, не глядя на меня, говорит: «Раздевайтесь». Я зашла за ширму, разделась и вышла. Врач поднял голову и чуть не свалился со стула. «Боже, – говорит, – что с вами?..»

Это была потрясающая Баба-яга. И вот она тоже пришла в Академию и говорит:

– А я вчера видела розовую собаку.

И кто-то с ходу сказал:

– Не верю.

– Да? – улыбнулась она своей очаровательной улыбкой. – А я сейчас пойду с вами и покажу то место, где стояла эта розовая собака.

И такого доказательства было достаточно.

За актером Устюговым были наивные новеллы.

– Вот я сижу вчера на берегу реки и ужу рыбу, – рассказывает он. – У меня была сигарета в зубах.

Незаметно я задремал и упал в воду. Гляжу, а я уже на дне! И сигарету курю.

И на этот раз никто не сказал: «Не верю», потому что он взял бы с собой свидетелей, пошел и показал тот берег, на котором он сидел.

Я попал на заседание Академии, как только пришел в театр.

- Ну, Дуров, - спрашивает председатель, - есть у тебя что-нибудь?

- Есть, - говорю. - Вот тут шофер ехал по горной дороге, потерял управление, выпал из кабины, зацепился челюстью за дерево и его оскальпировало. Потом его нашли, починили и сейчас он жив-здоров и снова за рулем.

Все вытаращили глаза, а председатель и говорит:

- Прости, старик, ты у нас первый раз, но мы тебе выражаем общее недоверие.

Очень я тогда обиделся и побежал на почтамт звонить в Винницу, где я прочитал эту статью: «Срочно вышлите «Медицинский вестник». И мне прислали. Я пришел на следующее заседание и положил им журнал на стол - вот!

А там сидели Ефремов, Печников, другие известные артисты. Они просмотрели статью, изучили чертежи, по которым восстанавливали человека, и вынуждены были признать, что я оказался прав.

- Быть тебе, Дуров, председателем.

И ведь что интересно: не мальчишки играли, а взрослые люди, известные на всю страну артисты. И играли серьезно, по-настоящему, без тени улыбки.

Иногда заходил Эфрос, останавливался в дверях и слушал. Но он не участвовал в заседаниях, потому что был человеком слишком серьезным и прекрасно понимал, что тут же проиграет. А мы что? Так, вроде скоморохов.

Но впрочем, обо всем по порядку.

Вы неправы, Александр Сергеевич!

Предков своих знаю с 1540 года. Среди них было немало любопытных личностей. Был Афанасий Дуров – полковник, участник Колыванского похода, Анастасия Дурова – настоятельница Новодевичьего монастыря, Надежда Дурова – девица-кавалерист, о ней много написано, авантюристка была еще та. Годовалого ребенка бросила и ускакала воевать с Наполеоном, всю жизнь проходила в мужском костюме.

За незаурядную храбрость и доблесть была награждена несколькими военными наградами. Дослужилась до чина штаб-ротмистра. Была первой женщиной, награжденной Георгиевским крестом.

Наше родовое древо очень ветвистое. Есть линия пересечения с Толстыми, с Садовскими. Был еще в роду у нас городничий города Сарапула. Все думал и мечтал, как разбогатеть. Тот еще фрукт – Дуров. 100 тысяч ему зачем-то нужно было, не знаю зачем. И у Пушкина, с которым встречался по дороге из Молдавии, спрашивал совета. Поэт потом в письме к Вяземскому написал, что попался, мол, мне человек такой странный по фамилии Дуров. Он все время рассказывал, что хочет иметь сто тысяч денег и придумывает разные способы, как бы это устроить. Александр Сергеевич указывает: ограбление казны – раз, убийство богатого купца – два. Кстати, по части ограбления казны действительно существовал настоящий план: поставить лошадей за версту, протянуть веревку и, когда полковую казну погрузят на тележку, часовые увидят, что она не запряжена. Естественно, потеряют бдительность, а он в это время крикнет «но!», лошади дернут, и тележка с полковыми деньгами укатится, а он уже вдалеке ее подхватит. Александр Сергеевич, выслушав такие речи,

предложил: «А может быть, вам жениться?» «Да это я уже пробовал, ничего не получается», – сказал мой авантюрно настроенный предок. Поэт его надоумил попросить денег у англичан, подстрекнув их народное честолюбие и в надежде на их любовь к странностям. А предок мой ответил, что просил уже, обратившись к ним со следующим speech: «Г.г. англичане! я бился об заклад в 10 000 рублей, что вы не откажете мне дать займы 100 000. Г.г. англичане! избавьте меня от проигрыша, на который навязался я в надежде на ваше всему миру известное великодушие». Да только англичане оказались жадными, сволочи, ответили отказом.

Вяземскому Пушкин жалуется, что Дуров выиграл у него пять тысяч в карты, но играл, шельма, нечестно. У меня на этот счет к Александру Сергеевичу серьезная претензия. Надо было тогда выяснять отношения, а не после. Если ты видел, что Дуров шельмует, взял бы шандал да по башке, как полагалось в те времена. А он, видишь ли, расплатился сначала, а потом начал обвинять моего родственника в нечестности. Вы неправы, Александр Сергеевич!

Месть клоуна

Множество историй связано с моими дедами – Анатолием и Владимиром Дуровыми. Постараюсь быть поскромнее и приведу лишь один «анекдот», касающийся взаимоотношений Анатолия Леонидовича и, как сейчас говорят, СМИ.

Надо сказать, что мой предок, гастролируя со своими животными по разным городам России, часто вступал в конфликт с местными властями за свои слишком смелые шутки в их адрес.

В Москве у него случилось «недоразумение» с одной из газет. Вот как рассказывает об этом Инкогнито:

«Началось оно с пустяков. Сын редактора, веселого нрава молодой человек, задумал однажды над ним посмеяться.

В то время, когда Дуров стоял у входа на арену, готовясь к своему номеру, он с насмешливой улыбкой подошел к нему, окруженный приятелями-пшютами, и спросил:

– Пользуетесь успехом, господин клоун?

– Как видите.

– А правда ли, скажите пожалуйста, чтобы пользоваться на цирковой арене успехом, нужно иметь непременно глупую физиономию?

– Правда, – ответил Дуров без смущения. Компания захохотала. Победа юного остряка казалась очевидной, но каково было их поражение, когда Дуров после минутной паузы, доставив им удовольствие досыта насмеяться, прибавил:

– И если бы я обладал такой физиономией, как ваша, мой успех был бы еще обеспеченнее.

Компания замолкла и поспешила исчезнуть.

Однако это для Дурова не прошло даром. На следующий же день в газете папеньки-редактора появилась рецензия, наполненная энергичными выражениями. Дурова разносили вовсю. Чего только не было сказано по его адресу! И бездарность-то он, и нахал, и грубиян... В продолжение двух месяцев шла эта систематическая травля, потешавшая, в конце концов, одного только владельца газеты, так как для публики был слишком заметен пристрастный тон этих репортерских заметок, развенчивающих его в ничто. Дуров долгое время терпел несправедливые нападки, но наконец не выдержал своего угнетения и показал зубы.

В один прекрасный вечер, когда «сам» редактор сидел в одной из ближайших к барьеру лож и с презрительной миной смотрел на его упражнения, Дуров выпустил на арену свою чушку и заставил незаметно для публики стать передними ногами на барьер как раз против старого редактора. Потом стал отзывать ее, но так, что она не трогалась с места:

- Чушка! Чушка! Назад! Иди сюда! - Она оставалась неподвижной.

- Иди же, говорю я тебе! Не хочешь? - То же самое.

- А, понимаю! Старых знакомых увидала! На своих насмотреться не можешь!

Публика поняла этот «воплъ огорченной души» и без умолку хохотала над рискованной проделкой Дурова, которая повлекла за собою появление на другой день громовой статьи.

Травля усилилась. Для этой газеты клоун сделался чуть ли не единственной злобой дня.

Дуров начал полемизировать с арены.

Так, к своему бенефису он приготовил злую шутку над враждебной газетой. Он знал, что ее владелец непременно посетит его торжество, чтобы иметь возможность лишний раз поиздеваться над ним, и

поэтому не в счет программы придумал свою «свинью-читательницу».

Разгуливавшей на арене чушке он вынес целую кипу разных газет. Она уселась в свое кресло, а Дуров стал подносить ей одну за другой газеты. Она с негодованием отворачивалась от них и презрительно хрюкала.

- Ишь ты, - заметил клоун, - она не всякую газету любит, а ищет свою.... Ищи, ищи! Интересно посмотреть на вашу свинскую газету...

Сначала зрители думали, что свинья вообще не терпит гласности, но к ее глазам Дуров приблизил то издание, в котором не выносили хладнокровно его имени, она радостно захрюкала, завертела хвостом и, уткнувшись носом в газету, с визгом заводила им по строкам.

Клоун отомстил. Это был последний залп полемической перестрелки. Газета стала его замалчивать, а он о ней никогда не вспомнил».

Нечего терять

Я плохо знаю нетленное учение Маркса – Энгельса. Как-то сразу догадался – это не для меня. Но одна фраза из этого учения мне очень запомнилась: «Пролетариату нечего терять, кроме своих цепей».

Я спросил у деда:

– Дед, правда, что революция с вас цепи сорвала?

– Да, внучек, – ответил он. – Вот здесь у меня были часы на золотой цепи. Теперь их нет.

Мужская доблесть

Моя мама работала с документами Военно-исторического архива. И попались ей на глаза подлинные указы Петра I. В них царь Петр открылся нам как мудрый и наблюдательный политик:

«В присутствии говорить своими словами, а не по писаному, дабы дурь каждого видна была».

«В панталоны и лосины моченых огурцов и заячих лапок не подкладывать, дабы доблесть мужская была подлинна и очевидна».

Рационализатор

Папа работал в «Союзвзрывпроме». По профессии он взрывником не был, он занимался снабжением. Но там многие подрабатывали. Например, рвали пни, то есть готовили поля под пахоту. Выезжали несколько человек, бурили под пнями дырки и закладывали в них запал. Чтобы не попасть под взрыв, нужно было выдержать определенное время и точно рассчитать длину бикфордова шнура. Вместе с отцом этим занимался инженер Мсалетдинов. Однажды он придумал, как ускорить работу – взял и укоротил вдвое бикфордовы шнуры!

Даже убежать не успел – его вместе с пнем подкинуло вверх и разнесло на части.

«Самый плохой ученик Вселенной»

В детстве меня исключали из многих школ, правда, не за неуспеваемость, а за хулиганство. Однажды директор школы закричал моей маме: «Вы не думайте, что ваш сын самый плохой ученик класса, школы, города или района, он самый плохой ученик Вселенной!»

В одной из школ я проучился ровно один урок. Там была директриса по прозвищу «Таракан», двухметрового роста, усатая, и ходила всегда в белом халате. И вот пришел я, новенький, в класс. Ребята на меня ополчились и полезли все на одного. Я спиной к стене прижался и по одному их вырубаю. Вдруг слышу: «Таракан!» – все врассыпную. Подходит ко мне двухметровая тетя, вытаскивает из кармана огромный ключ и колотит меня им по лбу, приговаривая: «В нашей школе драться нельзя!» Рядом стоял фикус на табуретке, и когда она выдохлась, я выхватил у нее ключ, снял фикус, подвинул табурет, встал на него и швырнул этот ключ так, что он, как пуля, пробил двойную раму и вылетел на улицу. Больше я в той школе, естественно, не появлялся.

Мой первый заработок

Как ни странно, свои первые деньги я заработал как врач. Мне было тогда, наверное, лет 10. Я был голубятником, и была такая страшная болезнь – она называлась «сухотка». Вдруг, ни с того ни с сего, голубь начинал высыхать, переставал летать и умирал. Голубятники всегда страшно переживали. Мне было очень жалко одного голубя – «чаечку». Я старался как-то сохранить ей жизнь и кормил ее изо рта в клюв. При этом случайно увидел, что на язычке у голубя маленькая бородавочка. Я ее потрогал, взял, опустил руку вниз – в пыль, и резко провел по языку. Бородавочка оказалась у меня в руках. Я пустил «чаечку» к голубям и она стала гулять, поправляться и через несколько дней она вместе со стаей взлетела. Я вывел закономерность – видите, какой я был умный в 10 лет – что нельзя голубям клевать на фанере, так же как артистам нельзя грызть семечки. Потому что отщипываются маленькие занозки, попадают артисту на связки и образуется узелочек, а голубю эта занозка попала под язычок и образовался мозолик. Тут я и начал выпендриваться. Я стал изображать из себя доктора и стал говорить, что я могу лечить от «сухотки» голубей. И со всей Москвы мне стали привозить голубей. Я их брал на несколько дней – я выпендривался в солидного доктора – смотрел и говорил: «Действительно, надо поработать». Забирал голубя, тут же мгновенно все это делал, отпускал его в нагул и говорил: «Зайдите через неделю». Через неделю приходили – голубь был жив-здоров. Мне платили за это денежки. Ну, тогда это были небольшие денежки. А куда я их тратил... На корм голубям же.

Булочка с «Прибоем»

Школу я не любил, а она - меня. Да я в нее фактически и не ходил. Прогуливал безбожно.

Зато задолго до окончания школы я уже прекрасно овладел ненормативной лексикой, научился курить и цыкать сквозь зубы, как заправская шпана. Но курить меня отучили быстро - без всяких пилюль и нотаций.

Однажды, когда в школе шли уроки, я скрылся в туалете и с папироской в зубах стал комментировать из окна футбольную игру в школьном дворе:

- Рыжий, так тебя и эдак! Кому ты подаешь, эдак тебя и так! А ты, Длинный, трах-тарарах, совсем мышей не ловишь!

Слышу - кто-то вошел. Ну, думаю, еще один такой же прогульщик, как и я. А оглянуться мне некогда - очень уж увлекся игрой. И тут меня хлопают по плечу и просят:

- Оставь.

Я, опять же не оборачиваясь, откусываю слюнявку и передаю через плечо с обязательной в таких случаях репликой:

- Свои надо иметь.

Тот не отвечает и продолжает за моей спиной докуривать мой чинарик. А я уж совсем в раж вошел.

- Славка, так тебя и эдак! Не видишь, куда бьешь, эдак тебя и так?!

- Ну, Дуров, пойдем - хватит.

Оборачиваюсь - директор школы! Спускаемся в его кабинет.

- Мерзавец, - говорит он мне, - ты что куришь?

- «Беломор», - отвечаю.

- Дай сюда!

Я вынимаю из кармана пачку, кладу ему на стол.

- Сколько тебе денег дает мать на день?

Не помню уж сейчас после всех этих денежных реформ, сколько мне давала мать на обед. Мы жили бедно и всего было в обрез. Называю сумму.

- А сколько стоит «Беломор»? - спрашивает.

Опять называю сумму, которая сжирает весь мой дневной бюджет.

- Негодяй! - говорит он, кладет мой «Беломор» в стол и вытаскивает оттуда пачку «Прибой». - Вот что тебе, стервецу, надо курить! И тогда тебе останется хоть на булочку! Вон отсюда, чтобы я тебя больше не видел!

Когда я вышел из кабинета, почувствовал, что лицо мое горит. Ведь он не ругал меня за прогул, не говорил о том, что «курить вредно». Ведь ни один дурак не станет утверждать, что «курить полезно».

Он всего-навсего хотел, чтобы я имел возможность покупать себе каждый день булочку! Директор школы курит «Прибой», а его сопливый ученик позволяет себе «Беломор», который в три раза дороже!

Эта беседа в одни ворота произвела на меня такое впечатление, что через несколько дней я бросил курить. И понял, какой это был грандиозный педагог. Окончательно я убедился в этом после другой истории.

Однажды мы затеяли драку - класс на класс. Конечно, тут же доложили директору. Он ворвался в класс, дернул свой мундир так, что с него все пуговицы осыпались, и закричал, повышая голос по хроматической гамме:

- Дуров! Сегодня ты ударил своего товарища, завтра ты ударишь своего учителя, потом - меня, потом ты убьешь члена правительства, а потом начнешь бить стекла!

Все замерли. Тогда я мало чего понял. А вот позже, анализируя его тираду, до меня дошло: ну что такое член правительства? Ничто! А вот стекла после войны -

это была великая проблема. Особенно - для директора школы.

Да, грандиозный был педагог наш директор!

Веселая история

Рядом с нами находился гарнизонный госпиталь, на котором почему-то было написано «Военная гошпиталь». Так вот мы, местные пацаны, ходили туда, чтобы хоть как-то, в меру своих возможностей, если не утешить страждущих, то хотя бы отвлечь их от горестных мыслей. Читали им книжки, пели и плясали перед ними – кто на что был способен. У нас среди раненых, несмотря на разницу лет, были настоящие друзья, которые делились с нами самым сокровенным, изливали перед нами душу.

Витек душу не изливал. Несчастье его было так велико, что для его выражения слов уже не хватало – оставалась лишь протяжная, выматывающая душу мольба о смерти.

Витек был истребителем. Сбили его как-то подурачки. Выполнил задание и возвращался домой. Шел на малой высоте. Снизу вслепую били зенитки. Шальной снаряд попал в Витькину машину и разорвался у него под задницей. Как дотянул до своих, как сел, как его вытащили из машины – ничего не помнил. Пришел в сознание только на третий день на операционном столе. Сквозь тошнотную дурноту услышал противный звук – кусочек металла упал в таз.

– Двадцать седьмой! – услышал он низкий женский голос. – Жопа как решето... – И через короткую паузу, раздумчиво: – А вот что с этим-то делать?.. Куда же он с таким пеньком? И морда у парня больно красивая... Тяжелых сегодня много?

– Трое, Фира Израилевна, – это уже девчоночий голос, как отметил про себя Витек.

– Скажи Василию Григорьевичу, – приказала Фира, – пусть сам их обрабатывает. А я попробую пришить этому

дураку его достоинство, там ведь не до конца перебито. Угораздило ж его... – И рассмеялась.

А потом Витек лежал в палате и соображал, что же с ним произошло. До конца сообразить ему помогли товарищи по палате. Его историю ему рассказывали с веселым хохотом и похабными подробностями. Оборжавшись до слез, говорили, что один солдат пожертвовал Витьке часть своего достоинства: кровь-то ведь сдают, так почему же этим не поделиться! Вот Фира и пришила ему эту надставку. Так что с войны он вернется с припеком.

Несмотря на разницу в возрасте, мы очень дружили с Витьком, и он мне, пацану, часто рассказывал о себе. Говорил, что есть у него невеста – самая красивая девчонка в районе. Показывал мне ее фотографию: смешное, курносое лицо. Но мне тоже казалось, что она действительно самая красивая на свете. Говорил, что у него есть тихая и добрая мама. А отца зарезал пьяный деревенский психопат. На Пасху напился и стал все крушить на своем пути. Витькин отец решил урезонить его по-хорошему. Тот и впрямь будто послушался. А потом вдруг ударил сзади Витькиного отца ножом. Да и попал точно между ребер в сердце. Отец сел на землю и тихо сказал:

– Дурак же ты, Феденька... – И умер.

Мать так и не вышла второй раз замуж. Не захотела, хоть и сватались многие. А по ночам Витек слышал, как она давилась слезами...

Витек очень любил поговорить со мной. Я понимал, что ему нужен слушатель, который бы смог разделить с ним его боли и печали и не посмеялся бы над ними. Я был как раз таким слушателем.

Витек не переставал говорить о своем идиотском ранении, о Фириной жалости, о невероятной по тем, а может и по сегодняшним временам операции. И очень волновался: как все будет, когда заживут его интимные

раны. Однажды Витек сказал, что его собираются выписывать, но хрен-то он тронется с места, пока не убедится, что все у него в порядке. Я толком не соображал, о каком порядке идет речь, но понимал, что для Витька это важнее жизни.

- А нет - застрелюсь к едрене-фене, - шептал он мне на ухо. - Чтоб я к Вере говном явился?! «Вальтер» у меня в клумбе закопан.

Тогда у многих в госпитале было оружие. Его приматывали бинтами под кальсоны. Я первый по разговорам и слухам узнавал, когда будет «шмон», и всех предупреждал. Они быстро отбинтовывали свои «ТТ», «браунинги», «вальтеры», и я их в охапке, как дрова, уносил в сад и закапывал под яблоней. У меня там был тайник. А Витек свой «вальтер» закопал сам, и я знал, что он точно застрелится, если не будет «порядка».

И вот как-то Витек отозвал меня в сторону и сказал, что Фира сама предложила ему убедиться, что не зря она возилась с ним целых три с половиной часа.

- Я, говорит, - шептал мне Витек, - сама его вернула к жизни, сама и опробую. Договорился я с Фирой. Понял? Завтра, говорит, садись в общую очередь на прием и жди вызова. Во дает Фира!

Фира Израилевна была огромной и красивой. Этакая огненно-рыжая валькирия. Как говорили о ней раненые, сначала в палату минут пять Фирина грудь входит, а уж потом она сама. Фира не стеснялась в выражениях. Говорила громко и гулко. Хирургом она была потрясающим.

О чем она тогда с Витьком договорилась, я опять же толком не понял, но чувствовал, что это очень важно для него и что это - тайна для всех. Только мне доверил свою тайну Витек, и я должен держать язык за зубами.

На следующий день я с трудом досидел в школе последний урок. В госпиталь бежал бегом. Поскорее

хотелось узнать, как дела у моего. Очень мне не хотелось, чтобы он застрелился.

В госпитале творилось что-то странное. Врачи бегали по коридорам и орала на раненых:

- Прекратите ржать, немедленно прекратите ржать!

- Пожалейте хоть сами себя! Швы у вас, у идиотов, разойдутся! Черт бы вас побрал!

Громче всех грохотала Фира:

- Молчать! Палец им покажи, коблам! Я вас заново сшивать не собираюсь. - Но сама, не выдержав, закатилась в припадке хохота: - Ох, вот дура! На свою голову... Ох! Ох! - И, схватившись за живот, убежала к себе.

- Иди к своему - он там зубами всю подушку порвал, - сказал мне кто-то. - Ну, Фира! - И, лязгнув золотыми зубами, взвыл по-собачьи, замахал, как ребенок, руками. - Не могу! - И скрылся в сортире.

Я вошел в палату. На кровати сидел серый Витька.

- Ты что, Витек?

- Пойдем, - сказал он. - Давай лучше в окно, а то они опять начнут...

Мы вылезли в сад, сели на траву.

- Понимаешь, Швейк (такое было у меня прозвище), я сделал, как уговорились. Сел со всеми в коридоре. Жду. Вызывает. «Ну, пришел, красавец? Давай проверим результаты усилий отечественной медицины. Раздевайся». Снял я пижаму за ширмой. «Выходи», - говорит. Вышел я, а она как распахнет халат, и вся голая. У меня аж горло перехватило. Я и не чувствую ничего, а она говорит: «Ну вот, Витюша, все у тебя в порядке, я после войны на тебе диссертацию защищу. Ну, счастливо! Невесте - привет». Запахнула халат, взяла меня за загривок, дала под зад, я и вылетел в коридор. Только я не заметил, что она мне пижаму на «хозяйство» повесила. Так я и дошел до палаты с

пижамой на... А в коридоре-то народу полным-полно... Ну и началось! Сволочи!

- Витек, да пусть ржут. Главное-то - все в порядке.

Витька посмотрел на меня своими огромными голубыми глазами, упал навзничь в траву и зашелся в хохоте:

- Ну, Фира! «Невесте - привет»! А пижаму-то... А я-то по всему коридору... С пижамой... А в коридоре-то полно... А?! А я с пижамой... Во кино!

Через несколько дней Витька выписали. Провожать его высыпал весь госпиталь. Никто не смеялся, только улыбались. Витек бросил вещмешок в кузов грузовика и сам ловко запрыгнул в него. Машина тронулась. Вдруг Витек метнулся к кабине и забарабанил по ней:

- Стой! Стой!

Он смотрел куда-то вверх. Все повернули головы. В окне третьего этажа стояла огненная Фира и улыбалась. Витек уехал. В отпуск. По ранению.

Весомые улики

Честно скажу - никогда ничего не воровал, кроме угля, в те трудные годы. Однажды, когда мне пришлось переть два ворованных ведра (родителям говорил, что их зарабатываю), я вдруг уперся лицом в пряжку. Это оказался наш участковый, который сказал слова, которые я запомнил на всю жизнь: «Вот идет Дуров, сгибаясь под тяжестью улик». Он взял у меня ведра, дотащил до нашего крыльца и добавил: «Аккуратней!».

Моя первая рюмка

В юности я часто посещал 29-е отделение милиции. Мы однажды возвращались с катка, и вот тогда я впервые в жизни выпил. А не выпить было нельзя: вокруг взрослые ребята, и они предлагают. Если ты не выпьешь, то ты тогда – никто. И я выпил. А при подходе к Лефортовской площади, где я жил, завязалась серьезная драка. И я тоже принимал в ней участие, но пассивное, так как я был пацан. Помню, приехали патрульные машины, всех похватали. А меня не забрали, как маленького. Я собрал все коньки, что валялись на площади и поплелся домой. Бросил коньки на пол, вошла мама: «Что с тобой?» Я родителям никогда не врал и говорю: «Я выпил». Она позвала отца. Я рассказал, что была драка и всех забрали в милицию, кроме меня. Отец выяснил, что я тоже дрался и в воспитательных целях отправил меня в отделение. И я пошел в отделение. Вышел дежурный. Я ему сказал, что отец меня домой не пускает, так как я выпил и тоже дрался. Дежурный сжалился: «Ну иди, ночевать где-то надо. Холодно на улице». И отвел меня в камеру к ребятам. Так я провел ночь после первой своей рюмки как заключенный.

Другой мир

В этот судьбоносный день я дрался с пацаном из соседнего двора. Ни у меня к нему, ни у него ко мне не было никаких претензий, никакой вражды. Просто мы хотели помериться силами. Дрались до первой крови. Пацан крепко вlepил мне в глаз, и он стал быстро заплывать. Но крови не было и бой продолжался.

Прицеливаясь и увертываясь, мы с противником утапывали снег. Вокруг стояли наши и ребята с соседнего двора и молча ждали окончания поединка. Вмешиваться, подсказывать и науськивать со стороны строго запрещалось. Наконец по снегу рассыпалась «клюква». На этот раз из моего носа.

Сразу несколько человек подняли руки.

– Всё, кончайте!

– Да у меня нос слабый! – пытался я протестовать, хотя и знал, что это бесполезно.

Тут слегка обиделся и мой противник:

– А я тебе что – Буратино? У меня, что ли, нос деревянный?

– Да пошел ты!.. – огрызнулся я.

– Да иди ты сам... – беззлобно ответил противник, чтобы не остаться в долгу.

На том наш «базар» и кончился. Все было по правилам и обижаться нужно было только на самого себя: не успел вовремя увернуться.

Время было еще детское и кто-то предложил:

– Кончай, ребята. Пошли в парк!

И все толпой, уже забыв о драке, вышли из-за сараев. Нос сильно распух и очень ныл. Я приложил к нему лепешку снега, запрокинул голову и пошел вместе со всеми. И вот тут кто-то придержал меня за руку.

- Подожди! - Это был парень из нашей школы, но жил он на Почтовой.

- Чего тебе? - прогнусавил я.

- Охота была тебе драться? Больше делать, что ли, нечего? Вон как нос-то распух...

Напоминание о носе мне не понравилось.

- Слышь, - приостановился я, - а чего это ты ко мне пристал?

Но парень не стушевался.

- Приходи лучше завтра в Дом пионеров, - предложил он. - В драмкружок запишешься.

У меня даже нашлепка с носа свалилась. Я подумал, что ослышался. И переспросил:

- Че-е-во?!

- «Чево-чево», - передразнил он, - в драмкружок запишешься. Это поинтереснее будет, чем морды друг другу квасить.

- Да пошел ты!..

Не знаю почему, но назавтра я все же появился в этом Доме пионеров. Наверное, взяло верх обычное любопытство. Как говорят, познание непознанного. И будто попал в другой мир.

Смехота! Все разговаривают, как «очкарики»: «цирлих-манирлих», «будьте любезны»... И одеты все аккуратно, у всех белые воротнички. А у меня фингал под глазом и нос неопределенного цвета. Но их руководитель Сергей Владимирович Серпинский, кажется, не обратил на это ни малейшего внимания.

- Ну, что ты нам считаешь? - спросил он вежливо, глядя мне прямо в глаза.

- Чево? - не понял я.

- Ну почитай нам что-нибудь, что сам хочешь, - пояснил Серпинский. - Что ты знаешь наизусть?

- Ничего.

- Совсем ничего?

- Совсем.

Серпинский не удивился, не возмутился.

- Ну ладно, - спокойно сказал он, - тогда послушай других, а когда приготовишь что-нибудь, скажешь. Ну, кто первый?

И вот кружковцы стали по очереди выходить на маленькую сцену и читать: кто - стихи, кто - рассказ. Многие читали очень хорошо, видно, уже воображали себя артистами. Мне нравилось. А вот некоторые будто металлическую трубу пилили ножовкой: вжик-вжик, вжик-вжик, вжик-вжик! Вот зануды, думал я, не умеют, а лезут!

Домой я возвращался членом драматического кружка Дома пионеров Бауманского района города Москвы. И прощался со всеми за руку - до среды.

Флердоранж

Я долго думал, что бы выбрать для чтения, и остановился на рассказе Чехова «Толстый и тонкий». Помните? «На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий». Два бывших гимназических приятеля. Один теперь очень важный: он только что пообедал и «пахло от него хересом и флердоранжем».

Что такое «флердоранж» я не знал, но слово было красивое, и я произносил его с большим удовольствием.

А от другого пахло «ветчиной и кофейной гущей». И был он бедным, худым, а «из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком, его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом, его сын» Нафанаил.

И вот тонкий расхвастался, а узнав о положении толстого, растерялся и тут же начал заискивать перед ним, жалко хихикать, ставя толстого в неловкое, дурацкое положение. Меня очень разозлил этот тонкий. Ведь бывшие друзья, так чего же ты враз скукожился? И жену ты свою унизил. И Нафаня твой – балда стоеросовая, рот разинул и «уронил фуражку».

Рассказ короткий – всего две странички. Я его быстро выучил наизусть, но никому об этом не сказал. Долго молчал, пока Серпинский сам не вызвал меня, решив, что за такое время пора бы уж чего-нибудь да выучить.

– Ну давай, Дуров, не скромничай.

Я взошел на сцену, и горло у меня перехватило. Мне понадобилось несколько минут, прежде чем я собрался с духом. Наконец я уставился куда-то в угол и стал читать...

На этот раз домой я уже возвращался «способным».

Потом мы поставили спектакль «Два капитана» по Каверину. Спектакль был необычным: он шел два вечера. В нем я играл сразу три роли. Одна из них была – ночной сторож, старик. Мне нацепили бороду, я ходил по сцене и стучал колотушкой.

Декорации делали сами. И оформлению одной из картин и сейчас позавидовал бы любой художник. В нашем дворе было много старых тополей. Некоторые из них посадил еще мой отец задолго до войны. И вот я спилил все высохшие ветки, а они были толщиной с хороший ствол, и на сцене вырос красивый настоящий лес. Я и сейчас мог бы не стыдясь представить на обсуждение любого худсовета такое оформление. Этот спектакль всегда пользовался у зрителей огромным успехом, и нас неизменно награждали бурными аплодисментами. Конечно, нам, мальчишкам и девчонкам из драмкружка, это очень льстило: мы чувствовали себя настоящими артистами и играли с полной отдачей. Зрители это понимали и поощряли нас, как родители поощряют добрые задатки у своих детей.

Игры нашего двора

А детьми мы были – как бы это поизящнее выразиться? – далеко не паиньками. И играли не только на сцене.

У мальчишек все-таки главной сценой был двор, в котором мы знали каждый укромный уголок, каждую выбоину, все водосточные трубы и весь дом – от подвала до крыши. И среди нас были и свои авторы, и свои постановщики спектаклей, и свои исполнители. Но, что самое главное, мы втягивали в свои спектакли и взрослых. Без них мы просто не могли обойтись. Хотя сами они, думаю, даже и не предполагали, что станут участниками наших спектаклей.

У нас за забором, за Московским высшим техническим училищем имени Баумана (МВТУ) была площадка, куда свозили трофейное вооружение: пушки, танки, гаубицы, самоходки и прочие железки. Все это служило учебным пособием для студентов военных кафедр. Мы тоже там лазали и изучали все виды неприятельского вооружения.

Весь этот арсенал, конечно, охранялся. Но мы давали охраннику пачку махорки, и пока он проходил свой контрольный путь туда и обратно, мы должны были исчезнуть: он нас не видел. За это время мы хватали все что хотели, и разбегались. А чего там только не было по мелочи!.. «Шмайссеры», пистолеты, наградные ножи «Адольф Гитлер». У меня на чердаке даже стояла пушка-пулемет с трассирующими пулями.

Потом кто-то настучал на меня, пришла милиция и все конфисковала. Ах, как я тогда плакал! Конечно, было жалко расставаться с таким богатством...

Но это произошло чуть позже. А тогда я не успел драпануть от охранника и запрыгнул в танкетку. Там

стояла такая маленькая танкетка с маленькой башенкой, напоминающей по форме каску. Я запрыгнул в нее и захлопнулся. Сидел, сидел и уж пора было выходить, а эта башенка – ни с места. Можно, конечно бы, поорать или постучать какой-нибудь железякой о броню. Но это было бы не по-мужски: я подводил бы охранника и сам выглядел бы несолидно.

Меня выручило знание неприятельской военной техники. Мы ее изучали не хуже студентов военных кафедр. Осмотревшись, я увидел защелку, и башенка приоткрылась. Охранника нигде не было. Я спрыгнул и мягко приземлился рядом с колесом гаубицы. И поскольку у меня, как и у всех пацанов во дворе, был талант исследователя, а проще говоря, зуд любопытства, меня удивило маленькое открытие: колеса у гаубицы были резиновые, а на них я не увидел ни одного соска, через которые накачивается в баллоны воздух.

Это было уже интересно, и я не мог не утолить свое любопытство. Через час я уже снова лежал рядом с этим странным колесом, но уже с сапожным ножом в руках. Я вонзил этот нож в баллон и, к своему удивлению, не услышал шипящего звука. Так я впервые в жизни увидел микропорку. И не воспользоваться этим открытием было просто невозможно.

Я вырезал здоровенный кусок и уже дома придал ему форму футбольного мяча. А весу в нем было килограммов шесть-семь. Для нашей шутки, которую мы придумали, это было как раз то что надо. Для детей эта шутка выглядела несколько жестковатой, но...

Итак, я стоял во дворе за аркой, а мой наводчик на улице – перед аркой. Он должен был выслеживать очередную жертву. Особенно интересно было, когда шел какой-нибудь фраер с девицей.

Наводчик в нужный момент делал мне отмашку, и я выкатывал этот почти полупудовый мяч на улицу этому

фраеру под ноги. И тут же кричал:

– Мужик, подай!

Ну какой же фраер откажется хвастануть перед своей дамой спортивной ловкостью. Он, конечно, тут же бросал свою даму и со всей силой бил по мячу. Но ведь это все равно что бить носком ноги в бетонную стену! Мужик хватался за ногу, корчился и матерился на все Лефортово. Дама его от стыда убегала, а мы-то веселились от души: ведь дети! А тут еще взрослые нас поддерживали:

– Ты чего материшься! Здесь дети играют!

А дети в это время выбирали очередную жертву.

Но детям, впрочем, как и взрослым, всегда претит однообразию. Скоро этот мяч нам надоел, и мы сочинили другой спектакль. Но он был посложнее – там уже требовались навыки то ли баллистика, то ли артиллериста.

Сетками мы ловили на помойке кошек. Наловим штук пять-шесть и сажаем их в мешок из-под картошки. Они там и замирают. Видно, пытаются угадать, что их ждет дальше. Но хрен они могли отгадать!

Вот тут и начиналась игра. Мы залезали с этим мешком по пожарной лестнице на крышу пятиэтажного дома и подбирались к своей водосточной трубе, которая выходила на улицу. Труба была замечательна тем, что в ней не было швов. А для нашей игры это имело немаловажное значение. А внизу стоял наводчик – главное действующее лицо спектакля. Он должен был дать сигнал с точностью до секунды, когда начинать действие. И вот мы видим: он дает отмашку. Я вытаскиваю из мешка кошку и пускаю ее в трубу: ш-ш-ша! Только шорох идет!

Здесь во мне, наверное, опять просыпались гены моего деда, который, как известно, знавался с большими учеными и изучал вместе с ними повадки зверей. Не зная, за что уцепиться, вырвавшись из

страшной темной трубы, кошка хватается за все, за что можно только уцепиться. И если расчет точный, животное, выскочив из трубы, цепляется за ногу обреченного прохожего. Тот не понимает, в чем дело, начинает орать и срывается с места. Кошка тоже ничего не понимает и боится отцепиться. Так они и несутся вместе до первой автобусной остановки. Ну, а там уж им люди помогают расцепиться.

А мы ждем новую жертву: у нас ведь в мешке еще много этого зверья!

Это было очень смешно.

Но если наводчик ошибался, мы его били. И били очень больно. За вторую ошибку его дисквалифицировали. И тогда он плакал уже без лупки: кому же хотелось терять такую почетную должность!

Охота за пионами

В Лефортовском дворце в Москве при Екатерине были построены одноэтажные конюшни, потом из них сделали коммуналки, там я родился и вырос. Я не шучу, мы действительно жили в екатерининской конюшне. Комнаты, вероятно, в своей прошлой «жизни» были стойлами. Выглядели они странно: длинные и узкие, словно пенал. И еще одно яркое воспоминание из детства: один туалет на сорок коммуналок.

Зато у каждого был свой палисадничек, такой дворсад, где росли цветы и очень много сирени. Отец обожал цветы. На маленьком клочке земли у нас росло все, начиная с георгинов, пионов, астр и заканчивая золотыми шарами. Он был ярый садовод, все понимал в цветах, знал времена цветения, поэтому этот палисадничек цвел с самой ранней весны до глубокой осени.

Когда я ухаживал за своей будущей женой, я был студентом. Денег не было, поэтому приходилось воровать цветы у соседей. А чтобы не выглядело подозрительно, я заодно и у отца потихоньку обрывал каждый раз по цветку.

Однажды чуть не попался... Поздно ночью рвал зубами пионы у соседки. И, как обычно, предварительно один пион украл у отца. В это время соседка выглянула в окно, а если бы она меня увидела, это позор был бы страшнейший. Я побежал и не заметил натянутой проволоки, которая поймала меня за горло. Я перевернулся, да еще затылком ударился о кирпичи, которые укладывались вокруг клумбы. Еле-еле отполз под вишни, которые росли напротив, и лежу. А соседка кричит: «Костя, Костя, я сейчас видела, кто-то у меня цветы рвал!» Отец выскочил, посмотрел в наш

палисадник: «У меня тоже. Кто это? Где этот подлец?!»
А я, когда все улеглось, выполз, чтобы никто не заметил, подсунул цветы под ворота, вышел на улицу и забрал их. Так, с шишкой на затылке, со шрамом на шее пошел на свидание, но зато с букетом пионов.

Монолог трикотажа

Никто не верил, что меня примут в театральное: ни родители, ни учителя. А в школе даже откровенно посмеивались над моей «блажью». Да, честно говоря, я и сам-то не очень верил. Верил в меня только один человек – Серпинский.

До сих пор не могу понять, почему Сергей Владимирович, одареннейшая личность, руководил каким-то драмкружком в Доме пионеров! Он великолепно знал астрономию, преподавал математику в вузе. Его отстранили от преподавания за то, что он провел выпускные экзамены, нарушив все предписанные педагогикой каноны. Прекрасно играл на фортепьяно. Блистательно знал мировую литературу. Одно время работал в литературной части Камерного театра. Это был удивительный человек! Вот только он один и верил в меня.

Сейчас, вспоминая о нем, я думаю: а может, эта вера и поддержала меня тогда, не дала упасть духом, укрепила уверенность в своих силах? Наверное, так оно и было. Без поддержки человек теряется и может так больно упасть, что больше и не поднимется. А кроме того, я не мог не оправдать доверия нашего общего любимца. Это было бы предательством по отношению к нему.

До сих пор благодарен я и своим товарищам, которые штопали прорехи в моем образовании: поднатаскали меня по всем предметам, чтобы я закончил десятый класс.

Поступал я в Школу-студию МХАТ имени М. Горького. На первый тур пришел в отцовском костюме. Прошло всего три года после войны, и все ребята ходили в лыжных байковых куртках. Куртка синяя, а

кокетка голубая. Или в другом сочетании, но обязательно комбинированная.

У меня была замечательная желтая куртка с коричневой кокеткой. Но все родственники и близкие решили, что в театральное училище надо поступать обязательно в костюме. А отцовский костюм был мне, конечно же, очень велик. Поставили меня посреди комнаты, что-то подвернули, убрали, подшили, и я отправился на заклание.

Коридоры студии были буквально забиты поступающими. Говорили, что на каждое место претендует больше тысячи человек. А всего нужно было принять двадцать два.

Ребята были разные и отовсюду. Мельтешили и те, кто за войну поизносился, вроде меня, и оделся в то, что осталось, но встречались и такие яркие пижоны, что даже как-то неловко за них становилось. Один такой – высокий красавец в роскошном костюме – все привязывался ко мне. Как встретит в толпе, так обязательно спросит сверху:

– Вы еще тут? А я думал, вы уже играете во МХАТе?

Мне очень хотелось врезать ему, но его самоуверенность и улыбчивая наглость обезоруживали.

Наконец дошла очередь и до нас. Я читал «Толстого и тонкого».

А потом Георгий Авдеевич Герасимов, который набирал курс вместе с Сергеем Капитоновичем Блинниковым, подозвал меня и спросил:

– А у вас нет костюма попроще? Я думаю, для вашего исполнения лучше быть, ну, скажем, в куртке. У вас есть куртка?

Он был очень тактичным человеком. И я подумал, что, действительно, к этому рассказу Чехова куртка подошла бы больше.

И так случилось, что вслед за мной выпало читать моему красавцу.

- Что вы нам предложите? - спросил Блинников.

- Монолог Сатина, - ответил красавец нарочитым басом и почему-то в фамилии сделал ударение на второй гласной.

Произнес он это так уверенно и с таким апломбом, что Блинников не выдержал и тут же, с ходу спросил:

- А монолог трикотажа не прочитаете?

Я сразу же понял, что этот пижон не очень-то ему понравился. Но красавец даже и не думал смущаться. Он набычился и стал фальшиво орать, что человек - это звучит гордо! Ему не поверили. Никто не поверил.

Я вышел вслед за ним и хотел спросить: «Вы еще здесь? А я думал, вы играете...» Но когда увидел его растерянное лицо и жуткую тоску в глазах, то вспомнил правило: лежачего не бьют. И попытался его немного успокоить.

- Ладно, - сказал я ему, - плюнь ты на них. На втором туре и я наверняка погорю.

Но меня допустили до третьего тура. На нем были все старые мхатовцы: Топорков, Массальский, Карев, Раевский и, конечно же, сам Блинников.

Я стал читать:

- «На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля...»

И хотя все смеялись, меня прервали на половине рассказа.

- Достаточно. Спасибо, - поблагодарил меня директор студии Радомысленский и спросил у Блинникова: - Вы как считаете, Сергей Капитонович?

- Все понятно, хватит, - махнул ладошкой Блинников.

Мне тоже все было понятно. Занавес за мной опустился. Я вышел на лестничную площадку и попрощался с ребятами, для которых экзекуция была еще впереди.

- Ну, пока, парни. Счастливо вам!

И стал медленно, как в замедленной съемке, спускаться по лестнице. И тут услышал, как кто-то наверху спросил:

- Кто тут Дуров? Есть тут Дуров?

- Есть! - крикнул я снизу, еще не понимая, кому бы тут мог еще понадобиться.

- Иди скорее. Тебя Блинников ищет.

Я поднялся, открыл дверь в студию и сразу же столкнулся с Сергеем Капитоновичем.

- Ты все еще здесь маешься? Можешь бежать домой: мы тебя приняли, - засмеялся и ткнул меня пальцем в живот.

Вот так и решилась моя судьба.

Рост победителя

Когда я поступал в Школу-студию, какая-то девушка-абитуриентка сказала мне: «Дуров, слышала, как о вас шел спор: мол, маленького роста... И вдруг вскидывается Топорков: «А я какого роста? А Грибов какого роста? Вы что, с ума сошли, что ли! Стоящий парень». И меня приняли.

Я вообще считаю, что у меня рост победителя. Геракл был такого же роста, как я, а ведь он – канон физического совершенства, у него голова шесть раз укладывается в туловище. Мне часто задают вопрос: «А вам рост никогда не мешал?». И я отвечаю, когда сильно достанут: «Да отвяжитесь вы, у меня рост победителя. Изучайте лучше искусство древних и поймете, что все великие люди были маленького роста». Ленин, Сталин, Гитлер, Наполеон. Много, конечно, было среди них чудовищ, но все они – победители.

Пробы воздуха

Я тогда не знал еще, что такое розыгрыши – Школа-студия МХАТ, которую я заканчивал, была достаточно серьезным заведением, хотя и там появлялись диссиденты. Ими были Петр Фоменко, ставший потом известным режиссером, спектакли которого с успехом идут и у нас, и за рубежом, Саша Косолапов и Гена Павлов, который потом стал режиссером на телевидении.

Они не были политическими диссидентами – они первыми выразили некий протест против того зашоренного общественного регламента, по которому жили люди. Он их бесил, и они придумали свой образ жизни, свои нормы поведения.

Когда они входили в Школу-студию, то поднимали руки (а у каждого тогда был фибровый чемоданчик с книжками, тетрадками, полотенцем и всякой мелочью), роняли чемоданчики, бежали вперед животами, ударялись ими друг о друга, падали навзничь, лежали несколько секунд, потом вставали и дули друг на друга. А когда они дули на кого-то, то это означало, что они уважают его. И шли на лекцию.

Они никогда не улыбались. И уже не могли играть нормально отрывки из любого автора, будь то Шекспир, Островский – не имело значения. Они читали текст с мертвыми лицами, на сцене дули на своих партнеров, и все это производило странное впечатление. Очень странное.

Петю Фоменко отчислили, Саше Косолапову вроде дали закончить Школу-студию, и он тут же попал в Театр им. Станиславского. Это был высокий роскошный брюнет, очень красивый. И вот премьера спектакля, в котором Саша играл главную роль. Саша выходит на

сцену и не говорит ни слова. Вообще он был непонятным человеком: никогда нельзя было понять, сколько в нем «сидит» – или вообще ничего, или литр. Это не отражалось ни на его лице, ни на речи, ни в жестах.

Так вот он вышел на сцену и молчит. Партнеры стали подсказывать ему текст. Саша молчит, опять подсказывают, опять молчит, потом тихо говорит:

– Да замолчите вы! Все я прекрасно знаю...

Вышел на авансцену и уже громко в зрительный зал:

– Скажите, вам не стыдно это смотреть? – Повернулся к своим партнерам и спросил: – А вам не стыдно это играть? Занавес закройте, пожалуйста.

А они должны были играть какую-то современную пьесу. Разразился жуткий скандал, который кончился тем, что по всем театрам Советского Союза было разослано предписание: артиста Косолапова не принимать на работу ни в коем случае. Как актер он пожизненно дисквалифицировался за хулиганские действия на сцене.

Потом оказалось, что Саша – прекрасный художник-иллюстратор. Он выпустил массу книг со своими изумительными рисунками.

Как-то я встретил его на улице. Он шел, махая руками, как крыльями, имитируя полет орла и чуть подпрыгивая, как птица при разбеге. То ли он начал играть, когда увидел меня, то ли он все время так шел – не знаю.

Я сказал:

– Саша, здравствуй!

Он что-то пробормотал невразумительное:

– А...а...а... – и показал ребром ладони на свой рот. – Нет-нет-нет, Левочка! Боюсь, что расплескаю... Я полетел!

И он «полетел» дальше. Вся улица с изумлением смотрела на него.

Но было это много позже. А когда мы учились в Школе-студии МХАТ, эта тройка вытворяла черт знает что.

Вдруг кто-то прибегает и говорит:

- Ребята, на улице Горького скандал: наши там такое вытворяют!.. Их сейчас заберут в милицию!

Мы, конечно, бежим туда и видим: на трех липах на улице Горького сидят наши добры молодцы. Они по-настоящему жрут кору, а милиционеры пытаются стащить их с деревьев. Саша Косолапов отбрыкивается от них ногой и бормочет: «Не троньте меня! Не мешайте! Я белочка! Я белочка! Я голодная белочка!» - и продолжает жрать кору.

Петя Фоменко верещит:

- Я зайчик! Я зайчик! Не трогайте меня - я голодный бедный зайчик!

Гена тоже что-то выкрикивает и жрет кору.

Их все-таки стащили и, как мы ни просили не забирать ребят, их увезли в «полтинник» - известное 50-е отделение милиции. Мы побежали туда. Не прошло и нескольких минут, как их выпустили и милиционер сказал:

- Всё-всё-всё! Сейчас их развезут по домам, и - всё!

Оказалось, что в кабинете начальник обвинил их в том, что они создали аварийную ситуацию на проезжей части центральной улицы Москвы. «Что вы вытворяете, сукины дети?!» - стыдил он их. Те молча и тупо смотрели на него, и он растерялся. Потом они все трое синхронно ударились затылками о стену, наклонились над столом и выпустили огромную лужу слюны. Начальник заорал на своих подчиненных:

- Не видите, кого вы мне привезли?! Они все больные! Развезите их по домам! Мне что, за них отвечать?

Ребята подули-подули на этого начальника, сели в милицейскую машину, и их развезли по домам.

Прошло какое-то время, и опять кто-то прибегает и кричит:

- Ребята, выручайте! Будет большой скандал!

Мы снова бежим на улицу Горького и видим: Саша Косолапов лежит посреди дороги на животе и расставляет поперек проезжей части аптечные пузырьки. Где они их взяли, не знаю. У Гены Павлова был огромный мешок с этими пузырьками. Он доставал их по одному и передавал Саше, а тот перегораживал ими улицу Горького. А Петя Фоменко руководил уличным движением:

- Товарищи, товарищи, обходите, пожалуйста! Машины, объезжайте, объезжайте! Мы берем пробы воздуха! Берем пробы воздуха!

Пешеходы обходят, машины тормозят или объезжают. Ребята так убедительно разыгрывали эту сцену, что им нельзя было не поверить: люди действительно занимаются серьезным делом. И когда поток машин запрудил улицу и движение прекратилось, Саша и Гена разбросали эти пузырьки ногами и стали кричать:

- Всё, товарищи! Движение открыто! Проезжайте, проезжайте!

Никто не понял, что произошло и где милиция. А они, довольные тем, что закончили такую сложную работу, спокойно пошли гулять.

Политический выпад

А история, которая случилась с тремя друзьями в 1951 году, могла закончиться очень даже плачевно.

Секретарем комсомольской организации у нас в Школе-студии был Шестаков, ленинградский парень, настоящий долдон. И эта тройка очень его не любила. А Шестаков носил огромные ботинки, кажется, 46-го размера. После занятий он ставил их у шведской стенки и прыгивал с нее прямо в ботинки. И однажды после танцев, как обычно, Шестаков прыгнул в ботинки и – замер. Потом сказал:

– Я все понял: это политический выпад...

Он пошел к директору студии Радомысленскому и сказал:

– Они мне написали в ботинки как комсомольскому вождю. Это политический выпад.

И Радомысленский вызвал проказников к трем часам к себе в кабинет. И вот ровно в три часа Гена распахнул дверь Радомысленского, и Фоменко с Косолаповым в позе «Рабочего и колхозницы» большими скачками подскочили к столу директора и сказали:

– Именем Сталина клянемся, что не мы писали Шестакову в ботинки!

А ведь Сталин-то еще был жив! Радомысленский потерял дар речи, понял, что он уже в Сибири и ребята эти в Сибири. («Что здесь у вас за воспитание?! Что это за работа проводится с молодежью?!») И он уже представил себя на руднике, закованным в кандалы, добывающим уран или еще что похуже. И он обреченно сказал:

– Вон...

Ребята подули на него и опять же скачками выскочили в коридор.

Радомысленский не выходил из кабинета, наверное, часа два, - видно, решал, что с ними делать. Он понимал, что, если предаст это гласности, его тоже нет вместе с ними. И он принял мудрое решение: сделал вид, что вообще ничего не было, ничего не произошло. Не было - и все! Таким образом, все остались живы и здоровы.

И вот несколько лет назад я встретил уже известного режиссера Петра Фоменко на улице. Он страшно обрадовался:

- Левочка, как я рад тебя видеть!

Мы обнялись, поговорили о делах, и пришло время нам прощаться. Я пожелал Пете успехов, он пригласил меня на свой спектакль, сказал «прощай». Потом неожиданно снял с ноги ботинок и кинул его вверх. Ботинок описал дугу и упал на карниз над вторым этажом.

- Петя, - сказал я, - что ты делаешь?

- Левочка, - воскликнул он, - это все равно не омрачит мне встречу с тобой!

И в одном ботинке пошел по улице, помахал мне рукой и завернул за угол.

А ведь со студенческой поры прошло столько лет!..

Порода

Это тоже было во время учебы в Школе-студии МХАТ. Однажды я вошел в театр на какой-то юбилей, а в это время Павел Владимирович Массальский спускался по лестнице, кашне свисает, и понятно, что он сильно отметил этот юбилей. А если еще точнее – пьян был в дымину! В лоскуты! Я испугался, думаю, только бы не встретиться. Прижался к стене и стою. Он мимо меня прошел. На следующий день подходит ко мне Блинников и говорит: «Иди сюда. Чего у тебя с Массальским произошло?» Я говорю: «Ничего». – «А почему тогда он подходит и говорит: как ты воспитываешь студентов? Я говорю: «А в чем дело?» – А ты у Дурова спроси». Я пошел. Вижу, стоит Массальский, роскошный, красивый, как всегда. Я робко говорю: «Павел Владимирович, здравствуйте». «Голубчик, вы опоздали, это надо было сделать вчера!»
Вот что такое – порода!

Три бойца

Нас была троица: Горюнов, Анофриев и Дуров.

И как только педагог спрашивает: «Кто приготовил новый этюд?» Мы выскакивали первыми.

- Опять вы? Ну давайте.

И мы давали! Кого и чего мы только не переиграли!

Однажды мы показывали этюд «В окопе» (тогда мы еще «проходили» этюды без слов). В маленьком окопе (среди поваленных стульев) три бойца отражают танковые атаки. Рычать танками попросили других студентов. По сюжету я погибал при отражении первой же атаки. Пуля попадала прямо в сердце. И товарищи, скорбно постояв над моим телом, обнажив голову, должны были вновь взяться за оружие и отражать атаки противника. Потом погибал Горюнов. Анофриев оставался один, обвязывался гранатами и бросался под танк.

Мы залегли среди стульев. Студенты зарычали. И началось...

Мы трататакали из воображаемых автоматов, ухали разрывавшимися снарядами, бахали гранатами, вжикали пулями, свистели осколками. Все получалось здорово! И мне не захотелось умирать. Какого черта!

Атака была отбита. Мои соокопники в недоумении переглянулись - ты живой? Началась вторая атака. Я понял, что надо получить хотя бы легкое ранение, схватился за плечо и застонал. Ко мне подполз Горюнов и стал перевязывать, шепча: «Ты что - спятил? Мы же договорились, лежи тихо». - «Ничего не спятил. Умирай сам», - зашипел я и пополз на боевую позицию.

Та-та-та-та-та-та-та-та-та! У-у-у-у-у-у-у-ух!

Меня опять ранило, но не смертельно. Я продолжал стрелять...

И вдруг Анофриев заорал: «Пристрели его! Он же мучается!» Горюнов сделал скорбное лицо, сморщился, отвернулся и выстрелил в меня из указательного пальца. «Чпа-а-ах»!

Я вздрогнул, немного подумал – делать было нечего, надо было умирать.

А они, встав во весь рост и обнявшись, поддерживая друг друга, так как тоже получили не одно ранение, запели почему-то «Раскинулось море широко» и пошли на танки.

Этюд продолжался 23 минуты. А Герасимов, после большой паузы, сказал: «С завтрашнего дня начинаем этюды со словами».

Бронепоезд не прошел!

Мы учились на втором курсе, когда нам объявили, что мы будем заняты в дипломном спектакле «Бронепоезд 14-69». Ставил спектакль Павел Владимирович Массальский.

Мне поручили даже эпизод - я играл беженца. Но увлекло меня совершенно другое.

«Бронепоезд»! - грохот тяжелых вагонов-башен, перестук колес на стрелках, выстрелы, залпы...

Я подошел к Массальскому и сказал:

- Можно, я сделаю шумы для вашего спектакля, Павел Владимирович?

- А ты умеешь?

Я снисходительно улыбнулся:

- Спрашиваете тоже!

- Ну давай!

Шумами до этого я никогда не занимался. И представления, что это такое - не имел. Но как они делаются - мне не нравилось.

И вот я начал экспериментировать. Собрал целую бригаду добровольцев, натаскал кровельного железа, куски рельсов, устроил сложнейшую систему сигнализации.

И вот спектакль.

Я проверил - все готово, все на местах. Мужики ждут на рельсах прибытия бронепоезда. Кто-то должен пожертвовать собой, чтобы остановить его.

И вот издалека - ши-ши-ши-ши-ши, ши-ши-ши-ши, ши-ши-ши-ши, ши-ши-ши-ши... Идет!!! Резонатор (деревянный ящик с фанерными боками) вступает за резонатором, щетки, утыканные гвоздями, сыпят с боков резонаторов опилки...

- Приготовиться стыкам! Пошли!

Та-та – та-та, та-та-та-та, та-та-та-та, та-та-та-та!

– Железо! Начали!

Зи-за-за-за-за! Зи-за-за-за-за-за!

Нервно запели листы кровельного железа в руках «ассистентов».

– Большой барабан!!!

Бу-а-а-а-а-а... Бу-а-а-а-а-а...

Залп!!! И ахнуло все сразу!!! Дрогнули старые стены. В конце коридора что-то рухнуло. На вешалке вскрикнула тетя Дуся: «Господи, да что же это такое?»

Я весь в поту. У самого мурашки по телу.

В зале овации! Прибежали из МХАТа (здания студии и театра находились рядом).

– Что тут у вас происходит?

– Спектакль.

– У нас чуть все стекла не вылетели! Перепугались до смерти, а кто-то говорит: «Салют». Еще один такой спектакль, и рухнет наша альма-матер!

Хотя мы и наделали много шума, но «Бронепоезд» не прошел!

Не сдержался

В том же дипломном спектакле «Бронепоезд 14-69» Витя Онищук играл белогвардейца Обаба и, когда Вершинин входит в бронепоезд, должен был по роли произнести: «Первому мужику – пулю в лоб!» Он и произнес, в середину предложения открытым текстом вставив «...твою мать». Высокая комиссия приняла решение лишить его диплома и дисквалифицировать как актера, для проформы заставив предъявить объяснительную. Витя написал, что четыре года учась по системе Станиславского, он для каждой роли готовил внутренние монологи. И вот во время дипломного спектакля его внутренний монолог, обращенный к классовому врагу, неожиданно вылез наружу и проявился таким образом. Не поверить такому объяснению означало для театральной «парткомиссии» подставить самих себя – «да-да, и с нами такое на сцене случалось, тем более по отношению к классовому врагу...» Дали ему диплом.

Не марксистско-ленинские лица

Однажды трое студентов школы-студии: Горюнов, Анофриев и я шли вечером по улице и вдруг из какого-то подвального помещения услышали: «Горько! Горько!». Решили заглянуть на эту свадьбу. Входим и говорим: «Поздравляем вас!». Думали: сейчас нам поднесут, чтоб выпили за здоровье молодых. А свадьба почему-то рассердилась на непрошенных гостей – все высыпали оттуда, бросились на нас, и началась жуткая драка. Так как драться я умел, то быстро скомандовал: «В подъезд!». Мы залетели в подъезд, стали с Мишкой Горюновым спиной к стенке, и вот эта свадьба вся на нас накинута. Драться им было сложно: они уже поддатые были, плохо ориентировались и мешали друг дружке нас бить. Когда я видел, что на меня идет кулак – голову убирал, чья-то рука бабахала в стенку и человек «отваливался». Следующий – то же самое. Правда, и нам досталось сильно. А Анофриев куда-то исчез. Потом его спросили: «Где ты был?» Он сказал: «Я думал, как что – так всё». Что это означало, я не знаю до сих пор! И вот пришли мы после этой драки к Мишке Горюнову. У меня один глаз не смотрел (кто-то вцепился ногтями), у Мишки лицо тоже было здорово попорчено. А на следующий день нас ожидал экзамен по марксизму-ленинизму. Принимал его преподаватель Алексеев, который к тому же был парторгом МХАТа. И когда мы вошли втроем, тот сразу спросил: «Что это такое? Что у вас за лица?» Мы соврали, что ставили антенну на крыше и упали. Он говорит: «А ставили втроем?» Отвечаем: «Да». – Почему же Анофриев не упал? Мы: «Он удержался». Тогда Алексеев сказал: «С такими лицами марксизм-ленинизм сдавать нельзя!» И

нас выгнали. Но выгнали всех троих: почему-то и Анофриева за компанию!

Молодой огурец - Л.К. Дуров

В Центральном детском театре я проработал около десяти лет. Сыграл множество ролей. И каких!

Уверен, далеко не каждый актер может похвастаться, что он играл... репья! Да-да - репья, липкими колючками которого так любят бросаться дети. А потом матери, причитая, выстригают эти колючки из их спутанных волос. И была у репья даже любовь (конечно, в рамках детского театра) - петунья. А под финал появлялся даже маленький грудной репейничек! Или, скажем, огурец! И не какой-нибудь огурец, а молодой. Так и в программе стояло: молодой огурец - Л.К. Дуров.

А кто играл тучку?! Ну кто? Никто. А я играл. Сам придумал решение и сам играл. И летал на семиметровой высоте, повиснув на веревочной лестнице в гриме эффелевского бога, в фартуке, резиновых сапогах и с лейкой в руках.

И добрая волшебница, которую играла В.А. Сперантова, кричала мне снизу:

- Здравствуй, тучка!

А я ей сверху в ответ:

- Здравствуй, мать! Что изволишь приказать? Хочешь снега или града?

- Снега, града - нам не надо.

Ты листочки поскорей
Теплым дождичком полей,
По листочкам постучи,
Только нас не замочи.

И я, полив цветочки из лейки и потанцевав с жучками и букашками, улетал дальше.

- Полечу теперь опять Кукурузу поливать!

Это был очень красивый спектакль - «Цветик-семицветик». Огромная деревянная жирафа, качая своей длинной шеей, прощалась с детьми:

- До свиданья, до свиданья, до свиданья.

Зал хором отвечал:

- До свиданья, до свиданья, до свиданья!

И сцену заполняли огромные разноцветные шары. Они медленно плыли в воздухе, паря над сценой... И звучал вальс.

- До свиданья, до свиданья, до свиданья...

А вообще моя первая роль в театре - это талантливое исполнение на сцене задней части коня. И в этом нет ничего обидного. Быть задом Конька-Горбунка - это как дедовщина в армии. Каждый новенький через это проходил. В афише слово «зад», конечно, не писалось. Указывалось просто: «Горбунок» - и две фамилии исполнителей переда и зада.

На «синий огонек»

Кстати, моя первая «человеческая» роль была провальной. Шел тогда спектакль «Как закалялась сталь», в котором мне пришлось в роли Вани Жаркого заменить заболевшего актера. Сюжет-то был простенький: Ване предстояло сплясать, и когда на сцене погаснет свет, взвалить на плечо бревно и уйти на «синий огонек». Сплясал, бревно взял, а огонек почему-то так и не загорелся. В потемках Ваня уткнулся головой в стену.

Пришлось актерам импровизировать и спасти спектакль.

Писсуар легендарного полководца

Среди нашей братии бытует поговорка «волка кормят ноги, а актера – елки». Понятно, речь идет о новогодних детских представлениях. Когда я работал в детском театре, то играл на елках везде: в Колонном зале, в Парке культуры, в Кремле, в клубе «Каучук», в клубе Зуева, в клубе Горбунова, в детских садах. Где только не играл!

И вот однажды в Кремле между елками захожу в необходимую всем комнату с буквой «М».

Стою, журча. Рядом встает еще кто-то. Тоже журчит. Я скосил вниз глаза – вижу генеральские лампасы. И вдруг печальный вздох:

– Ох, ох, ох!.. – И через короткую паузу провоцирующее на вопрос: «Что вы говорите?»: – Да-а-а?!

Молчу, журчу...

– Да, молодой человек, а ведь вы и не знаете, что это любимый писсуар Климента Ефремовича Ворошилова. Да-да-да!..

И лампасы ушли. И столько было в этом «да-да-да» боли, что я невольно прервал прозаический ритуал.

Действительно, какой-то задрипанный артист узурпировал любимый писсуар легендарного полководца, луганского слесаря Климма. Правда, я до сих пор не знаю ни одного сражения, выигранного им, да и конармейскую тачанку, кажется, изобрели махновцы. Но это неважно. Все равно – легендарный.

Глядя в любимый фаянсовый маршальский эллипс, я выдержал секунду уважения и... дописал. Потом вымыл руки кремлевским мылом и отдал писсуару честь.

Ещё хуже, чем шпионаж

Порой мы играли по десять елок в день. Пахота была чудовищная, но по тем временам только этим можно было подзаработать.

И вот в Детском театре артист Молодцов на елке играл Петуха. У него были такие красные ноги с большими желтыми когтями. В таком наряде ходить он не мог – передвигался по сцене прыжками. И вот однажды он чувствует, что опаздывает на Кремлевскую елку. Тогда он решает не снимать петушиные ноги, сверху надевает длинное пальто и из Детского театра прыгает на улицу. Такси взять не может. И тогда он скачет напрямик через Красную площадь, со стороны представляя диковинную картину: здоровенный мужик в длиннополном пальто скачет, как козел, с петушиными ногами. Как только он поравнялся с Мавзолеем, его вдруг схватили и через Спасские ворота куда-то поволокли. Стали обвинять в шпионаже (только шпионы пересекали границу на копытах), устроили дознание. Когда он объяснил, что бежит на елку в таком виде, ему, разумеется, не поверили, но все-таки решили позвать кого-то из артистов с Кремлевской елки для опознания «петуха». Пришел я, клялся, клялся, божился, что Молодцов никакой не шпион. Кажется, убедил. Отпуская его, генерал сказал: «Хорошо, я верю, что он не шпион. Но то, что он бежал в куриных ногах мимо усыпальницы вождя мирового пролетариата, это еще хуже, чем шпионаж».

Стихи о Ленине

В стародавние времена существовала традиция: на Новый год в Колонном зале ставили для детей елку, на которой Деда Мороза изображал Владимир Ильич. Да-да-да, сам Владимир Ильич!

Он гулял по лесу, вокруг него собирались зверюшки – они танцевали, прыгали, короче, веселились сами и веселили Владимира Ильича. Конечно, были там и темные силы, но дедушка Ильич с помощью этих зверюшек побеждал их. А потом под крики детей: «Елочка, зажгись!» – Владимир Ильич зажигал эту елку, и все танцевали вокруг нее.

Завершался этот спектакль тем, что заранее подготовленные дети выходили на сцену и читали стихи о Ленине. Они известны, их не так уж и много: «С кудрявой головой, он тоже бегал в валенках по горке ледяной».

И вот однажды из первого ряда стал раздаваться истошный крик:

– Я хочу! Я хочу!

Кричал маленький мальчик и рвал себе пальчики, как хазановский студент кулинарного техникума. Ведущему ничего не оставалось, как пригласить его на сцену:

– Ну конечно, конечно! Иди сюда, мальчик. Хочешь прочитать стихи о Ленине?

– Да, я хочу о Ленине!

– Хорошо, ты знаешь стихи о Ленине?

– Да, я знаю о Ленине!

– Ну иди к микрофону.

Мальчик поднялся на сцену, подошел к микрофону и начал: «По улице шел зеленый крокодильчик... И вдруг обосрался...»

У меня было такое ощущение, будто в зале рухнули все хрустальные люстры. Наступила гробовая тишина... Тут кто-то из ведущих попытался выйти из положения: схватил какого-то зайчика или медвежонка, сунул его мальчику в руки и стал выпроваживать со сцены:

- Ну ты иди, иди. Спасибо тебе! Все хорошо, все хорошо. Елка продолжается!

Мальчик спустился со сцены, нашел свое место и сел. И вот тут мы увидели страшную картину. Он сел рядом с большим-большим дядей. А дядя отрекся от ребенка. Он сделал вид, что это чудовище, которое только что сошло со сцены, не его сын, не его внук и вообще никакого отношения к нему не имеет. Но самое страшное, что сам мальчик каким-то подсознанием понял, что он совершил нечто ужасное, и вел себя так, будто этот громадный дядя не его папа, не его дедушка и он к нему тоже никакого отношения не имеет.

Возникла маленькая пауза, были притушены огни. Потом ярко вспыхнул свет, и все увидели, что в первом ряду два пустых кресла: дядя с мальчиком в темноте умудрились смыться. И правильно сделали - еще неизвестно, чем бы для них закончилось это новогоднее представление. И для дяди, и для маленького мальчика, которому так хотелось прочитать стихи о Ленине.

Антиснегурочка

Еще был случай во время новогодней детской елки, когда Снегурочку играла Валечка Туманова. Это была такая странная елка. Как бы антиелка. И была антиснегурочка. Она как будто бы была очень плохой девочкой. По сюжету она это делала для того, чтобы проникнуть в стан злых сил и выведать у них все тайны – чтобы в конце концов празднование Нового года состоялось. И была у нее такая реплика: «А Дедушке Морозу я не дам слово учиться на одни пятерки!»

Однажды Валечка сказала:

– А Дедушке Морозу я не дам... – и замолчала.

Воцарилась пауза. И вдруг в зале какой-то мужчина произнес:

– Во дают!

Началась дикая истерика, уж как закончили эту елку, я не помню.

Как я играл Лису

У меня есть одна трагическая история. Меня за всю жизнь только однажды сняли с роли. Ни разу не снимали, даже Райхельгауз в «Чайке». Как я уже писал, тогда весь заработок был – одни елки. Говорухин в то время еще не снимал фильмы, так что делать было нечего, и мы где только не играли.

И вот я играл в Колонном зале Медведя. А заболела актриса. И мне сказали, чтоб я сыграл Лису. Выручай, спасай, на тебя смотрит Колонный зал. Ну, напялил шкуру лисы. И подумал, что лиса – это значит надо быть таким кокетливо-женственным... И я стал ко всем приставать – к волкам, к медведям, к Деду Морозу...

А тогда директриса была, Шульга, такая женщина огромная, с такой «халой» на голове и таким очень сильным мужским лицом. И когда закончилась елка, я уже был снят. И я слышал ее монолог. Она кричала:

– Это что за лиса???!!! У мальчишек пиписьки напряглись! Это что за лиса? Эта лиса – это не только проститутка, но и б...ь!

Дедушка Хо

Каждый новый спектакль в ЦДТ был для нас огромным творческим событием. По причине нашей «детскости» острые общественно-политические страсти обходили нас стороной.

Но вот однажды в моей квартире раздается звонок. Срочно вызывают в театр. Что такое? По телефону не объясняют. Приезжаю.

- Сегодня на спектакле «Двадцать лет спустя» будет товарищ Хо Ши Мин.

- Ну и что? - спрашиваю.

- Надо хорошо играть.

- А я плохо не умею.

- Бросьте ваши дуровские штучки! Отнеситесь к этому серьезно!

И я понял, что действительно шутки неуместны: к полудню театр заполнили какие-то молчаливые спортивной выправки люди. Всё осматривали, всё обстукивали и молчали. В театре воцарилась странная напряженная и таинственная атмосфера. Как будто вот-вот что-то должно было случиться. Наконец кто-то шепотом сообщил:

- Приехал...

С небольшим опозданием начали спектакль по пьесе Михаила Светлова. Самого автора искали целый день, но так и не нашли.

Играем. Волнуемся. А зал смотрит не на сцену, а на дедушку Хо, который сидит со свитой в ложе. А вот и финал. Дедушка Хо громко аплодирует, кричит:

- Bravo!!

И весь зал начинает орать:

- Bravo!!!

Кланяемся минут пять. Полный успех! Радостные расходимся по гримуборным, а там везде «мальчики».

- Не раздевайтесь, не разгримировывайтесь: сейчас придет «сам».

И вот появляется «сам». Улыбающийся от уха до уха, с козлино-козьей бородой на желтом лице - дедушка Хо.

- Дорогие мои! Ну как хорошо вы играете! Вот молодцы! - причитает он на чистом русском языке. - Вот порадовали старика! Спасибо, спасибо вам, родные. Я подумал, зачем цветы? Ведь завянут. И решил привезти вам конфеты.

Тут же внесли огромные круглые коробки. А я понял, как ловко он выкрутился. Когда ему сказали: «Детский», он подумал, что в этом театре играют не артисты, а дети, вот и привез конфеты.

Он стал громко и долго всех хвалить, начал нам пересказывать содержание пьесы. А высокий красивый брюнет, заслоняя собой проем двери, нетерпеливо покачивал головой. Потом вдруг сказал, бесцеремонно оборвав дедушку Хо на полуслове:

- Хо, Хо! Все, все, хватит болтать! Баиньки, баиньки! - И хлопал при этом в ладоши.

- Подожди ты! Кто при ком? - отмахнулся Хо и попытался продолжить.

- Ну все, надоело! - не выдержал красивый брюнет. - Берите его, ребята!

Два здоровенных парня отделились от стены, взяли под руки Хо, оторвали от пола и понесли на выход. Дедушка Хо, перебирая в воздухе ножками, кричал:

- Ну, видали, как обращаются с одним из лидеров мирового коммунистического движения? Видали?

А брюнет шел следом, хлопал в ладоши и приговаривал:

- Баиньки, баиньки... Уморил ты нас за день, говорун ты наш. И нам пора бай-бай.

Дедушку Хо унесли.
А мы набросились на конфеты.
И - никаких международных конфликтов.

Заграничная мука

Киру Константиновну Станиславскую мой друг Леня Коробов встретил у опекушинского памятника Пушкину.

- Ах, Ленчик, - сказала она, - как же о нас дурно думают в Европе! Ну бедные мы, несчастные, но не до такой же степени!

Оказалось, что в Париже умерла ее тетка и кузина прислала посылку с мукой. Просила помянуть усопшую и добавила: «Очень покойница любила московские пироги с вязигой. Помяните ее этими пирогами».

- Но ведь муки у нас и в самом деле нет, - возразил Леня. Это было еще до отмены карточной системы - вскоре после войны.

- Попрошу я у девчат в Филипповской булочной. Ведь не откажут они мне ради такого случая. Смешаю с французской... А их мука мне не понравилась: какая-то серая и, по-моему, немного сладит. А ты непременно приходи. Я тебе позвоню.

Она позвонила, и Леня пришел. Все было чинно и благородно. Правда, специфический вкус зарубежной муки в пирогах не всем понравился. В ту пору наши люди употребляли только отечественный продукт и к иностранному не привыкли.

А через неделю Кира Константиновна снова позвонила Лене и попросила о встрече. Они встретились там же, на Пушкинской площади.

- Что случилось? - спросил Леня, увидев, как у Киры Константиновны дрожат губы.

Она протянула ему листок.

- Прочитай сам... Я не могу об этом говорить. Это от кузины. Из Парижа.

Кузина писала, что матушка ее скончалась в канун оккупации Франции германо-итальянскими войсками.

Тогда же ее кремировали. Перед смертью она попросила, чтобы прах ее захоронили в русской земле. Но об этом не могло быть и речи целых пять лет. И урна с прахом хранилась в семье кузины. После окончания войны появилась возможность высылать в Россию посылки с вещами и продуктами. Пересылка же праха стоила больших денег. И тогда кузина пошла на хитрость.

Хитрость удалась, только вот письмо в пути задержалось...

Ротмистр Брянский

Был у нас в Центральном детском театре прекрасный актер Павел Владимирович Брянский. Небольшого роста, коренастый, а голос у него был такой – баспрофундо. Он играл в сказках царевичей, царя зверей. Актер был замечательный. В театр всегда приходил весь в крахмале – и рубашечка, и бабочка. Хотя был, конечно, человеком далеко не богатым.

Он слыл таким искренним и честным человеком, что его откровенности побаивался даже директор театра.

Мы знали, что до революции он служил в каких-то элитных войсках. Как-то я спросил его, что это были за войска. И он сказал, что служил в таком-то кавалергардском полку. А мама моя была сотрудницей Военно-исторического архива. В этом учреждении хранились материалы всего дореволюционного периода, включая послужные списки всех армий, дивизий, полков, офицеров.

Когда я узнал, в каком полку он служил, я попросил маму, если можно, найти документы на Брянского. Когда мама сделала выписку из его послужного списка и мы показали их самому Павлу Владимировичу, мы все вместе хохотали до слез. Там у него были сплошные разжалования, лечения от дурных болезней, восстановления в чинах, загадочные истории и еще бог знает что. Он сватался к дочери командира полка, но ему отказали. А в послужном списке было написано, что во время парада в день именин Его Императорского Величества ротмистр Брянский подскакал на коне к командиру полка и отдал ему рапорт, приложив в знак приветствия руку к неподобающему месту. За это он был разжалован в солдаты и отправлен в Оренбургскую крепость. Там он заболел дурной болезнью. Фельдшер

сделал ему укол скипидара, после чего Брянский пробежал от боли три раза вокруг крепости и был найден в бурьяне. Потом он вылечился, в чине его восстановили.

Вот в таком духе был составлен весь послужной список. И выходило, что Брянский был настоящим хулиганом, роскошным хулиганом, хотя и служил в кавалергардском полку.

А уже при Советской власти с ним приключилась история, которая обошлась ему очень дорого. У милиционеров тогда были белые пробковые шлемы с двумя шишечками, по бокам которых были две дырочки. Вот Брянский подошел к одному постовому и спросил:

- А скажи-ка мне, пожалуйста, милейший, для чего у тебя на шлеме дырочки с двух сторон?

- Для вентиляции, - пояснил милиционер.

- Болван! - не согласился Брянский. - Это для того, чтобы у тебя выходил пар, когда кипит твой разум возмущенный!

Его тут же арестовали и дали четыре года за контрреволюционный выпад.

Ленин и бревно

Вспоминаю один торжественный вечер, посвященный очередной ленинской годовщине. Выступали старые люди, творческие работники, и, когда все высказались, Шах-Азизов спросил, не хочет ли кто еще сказать что-нибудь по теме. И тут руку поднял Брянский. Шах-Азизов смутился – он знал, что от этого человека можно ожидать всего что угодно. Но делать было нечего, и он пробормотал:

– Конечно, конечно, Павел Владимирович...

Брянский поднялся, прошел к трибуне и начал:

– Вот здесь много говорилось о так называемых Ленинских субботниках. Но я вижу, что вы совершенно не знаете о том, что эти субботники изобрел совсем не Владимир Ильич, а Лев Давыдович Троцкий.

Зал окаменел.

– Да, да, – продолжал Брянский. – Он организовал трудовые отряды, в которых должны были принимать участие все граждане страны. И Владимир Ильич, как гражданин республики, наравне со всеми работал на этих субботниках и таскал это самое легендарное бревно. Так что никакого подвига он не совершил, а выполнял свой гражданский долг. Но вскоре выяснилось, что от этих субботников, в которых надо было участвовать и в зной и в стужу, стали терять профессиональные навыки музыканты, вокалисты, художники, артисты. И вот тогда мы, представители разных артистических жанров, организовали группу и пошли на прием к Луначарскому просить его освободить нас от этой трудовой повинности. Луначарский принял нас в Кремле и поддержал нашу просьбу. Троцкий, видимо, был уже предупрежден о цели нашего визита, потому что через минуту-другую

вошел в кабинет и безо всяких предисловий железным голосом сказал:

- Все знаю. Сегодня от субботника начинают трястись руки у скрипача, завтра они затрясутся у молотобойца, послезавтра они затрясутся у красного командира, а потом они должны затрястись и у меня. Нет! Никто от субботников не освобождается! - и он вышел.

Мы были безумно расстроены. Был расстроен и Луначарский. Он выдержал большую паузу, а потом сказал:

- Не вешайте головы. Сейчас я еще попробую... - и вышел. Через короткое время он возвратился с Владимиром Ильичом.

Ленин, ни с кем не поздоровавшись, стал быстрыми шагами ходить по кабинету, потом попросил:

- Анатолий Васильевич, пригласите, пожалуйста, сюда Льва Давыдовича.

Луначарский пригласил. И Ленин спросил Троцкого:

- Лев Давыдович, вы жаловались, что у вас течет потолок. Как сейчас обстоят у вас дела?

- Течет, Владимир Ильич.

- А вы знаете что, Лев Давыдович, - в Третьяковской галерее очень много промасленного полотна.

Надо вынуть его из рам и застелить крышу вашего дома. И течь ваш потолок не будет. А можете даже из рам не вынимать - просто уложить на крышу.

- Ну если это всё ван дейки, то конечно, - попытался отшутиться Троцкий и осекся. - Понял, Владимир Ильич. Я сейчас же подпишу приказ об освобождении всех работников искусств от субботников.

Так закончил свое выступление бывший кавалергард Брянский.

Павел Владимирович был мужественный человек. Однажды в кругу друзей он с грустной задумчивостью сказал:

- Братцы, а вы знаете, ведь мне конец... Это не потому, что я не могу сейчас пойти с вами и выпить. Дело в другом: мне не хочется выпить! А это значит - все...

И в самом деле, очень скоро мы узнали, что у него обнаружили очень тяжелую форму рака. Он никогда не жаловался на боль, ходил, побряхтывая, и все думали, что у него просто такая манера поведения...

И ушел он тихо и незаметно - великолепный артист и замечательный человек из плеяды людей необыкновенных.

Орден «Льва и Солнца»

Еще работал в детском театре золотокудрый красавец Славка. Фамилию его я уже не помню. Он сыграл в каком-то спектакле сказочного принца, и на том его артистическая карьера завершилась. Дело в том, что он увлекался еще и стихами и разрывался между сценой и поэзией. Два-три стихотворения он даже сумел где-то опубликовать.

История, которая с ним случилась, произошла во время визита в нашу страну шаха Ирана Реза Пехлеви со своей очаровательной супругой шахиней Сорейей. Шума и треска тогда было очень много. И по этому поводу в Москве даже стали ходить анекдоты. Правда, больше связанные с шахиней, чем с шахом, который не представлял для обывателей никакого интереса.

И вот в самый разгар официальных визитных страстей приходит Славка на репетицию и небрежно сбрасывает с себя свой кремовый пыльник (были еще в то время такие легкие летние плащи). Потом медленно оборачивается к своим товарищам, и у всех отвисают челюсти: на груди Славки, на голубой муаровой ленте, переброшенной через шею, красуется огромный шикарный орден явно восточного происхождения. Об этом можно было догадаться по синему эмалевому полумесяцу, который сразу бросался в глаза.

– Славка, откуда?

Славка помялся немного («Даже не знаю, имею ли я право говорить об этом...») и наконец решился.

– Только между нами, ребята, – предупредил он. – А то и мне может быть плохо, да и вам не поздоровится. Короче. Черт меня дернул пойти позавчера в Книжную лавку, что на Кузнецком Мосту. Сказали, что там есть старое издание Ланга «О сценической игре».

Заворачиваю за угол и вижу: стоит у Дома моделей огромная толпа. Всю улицу перегородила.

- В чем дело? - спрашиваю.

- Шахиня, - сказали, - решила посмотреть наши модели.

Ну, думаю, такой случай упустить никак нельзя. Такая ли она красавица на самом деле, как о ней говорят? По газетным-то снимкам ни фига не определишь. И бочком-бочком пробираюсь к стеклянным дверям. И только просунулся в первый ряд, как дверь отворилась и вышла она! Ребята, верьте-не верьте, я чуть не ослеп. И тут она вынимает из сумочки белоснежный платочек и - роняет его! Он парит в воздухе, как мотылек. Какая-то сила толкнула меня, я рванулся вперед, подхватил на лету платочек и с поклоном передал шахине. Она приняла его, улыбнулась мне (будто солнышко взошло!) и что-то коротко сказала телохранителю. О, мужики, если б вы видели эту улыбку, вы бы ошалели! Да-а... И тут, чувствую, двое в штатском оттирают меня, оттирают и выводят на чистое пространство. «Кто? Что? Откуда?». Ну я и сказал, что я поэт, а работаю в ЦДТ. Дал им все свои координаты, и меня отпустили. А вчера утром, только позавтракал, слышу во дворе звуки божественной восточной мелодии. Посмотрел в окно, а это сигналил длинная шикарная машина серебристого цвета. А на радиаторе посольский флажок с полумесяцем. И тут звонок в дверь. Открываю. Входит шикарный мужик и передает мне обалденный пакет с вензелами. «Вы, - говорит, - приглашены сегодня в иранское посольство на прием, который дает ее высочество шахиня Сорейя. За вами приедут». И ушел. Вскрываю пакет - действительно, официальное приглашение! Честно говоря, я струхнул. А не провокация ли это? Может, завербовать хотят? В посольство-то меня привезут, а вот как выйду оттуда,

так и повяжут и поволокут под белы ручки на Лубянку. Не-ет, думаю, надо подстраховаться. Связался со своим старым дружкой, у которого батя-генерал служит в МУРе.

«Срочно, – говорю, – устрой мне встречу со своим отцом. Это очень важно. Дело касается, – говорю, – международных отношений». Через два часа я уже был в кабинете Ивана Васильевича. Объяснил ему, в чем дело. Он выслушал, а потом походил-походил по кабинету и говорит: «Это ты молодец, что обратился к нам. От этих империалистов всего можно ожидать. Сегодня он друг, а завтра? Езжай на прием и держи нас все время в курсе дела. Попытайся прощупать, чего они от тебя хотят».

Вечером приехал за мной тот же шикарный лимузин, и отвезли меня в посольство. Ребята-а! Вы такое только в кино видели. Все в смокингах, во фраках, а мне хоть сквозь землю провалились в своем польском пятидесятирублевом пиджачке в клеточку. Но народ, видно, интеллигентный собрался – никакого ко мне презрения, а все с уважением: «йес», «плиз», «битте-дритте». На подносах водку носят в фужерах, но я ни-ни: мало ли что! И тут выходит Сорейя! Нет, не выходит – будто плывет по воздуху. Увидела меня – и сразу ко мне. Переводчик сбочку семенит. Отвели они меня в сторонку, и Сорейя сразу к делу. «Я, – говорит, – сэр Слава...» Черт побери, я уже сэр! «Я, – говорит, – читала ваши стихи в переводах. Они великолепны! И у меня к вам есть предложение: не согласились бы вы быть моим придворным поэтом?» У меня язык даже отнялся. Такое только во сне может присниться. Я – придворный поэт! Чертоги, гарем – ошалеть можно! Но я сдержался, как учил меня Иван Васильевич, и говорю: «Это очень лестное для меня предложение, ваше высочество. Но, простите, разрешите мне о нем подумать». Шахиня понимающе улыбнулась (будто солнышко взошло!) и

слегка хлопнула в ладоши. Откуда ни возьмись появился человек в чалме, поклонился шахине и открыл перед ней шикарный футляр, весь в бархате... Она достала из него вот этот орден и своими руками надела мне его на шею. «Пусть, – сказала она, – этот орден “Льва и Солнца” поможет вам быстрее разрешить ваши сомнения». Не помню, как привезли меня домой: я будто вернулся из другого измерения. Когда немного пришел в себя, вспомнил, что Иван Васильевич ждет моего звонка. Да один ли Иван Васильевич! Наверняка он уже подключил к этому делу и разведку, и контрразведку, и черт знает что там еще! Позвонил. Рассказал все как было. Иван Васильевич долго сопел в трубку, потом спросил: «Ты и в самом деле будешь над этим думать?» – «Но я же дал слово подумать. И потом этот орден...» И тут Иван Васильевич взорвался: «Это говоришь мне ты, комсомолец? Советский человек? Ты продался за какую-то цацку! Неужели наши деды и отцы свергали ненавистное самодержавие для того, чтобы их потомки получали из рук новых сатрапов дешевые подачки!» – «Но ведь наше партийное руководство, – напомнил я ему, – на руках носит этого Пехлеви». Я слышал, как Иван Васильевич даже ногами затопал. «Заткнись! Что ты понимаешь в высокой политике?!» Долго он еще орал на меня. А потом бросил трубку, когда я дал ему слово держать его в курсе дальнейших событий.

Славка замолчал и задумался. Его рассказ произвел сильное впечатление.

– И что ты решил? – спросил кто-то.

Славка только пожал плечами.

– Комсомол-то тебя гаремом не обеспечит.

– Не обеспечит, – уныло согласился Славка. – Буду думать...

Он думал до тех пор, пока шах с шахиней не улетели в свой Иран, а вскоре и развелись. Потом Сорейя издала в Париже, что ли, книгу о своем бывшем

благоверном, в которой облила его такими помоями, что Славка окончательно успокоился. «Как хорошо, что я не уехал с ней, – говорил он всем. – Я думал, она святая, а оказалось – обычная склочная баба».

И тем не менее на какое-то время Славка оказался своеобразной достопримечательностью: «Видите, – показывали на него пальцем, – это тот самый бывший любовник шахини Сорейи». Да, какое-то время Славка еще купался в лучах сомнительной славы. И неизвестно, как долго он бы еще играл роль романтического героя, если б не случай, разрушивший этот загадочный образ самым коварным образом.

Будучи в Ленинграде на гастролях, Славка познакомился с редактором, да не простым, а главным, местного издательства. Они понравились друг другу и, соревнуясь в щедрости, так шикарно гудели, что оказались на мели. И тогда главный взял у Славки рукопись стихов, заключил с ним договор и выдал аванс. Славка вернулся в Москву гордым и неприступным, как Блок на известной фотографии.

И тут случилось такое, что Славке не виделось даже в радужных снах. (Вот оно: деньги к деньгам!) В адрес театра пришел фирменный конверт журнала «Новый мир» на имя Славки. Новость эта сразу же разнеслась по всем закоулкам театра. «Новый мир» в ту пору был властителем дум, и если уж Славка стал причастен к нему, то, стало быть, и он тот же властитель дум! И как мы его проглядели! И как мы не увидели в своем товарище божественного гения!

Славка не стал скрывать содержание письма, напечатанного на пишущей машинке. И, перечитав его про себя, не удержался, чтобы не утолить любопытство своих товарищей:

«Дорогой Вячеслав!

Я прочитал три Ваших стихотворения. Несколько теплых слов о Вас сказали мне Михаил Светлов и Борис

Пастернак. Мне этого достаточно, чтобы поверить в Вашу Музу.

Хочу видеть на страницах нашего журнала серьезную подборку Ваших стихов с последующим их изданием в издательстве «Художественная литература».

Ваш Александр Твардовский».

Народ безмолвствовал. Наконец кто-то робко спросил:

- Из театра уйдешь?

- Там видно будет, - скромно ответил Славка и пошел звонить в Ленинград. Он сказал своему редактору-собутельнику, что расторгает договор и скоро возвратит аванс, поскольку обстоятельства изменились. Как ни пытался урезонить его многоопытный редактор, Славка жестко стоял на своем: срочно высылай рукопись! Ему ее срочно выслали, и Славка пошел к Александру Трифоновичу. А попасть к нему было очень непросто. Его вечная секретарша не всякого допускала к телу своего шефа. Она внимательно прочитала письмо, напечатанное на фирменном бланке журнала, и пошла доложить о визитере. Через минуту Славку пригласили в кабинет.

- Интересно, - сказал Твардовский, разглядывая письмо, им подписанное. - Подпись моя, но, убей меня, не помню ни вашу фамилию, ни ваших стихов. А уж на хорошие стихи у меня цепкая память. Прочтите хотя бы две строфы.

Славка прочитал первое, что ему пришло на ум. Твардовский нагнул свою крутую голову и сказал:

- Молодой человек, походите по газетам, по журналам - может, кому это и сгодится. А у нас, как вы сами понимаете, совсем другой уровень.

Славка этого не понимал.

- А зачем же вы это написали? - ткнул он пальцем в письмо.

- Это кто-то над вами подшутил. Веселый, видать, человек.

На следующий день Славка обнаружил на примерном столике напечатанную на машинке записку:

«За орден “Льва и Солнца”, который заслужил твой предок на Шипке, нужно платить. Ты пошутил, ответил шуткой я».

Подписи не было. Славка так и не вспомнил, кому он мог выдать тайну бабушкиного сундука. Язык мой - враг мой!

Из театра он ушел и с тех пор стал завсегдаем Центрального дома литераторов. Он ходил между столиков в Пестром зале и показывал всем письмо за фальшивой подписью Твардовского, которого к тому времени уже не стало.

- Вот, - говорил он, - единственный человек, который понял меня. А сейчас? Судьи кто? Воробушки серые! Чирик-чирик! - и повторял знакомые слова шукшинского героя:

- Прошу плеснуть.

Фанаты Александра Трифоновича не раз предлагали Славке за автограф Твардовского бутылку, и две, и даже три. Но Славка даже слышать об этом не хотел. Со временем он внушил себе, что подпись корифея и в самом деле настоящая и что его поклонниками и в самом деле были Светлов и Пастернак. И это причисляло его в собственных глазах к сонму Бессмертных.

Кислородное отравление

У нас никто и никогда не позволял себе появиться на репетиции, и уж тем более на спектакле, даже с запахом. Пили как-то красиво, я бы даже сказал, художественно.

И был у нас великолепный артист Анатолий Щукин, который прекрасно играл царя в сказке «Конек-Горбунок». Жена Толи, Тося, крупная мужеподобная женщина, владела мастерской по реставрации и ремонту старинных фарфоровых изделий: посуды, безделушек, игрушек – кукол с закрывающимися глазами, кричащих «мама», поющих.

Толя часто помогал жене в работе. А у нее был гравировальный станок. И вот он умудрился сделать уникальный стакан, на который нанес риски. А риски обозначали: пол-литра на троих, пол-литра на четверых, пол-литра на восьмерых и т. д. Этот стакан стоял у него за трельяжем в гримуборной. И вот после спектакля «бойцы», как они сами себя называли, собирались, в соответствии с дозировкой выпивали и закусывали водой из-под крана.

А еще у Толи с Тосей был сынок, которого мы звали Щуренок, шибко настырный и очень умный мальчик. Он очень любил играть со взрослыми в шахматы и очень не любил проигрывать. И когда видел, что проигрывает, начинал разбрасывать с доски фигуры и истерически кричать:

– Нет! Нет! Нет! Я выиграл! Я выиграл! Я победил!

Все это знали и, чтобы не доводить его до истерики, играли до критического момента и старались быстро ему проиграть.

А однажды Толя приходит и вполне серьезно говорит:

- Ну этого Щуренка я, наверное, убью.

- В чем дело, Толя?

- Вы представляете, мы пошли покупать ему пальто.

Он увидел пальто какого-то песочного цвета и пристал: купите мне именно это! Я говорю ему: это светлое пальто, ты его извазюкаешь во дворе мгновенно. Ведь вы играете в футбол, носитесь по горкам - от него на следующий же день ничего не останется. «Нет, хочу это пальто!» И мы купили ему это песочное пальто. Дома он надел его и сказал, что идет гулять. А я стал смотреть из окна во двор. Напротив подъезда чернела огромная грязевая лужа, через которую была переброшена доска на кирпичиках. И я понял, как только Щуренок выскочит из подъезда, он, конечно, побежит по этой доске, конечно, посередине доска перевернется, конечно, он плюхнет в эту страшную грязевую лужу, и, конечно, пропало пальто. Так оно и случилось. В подъезде распахнулась с грохотом дверь. Щуренок вылетел во двор, прямой наводкой прыгает на эту доску, добегает до середины, доска переворачивается, он, башкой вниз, исчезает в этой грязевой луже, встает в образе страшной черной скульптуры и с криком и ревом влетает опять в подъезд. Врывается на кухню и кричит:

- Я говорил, не нужно песочного пальто?! Я говорил, надо купить темное пальто?! Во дворе черт знает что творится! Зачем вы мне купили это песочное пальто?

В другой раз Толя угрюмо сказал:

- Я его чуть не зарыл...

Они отдыхали тогда где-то на юге. А рядом с общим пляжем располагался женский. И граница между ними была очень условная. Никто из мужчин как бы не обращал внимания, что рядом ходят голые дамы. И вот Толя лежит с Щуренком на общем пляже, Тося - на женском. И вдруг Щуренок орет:

- Папа, папа! А вон наша мама!

Все мужчины на общем пляже встали и стали смотреть на голую маму, которая шла к воде. Толя чуть не зарыл этого Щуренка в песок.

Умненький был мальчик. И в кого бы?

И вот Толя как-то приходит и говорит:

- Всё, ребята, завтра пропадает день, и я с вами не встречаюсь в «Маленькой Неве».

А это был такой маленький закуточек в ресторане «Нева», где эти «бойцы» выпивали. Они шли гуськом через зал, по пути так элегантно брали у кого-нибудь со стола маленький кусочек хлеба, заходили за кулисы и просили:

- Тетя Клава, «перцовочки».

Они брали эту настойку потому, что она была дешевле водки. А у тети Клавы была присказка:

- Перцовочки - хреновочки - водку будете пить, - и наливала всем по сто грамм водки.

Они выпивали и отщипывали от кусочка хлеба крохи - это была у них вечерняя трапеза.

И поскольку Толя предупредил, что завтра день пропадает, у него спросили:

- И что же ты будешь завтра делать?

- Культурно проводить время. Тося сказала, что всей семьей вместе со Щуренком идем в Парк культуры, - а они жили недалеко от парка. - Никаких выпивок, все кончено. День пропал.

А после спектакля, вечером, он зашел в магазин, купил несколько четвертинок и по дороге домой зашел в Парк культуры. Он приблизительно знал, по какому маршруту они будут гулять. У дерева он прикапывал четвертинку, а на асфальте рисовал мелом стрелку. Так он по всему парку и прошелся.

В воскресенье Тося проснулась радостная, Щуренок тоже - наконец-то все в порядке, и они культурно отдохнут. Никаких друзей, никаких компаний.

И вот они степенно идут по аллее. Толя видит стрелку.

- Ой! - говорит. - Идите вперед - у меня шнурок развязался.

Тося со Щуренком идут вперед, а Толя откапывает четвертинку, отпивает, а остальное опять прикапывает. Идут дальше. И тут Толя видит колесо обозрения.

- Ой, - говорит, - интересный аттракцион! Пойдите узнайте, там очередь большая или нет.

Жена с сыном идут узнавать, а он опять идет по стрелке. В общем, через час Толя захорошел, а жена не поймет, что случилось.

- Толя! Когда ты успел? Где?

И Толя возмутился:

- Вот, ты всегда меня упрекала в увлечении напитками! А я и не выпивал - это кислородное отравление! Мне нельзя вообще выходить гулять на природу! Чем мы на сцене дышим? Пылью, пудрой, прожекторы светят в глаза - вот что такое театр! А ты меня вытащила на свежий воздух - и вот видишь: я умираю!

Тося под руку отвела его домой и уложила в постель. А на следующий день он пришел в театр, рассказал эту историю и добавил:

- Ребята, по-моему, стрелок в парке осталось еще много.

И мы вечером гурьбой пошли искать стрелки. Из парка мы вышли веселые, и даже излишне.

Деньги на поминальный венок

Однажды приходит Щукин на какой-то спектакль мрачный-мрачный и явно с желанием, чтоб его спросили, что случилось. Спрашиваем:

- Толя, почему у тебя такое плохое настроение?

- Ребята, не трогайте меня, у меня драма.

- В чем дело?

- Ну вы представляете, вчера после спектакля мы выпили. Я уже хотел было уходить, а тут навстречу Женя Перов: «Толя, ты куда?» Я говорю: «Домой». «Нет, давай еще выпьем, у меня есть кое-что». Выпили. Вышли. А в это время навстречу Валя Заливин: «Ребята, давайте зайдём в «Маленькую Неву». Мы зашли в «Маленькую Неву», потом я встретил Карсерского, примера. Он говорит: «Куда? Давай еще выпьем»... Прихожу домой, смотрю, Тося демонстративно лежит ко мне спиной. И когда я разделся и третий раз мимо кровати лег, она говорит: «Толя, по-моему, ты выпил»... Представляете, ребята. Догадалась!

Вот такой был Толя. А как-то он отзывает меня в сторонку.

- Левочка, скажи мне, пожалуйста, вот когда я умру, ты будешь вносить деньги на мой венок?

- Ну что ты болтаешь глупости! - возмущаюсь. - Во-первых, ты никогда не умрешь, а во-вторых...

- Нет, - перебивает, - ты подожди, подожди! Я тебя серьезно спрашиваю: будешь вносить?

- Да отстань ты от меня! - и чтобы отвязаться, говорю: - Ну буду!

- А сколько ты будешь вносить?

- Ну отстань! - Этот разговор начинает меня раздражать.

- А все-таки сколько? - не отстаёт Толя.

- Ну хорошо. Я внесу двадцать пять рублей.

- Отлично! - радуется Толя. - Дай мне сейчас пятнадцать, а потом вносить не будешь.

Ну что с ним делать!

А однажды заходит в примерку и говорит:

- Ребята, я очки дома забыл... Там в репертуарной конторе лежит газета с таблицей лотерейных розыгрышей. Я переписал номера и серии в записную книжку. Вот возьмите и проверьте, пожалуйста, - чем черт не шутит, может, чего и выиграл.

Никто, конечно, ни в какие выигрыши не верил, но все же взяли у него эту записную книжку и спустились вниз. Стали проверять и вдруг:

- Толя, все сошлось! Ты выиграл огромную сумму!

И Толя, как Станиславский, закричал:

- Не верю! Не верю!

Тут нашли ему очки и стали тыкать пальцем в газетную строчку и в записную книжку. И Толя наконец сам увидел и все же не верил:

- Не может быть... Не может быть этого!

- Толя, - возразили ему, - никуда ты не денешься - надо обмывать.

- Ребята, - сказал Толя, - у меня ведь сейчас ни гроша. Дуйте в магазин, закупайте все что хотите - обмоем мой выигрыш! А когда я получу, всем раздам деньги.

Бросились в магазин, закупили всякой всячины, накрыли в грим-уборной праздничный стол, все уселись. Начали поздравлять, кто-то завидовал. Хорошо отпраздновали. А потом еще дня два продолжали.

Прошло несколько дней, ребята стали волноваться.

- Толя, ну ты получил выигрыш?

- Какой выигрыш?

- Ну как же... Ты ведь выиграл огромную сумму.

- Никогда я не выигрывал.

- Как же, Толя! Мы же сами видели, проверяли...

- Ах, это! Ребята, я же пошутил: увидел газету с тиражом и переписал выигрышные номера. Просто захотелось выпить, смотрю - и вам хочется. Вот я и сообразил, как это сделать.

- Мерзавец! Сволочь! Отдай наши деньги!

- Какие деньги? Выпивали-то вместе?

- Вместе...

- Ну и о чем речь?

Конечно, денег он никому не вернул, да и спрашивать, в самом деле, было неловко.

Начало новой жизни

Артист Коля Долгополов пришел на заседание Академии травильщиков с кулечком в руках.

- Что это? - спросил председатель, ожидая услышать очередную историю.

- Яички, - простодушно ответил Коля и уточнил: - Десять штук.

- Зачем?

- Начинаю новую жизнь.

- Как это? - не понял председатель.

- А очень просто: бросаю пить и перехожу на диетическое питание.

- Да это же здорово! - возбудились академики. - Это же непременно надо отметить! Ведь новая жизнь начинается раз в жизни! И прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно!

- Ребята, - остановил общий порыв Коля. - Я же ясно сказал: начинаю новую жизнь.

- Так и мы об этом! - сказал Борис Годунов в шапке Мономаха и со скипетром в руке.

Предстоял спектакль «Борис Годунов», и все бояре были в гриме и в шубах. И никто не хотел, чтобы такое великое событие не было отмечено достойным образом.

Тогда я предложил компромиссное решение.

- Коля, - сказал я, - не будем гадать, какая жизнь лучше, старая или новая. Клади свой кулечек на стол.

- Зачем? - не понял Коля, нежно прижимая свое диетическое питание к груди.

- Клади, клади. Царь-батюшка ударит по нему скипетром, и, если после этого останется хотя бы одно целое яйцо, я ставлю тебе литр.

Коля был настоящим артистом и азартным человеком и не сразу понял подвох - игра

заинтересовала его. Он с готовностью положил свой кулечек на стол, и мы все замерли.

Борис Годунов примерился и жахнул царским скипетром по яйцам так, что даже и хруста никто не услышал – только короткий стук: бам!

Коля бросился к тому, что осталось от кулечка, и стал лихорадочно перебирать то, что превратилось в гоголь-моголь.

– Есть! – выкрикнул он наконец с торжеством и поднял над головой целое яйцо.

Пришлось мне бежать за двумя бутылками...

Колю мы посадили на такси далеко за полночь. Его новая жизнь не состоялась.

Елка с сюрпризом

Это произошло, когда я еще работал в детском театре. Я так замотался на работе, что забыл купить елку домой. 31 декабря вечером, отыграв спектакль, я поехал на Киевский вокзал, где, по словам моих коллег, можно было приобрести елку без проблем. Приезжаю я на Киевский. Темно и никого не видно... Время уже к двенадцати. Иду через сквер, и вдруг сиплый голос из темноты:

- Эй, парень, чего надо?

- Елку, - говорю.

- Так вот же елка! Бери!

Вижу, действительно стоит мужичок, держит елку. На мой вопрос: «Сколько?» мужик ответил: «Три рубля» (это была достаточно приличная по тем временам сумма). Но делать было нечего. Я протянул мужику трешку, он сунул ее в карман и что есть духу понесся к вокзалу, причем почему-то зигзагами, словно я собирался в него стрелять. Хотел я было тоже пойти, дернул елку один раз, другой, третий. А она меня не пускает. Оказалось, что я купил елочку, растущую в сквере!

За чем стоите?

На углу улицы Горького и проезда Художественного театра находилось кафе-мороженое. Ну, кафе-мороженое – это только название, потому что у нас с собой всегда «было».

Мы заходили туда, заказывали мороженое, под столом разливали и делали вид, что едим то, что заказали.

И вот стоим однажды в большой очереди. Вдруг с визгом подъезжает машина, и из нее выходят Хрущев и Тито. Они подходят к очереди (охрана вокруг засуетилась), и Хрущев спрашивает: «За чем стоите?» Ну, все загудели: вот кафе-мороженое, очередь за мороженым. Хрущев говорит: «Броз, давай мороженого поедим». Тот согласился, и они встали в очередь. Все, конечно: «Никита Сергеевич, что вы! Проходите! Броз, проходите вперед!» Хрущев говорит: «Стоп! Куда же мне проходить, когда у меня и денег-то нет». Тут кто-то из охранников подскочил: «Никита Сергеевич!..» «Нет, – перебивает его Хрущев. – Ты охрана, ты и охраняй. Кто-нибудь даст взаймы?» А у меня в кармане лежала «пятерка». Я говорю: «Пожалуйста!». Он спрашивает: «А хватит?». Отвечаю: «Да, точно хватит, Никита Сергеевич». Тогда Хрущев поблагодарил меня и обратился к охраннику: «Запишите его адрес и пришлите потом деньги». Адрес мой записали: Бауманская улица, дом 3, квартира 6. И мне пришел перевод на пять рублей. А потом я узнал, что меньше чем на десять рублей переводы тогда не принимались.

Все-таки авторитет Никиты Сергеевича нарушил даже почтовые правила.

Хинди-руси!

История эта произошла при открытии подземного перехода на улице Горького.

Сама идея переходов возникла у Хрущева после поездки в Америку. Там он впервые их увидел, и ему, очевидно, очень понравилось. И вот к собравшейся возле перехода толпе подъезжает Хрущев, без охраны – она приехала позже (и вообще, как рассказывали, Никита Сергеевич любил от нее удирать). Хрущев выходит из машины. А в этот момент из толпы неожиданно выскакивает какой-то пьяненький мужичонка, пятится перед Хрущевым и громко причитает: «Ой, Господи! Ой! Ой ты! Ой ты!». И почему-то в конце добавляет: «Хинди – руси! Пхай-пхай!». Наверное, при виде Хрущева ему захотелось выкрикнуть что-то такое одновременно политическое и патетическое. И вдруг Никита говорит: «Я тебе покажу «пхай»! Ах ты говно собачье! Ах ты пьянь! Пошел отсюда на...» – и сказал при всех, куда он его посылает. Мужичонка тут же исчез в толпе. Потом, я помню, к Хрущеву на подушке поднесли ножницы – здоровые такие, что рука отвалится, пока ими праздничную ленточку разрежешь. Сказали: «Никита Сергеевич, так полагается, вы знаете...» А он, разрезая, долго еще не мог успокоиться и бормотал: «Пьянь... Я тебе покажу “пхай”...»

Настоящий цирк

Однажды Никита Сергеевич Хрущев приехал в Кремль. На елку.

Хрущев должен был приехать с какой-то своей учительницей, но опоздал. И всех детей, которые уже посмотрели одно представление в Георгиевском зале, оставили на следующее, и они, бедные дети, всё смотрели дважды. Приезжает Хрущев с этой своей учительницей. И начинается настоящий цирк, Георгиевский зал переполнен, Никита Сергеевич сидит с учительницей в окружении детей на стульчиках. А неподалеку сидит начальник кремлевской охраны – генерал-лейтенант (не помню уже его имени).

И вот наш режиссер Леин, видно, решив выслужиться, встает на четвереньки, подползает по ковру к Хрущеву и давай ему объяснять, что вот это, мол, поют, а вот танцуют... Тут его замечает генерал и к охранникам: «Это кто там ползает? Кто такой? Ну-ка быстро за жопу его и ко мне!» Охрана тоже ползет на четвереньках, окружает Леина и в буквальном смысле за жопу тащит его к генералу. Генерал его спрашивает: «И чего там тебе надо?!» А Леин: «Ну, я рассказываю, объясняю Никите Сергеевичу...» На что генерал грозным шепотом: «А он что, по-твоему, дурак, да? Он что, без тебя не понимает, кто пляшет, кто поет? Ну-ка быстро отсюда! Ползком!». И Леин несчастный исчез.

А Никита Сергеевич досмотрел эту елку с радостью. На этом представлении, кстати, была занята масса хороших артистов. Олег Николаевич Ефремов, например, был Добрым Молодцем и проходил с хоругвью в руках через весь зрительный зал. Гордо. Не говоря ни единого слова. Вот такая история...

Идиотская бронза

Когда Хрущев устроил разгром в Манеже, со скульптором Эрнстом Неизвестным была целая история. На этой знаменитой выставке, глядя на его работы, Хрущев спросил:

- Как твоя фамилия?

- Неизвестный.

- Нет, кто ты такой?

- Я Неизвестный.

- Никита Сергеевич, - подсказывают Хрущеву. - Это фамилия у него такая - Неизвестный.

Тогда тот говорит:

- А! Ну, считай, что с сегодняшнего дня ты совсем неизвестный!

Потом, еще раз посмотрев его работы, Хрущев спрашивает:

- А где ты бронзу берешь?

- На помойках, - отвечает тот.

- Лучше сдавай ее государству, - советует Хрущев. - У нас очень мало металла для шестеренок.

На что по легенде Неизвестный ответил:

- В метро у вас висит очень много идиотской бронзы. Снимите, переплавьте, и у вас получится очень много шестеренок...

От Сулеймана вам привет!

Однажды на Манежной площади был большой сводный концерт. Участвовали в нем многие артисты из детского театра, и как тогда было принято, играли сцены из спектаклей. Была такая артистка Неля Шеффер, которая должна была выйти и прочитать стихотворение «От Сулеймана вам привет, страна цветет для вас, ребята».

И вот Неля Шеффер вышла и в микрофон на всю Манежную площадь закричала:

- От Сулеймана вам привет!.. - и забыла продолжение.

За ширмой в это время стояли Печников, Ефремов, Заливин, другие артисты детского театра и шептали:

- Неля!!! Страна цветет для вас, ребята! Читай дальше, мы еще не готовы!

Она вышла опять к микрофону и закричала:

- От Сулеймана вам привет!..

И вся Манежная площадь хором заорала:

- Спасибо!

Неля бежит за ширму, уже слезы в глазах.

- У меня все вылетело из головы!!!

Ей опять:

- Иди, еще никто не готов! Не может быть такой паузы! Страна цветет для вас, ребята! Запомнила?

- Да...

- Иди!

Она опять вышла и крикнула:

- От Сулеймана вам привет!..

И вся площадь хором ей в ответ:

- И Сулейману от нас привет!

Неля опять пошла за ширму, уже рыдая. Воцарилась огромная пауза. Не помню уж, кто там вылез на сцену,

каким-то образом замяли эту неловкость и концерт пошел дальше.

В танке

Старые люди любят вспоминать свое замечательное житье в коммуналках. Это неправда, я сам это испытал. С женой и только родившейся дочерью мы жили на шести метрах за занавеской. Когда к нам собирались гости, они говорили: «Пойдем к Дурову в танк».

Мы сидели за полночь, обсуждали вселенские вопросы, создавали новые театры, а потом на этих шести метрах у меня оставались ночевать до десяти человек. Я своими руками сделал поменьше кровать для ребенка, чтобы оставалось больше свободного места. На полу мы расстилали матрас и укладывались. Удивительно, но в такой тесноте мы еще умудрились держать пианино. А все углы у мебели и у пианино мы обшили поролоном, потому что дочь Катька все время ударялась о них башкой.

Однажды мы с гостями уже засыпали, и один из моих друзей, футболист Лапшин, вдруг говорит:

- Лева, я вот лежу и все думаю: чем обивать всю мебель поролоном, может, лучше Катьке из этого поролона колпак сшить?

Мы ржали до утра...

Выговор за колбасу

Надо сказать, что Олег Николаевич Ефремов, будучи ведущим актером и режиссером, очень сильно любил валять дурака. Мы играли с ним в спектакле «В добрый час», который принес славу детскому театру, режиссеру Эфросу и всем актерам, которые принимали в нем участие.

Вот у меня сохранилась фотография с одного из премьерных спектаклей, на которой запечатлены участники и гости. Бабочкин, Михалков-старший, Утесов, Марецкая, Жаров – это гости одного только спектакля.

Надо сказать, что первое мое появление в спектакле «В добрый час» было такое – я вбегал в квартиру и говорил: «Ой, Алешка, чуть не опоздал». А Алексея играл Ефремов. И каждый раз, когда я открывал дверь и не успевал еще произнести реплику, он мне тихо говорил: «Колбаса». А надо сказать, что на сцене чем глупее острота, тем она смешнее. Я начинал смеяться (что в закулисье называется «колоться»).

И вот на каждом спектакле он мне это тихо говорил. Я его умолял:

– Олег, это же у меня больное место, ну невозможно, не надо. Ну, ты видишь, я не выдерживаю, смеюсь, потом мне сколько времени надо, чтобы собраться. Думаю, что уже и зрители начинают замечать.

А он, собираясь в очередной раз на сцену, говорил мне:

– Дуров, знаешь, когда ты опять сегодня выбежишь, я тебе опять скажу «колбаса».

Я его умолял, умолял, пока однажды не подошла ко мне Людмила Сергеевна Чернышева и не сказала:

- Левочка, я тоже была жутко смешливая в молодости. Тут надо себя пересилить, однажды разозлиться и не рассмеяться. Или что-то сказать в ответ.

Я решил послушать ее совета. Долго думал, что же мне сделать. И придумал. На очередном спектакле я выбежал на сцену, и как только Ефремов начал открывать рот со своей дурацкой колбасой, я, не дожидаясь его реплики, сказал ему: «Ливерная!».

Трудно себе представить, что такое может случиться с опытным артистом. Он взвыл, лег на сервант и стал кричать: «Не могу! Не могу! Закройте занавес!»

Занавес закрыли. На следующий день Шах-Азизов вызвал меня на ковер (а у него на самом деле в кабинете лежал ковер). Я встал на этот ковер – он даже не предложил мне сесть, а начал говорить:

- Как же так, вы молодой актер, думаете, вот вас похвалили в нескольких рецензиях и вы уже Бога за бороду схватили? Вы вчера рассмешили на сцене мастера, нарушили художественную целостность спектакля.

Я стоял и молчал. Потому что рядом стоял Олег Николаевич и не произносил ни слова, всем своим видом показывая, что не понимает, как такого мерзавца как я вообще взяли в труппу. Нет, он ничего не говорил, он просто стоял и молчал.

Через полчаса вывесили приказ, где мне был объявлен выговор за то, что я нарушил художественную целостность спектакля, рассмешив О.Н. Ефремова.

Клизма от Ефремова

Олег Николаевич мог выкидывать жуткие номера.

В театре у репконторы был такой предбанник, в котором всегда сидели актеры, ждали нового расписания, узнавали время репетиций.

Однажды, когда там сидели все корифеи – Сперантова, Коренева, Чернышева, Воронов, Перов, там появился Ефремов, постоял-постоял и говорит:

– Что-то писать хочется. Пописать что ли?

И повернувшись ко всем спиной, стал писать на стенку. Всех разбил паралич. Все онемели, потому что такого безобразия и такого хамства никто не ожидал.

Корифеи вскочили и с криком: «Вот они, актеры современные! Безобразие!» разбежались. Олег Николаевич застегнул ширинку и отправился куда-то за кулисы.

Он вошел в грим-уборную к Матвею Семеновичу Нейману (а у Неймана был устрашающий вид – бритая голова, выдвинутая вперед челюсть). Он как раз разгримировывался и мылся над раковиной. Олег Николаевич отодвинул Неймана и стал писать в эту раковину. У Неймана лысина сначала побагровела, потом посинела, он заорал:

– Это что такое? Этого не может быть! Рядом с моим лицом! Боже мой!

И тоже куда-то убежал. Олег пошел дальше и вошел в грим-уборную, в которой сидел Чумак, родной брат Алана Чумака, который нам последние годы морочил голову. Он сидел за гримировальным столом по пояс голый, разгримировывался. Олег опять подошел к раковине и стал в нее писать. Чумак взревел:

– Это что такое!

Олег развернулся и полоснул струей вдоль его огромной атлетической спины. И началось. Чумак заорал «Убью!», Олег выскочил в коридор, они стали дергать дверь за ручки туда-сюда. Потом Олег оторвал ручку, упал на пол и побежал по коридору. Чумак выскочил со стулом в руках. И тут неожиданно Олег развернулся, левую руку выставил ладонью вперед, а правой судорожно ковырялся в ширинке. И неожиданно выдернул оттуда огромную клизму. Потом выяснилось случайно, что она была приготовлена для какого-то спектакля в бутафорском цехе. Он придумал вот такой идиотский ход, наполнил клизму водой и засунул себе в брюки.

Но к этому времени уже разразился скандал, его вызвали к Шах-Азизову и тот сказал:

- Да, Олег Николаевич! Ведущий актер, мастер... Боже мой, вам не стыдно? Какой пример даете молодым? А еще жалуетесь на Дурова!

Псевдонимы

В 1967 году, к пятидесятилетию Советской власти, Олег Николаевич Ефремов поставил в театре «Современник» трилогию «Декабристы», «Народовольцы», «Большевики». Авторами трилогии были известные драматурги Михаил Шатров, Александр Свободин и Леонид Зорин. В это же время Ефремов много работал с драматургом Михаилом Роциным и ставил пьесу Александра Володина «Назначение».

Как раз в честь юбилейных торжеств Олега Николаевича вместе с группой авторов «Современника» пригласили на прием в Большой Кремлевский дворец. Тогда попасть на прием в Кремль было так же невероятно, как сейчас – к президенту Соединенных Штатов или на день рождения к английской королеве.

Ефремов отправился в Кремль. Естественно, перед тем как туда попасть, нужно было пройти через несколько кордонов охраны и везде предъявлять документы. На одном из постов стоял молодой солдатик из Кремлевского полка, для которого увидеть живого Ефремова – это огромное событие в жизни, тем более что в то время Олег Николаевич был безумно популярен благодаря фильму «Три тополя на Плющихе».

Впереди Ефремова шла группа авторов. Охранник берет в руки паспорт Михаила Шатрова и читает в нем фамилию: «Маршак». Фамилия не совпадает с указанной в списке гостей. Только после длительной проверки Шатров проходит.

Дальше солдат берет паспорт Володина и читает: «Лившиц». Снова проверка. В некотором недоумении охранник пропускает Володина.

Следом идет Михаил Роцин. Уже совсем удивленный солдат читает в его паспорте:

«Гибельман».

За Рощиным проходит Свободин. В его паспорте указана фамилия Либерте.

И когда, наконец, подходит Олег Николаевич Ефремов, солдатик дрожащей рукой берет его паспорт и, глядя не в документ, а в глаза Ефремову, говорит: «Олег Николаевич, ну, Ефремов - это хотя бы не пиздоним?»

Племяш Климента Ефремовича

Я за собой странностей не замечал. Да и кто признается, что он «с приветом»? Дураков нет. Ну, бывает, заиграешься (я не о сцене) и уже не думаешь, что из этого получится: ведь в розыгрышах сценария нет, это экспромт, куда кривая выведет. А кривая она и есть кривая в отличие от прямой.

Короче, во всем был виноват костюм.

В то время, когда я работал в Центральном детском театре, в магазинах появились черные двубортные костюмы из крепа. Польские. И половина мужского населения Москвы ходила вот в таких костюмах. Я тоже, посоветовавшись с женой, решил, что и мне нужно приобрести такой же костюм. К тому же они почему-то стоили не очень дорого. Купил. И вот я в этом новом костюме решил прийти в театр – надо же похвастаться обновкой!

И тут я встретил нашу замечательную актрису, которая, увы, уже ушла из жизни и с которой я проработал много-много лет. И она, посмотрев на меня, спросила:

– Лева, ты чего такой торжественный? Как-то странно тебя видеть в костюме.

Дело в том, что я вообще не люблю ни костюмы, ни галстуки. И тут у меня как-то само собой родилась какая-то еще до конца не продуманная мысль, и я сказал:

– Тоня, давай отойдем в сторону... Дело в том, что... Только, я тебя умоляю, никому ни слова. Тоня, я же знаю, вы, женщины, так любите тут же разнести всякую новость по всему белу свету.

– Что ты, Лева! Никому ни слова, – заверила она.

- Тоня, - сказал тогда я, - Тоня, оказалось, что я - племянник Ворошилова, Климента Ефремовича...

- Как это случилось?

- Сам не знаю... Ко мне приехали люди и сказали, что у меня обнаружили какие-то родственные связи с семьей Ворошиловых. Я оказался самый молодой из Ворошиловых - я его племянник. И вот меня вызывают в Кремль. Сегодня после репетиции я должен поехать в Кремль, чтобы познакомиться со своим дядей Климентом Ефремовичем. Меня будут ему представлять.

- Как же это прекрасно! - воскликнула Тоня. - Ты представляешь, какой у тебя дядя! Теперь у тебя будут такие возможности...

- Нет-нет, Тонь, подожди, подожди, - перебил я ее. - Надо ведь еще познакомиться. Может, этот луганский слесарь такой строгий, что... Не дай Бог... Еще ничего неизвестно... Только, я умоляю тебя, никому, никому!

- Конечно, конечно, Лева! Я ведь понимаю...

И на этом мы расстались. Но буквально минут через пятнадцать все в театре почему-то стали со мной очень вежливо здороваться и даже называть по имени-отчеству вместо обычных «Левка, здорово!», «Лева, привет!» А я в ответ: «Здравствуй... Здравствуй... Здравствуй...» И тут я понял, что всё - началось!

После репетиции я выглянул в окно и... У меня часто так случается, что сами обстоятельства играют на мои розыгрыши. Почему так - сам не знаю... И я увидел, что перед входом в театр стоит огромный черный правительственный «ЗИЛ». А рядом с Детским театром находятся кассы Большого театра, и туда часто приезжали за билетами для гостей и делегаций на правительственных, мидовских и прочих министерских машинах.

Я вышел из главного входа театра и направился к этому «ЗИЛу». Подошел, поклонился водителю (стекло

было опущено) и сказал:

- Простите, пожалуйста, я артист Дуров вот из этого театра...

- О! - воскликнул водитель. - Я вас узнал - вы же в кино снимаетесь.

- Да, - сказал я и попросил: - Посмотрите, пожалуйста, на окна нашего театра - там никто за мной не наблюдает?

Тот посмотрел и говорит:

- Там все окна просто забиты людьми. За вами наблюдают, наверное, человек сто.

- Вы знаете, - сказал я, - я вам потом все расскажу. А вы не могли бы красиво помочь мне до конца разыграть эту историю? Я сейчас сяду в вашу машину, и вы отвезете меня чуть подальше.

Шофер оказался догадливым.

- Все понял, - сказал он. - Сейчас.

Он вышел, обошел вокруг машины, открыл мне дверцу и широким жестом пригласил в салон. Мы сели, и машина тронулась.

- Мы сейчас тут кружочек сделаем, и я обратно. Ладно? - сказал шофер. - А то хозяин будет меня ждать.

- Спасибо, мне достаточно, - и в двух словах рассказал ему суть розыгрыша...

Он дико хохотал, а потом сказал:

- Ну, Дуров, с тебя при встрече причитается - я ведь тоже участвую в этом спектакле.

Мы тепло простились, а вечером я позвонил другу-актеру, спросил, что нового. А он интересуется, как у меня прошла встреча. Я сказал, что все замечательно, все хорошо, и поинтересовался:

- А ты откуда об этом знаешь?

- Здравствуйте! - протянул он. - Да весь театр об этом только и говорит.

И когда я появился в театре, мне сказали:

- Лев Константинович, вас ждет Константин Александрович. - Стало быть, дошло уже до директора.

Я зашел к нему в кабинет. Директор встал из-за стола и своим высоким голосом сказал:

- Ну, Лев Константинович, я вас поздравляю. У вас такая радостная новость!

И тогда я спросил:

- Какая?

- Ну, Лев Константинович, перестаньте! Мне-то уж вы можете сказать.

- Константин Александрович, - сказал я, - я вам вынужден признаться: это была шутка, розыгрыш.

И все из-за того, что я купил этот дурацкий черный двубортный костюм, который, наверное, годится только для похорон.

- М-да... - сказал директор. - Шутки ваши мне не очень-то нравятся... - И добавил со значением: - Так ведь можно и дошутиться... Ну что еще от вас ждать, молодых? Ладно, идите. Племянничек!..

Я вышел из кабинета. У дверей уже стояла большая толпа.

- Ребята, - сказал я, - делайте со мной что хотите. На колени могу перед вами встать, только простите: я вас разыграл.

Нет, не все на меня обиделись, многие просто замечательно приняли мой розыгрыш и хохотали сами над собой, что попались на такую наживку.

И только тут до меня дошел смысл слов нашего директора:

«Так ведь можно и дошутиться...» В ту пору это не казалось странным.

Отгадайте загадку!

Я люблю валять дурака. Эфрос репетирует, я открываю дверь и говорю: «Подождите, Анатолий Васильевич, отгадайте загадку». Все замирают, а я говорю: «С когтями, но не птица, летит и матерится?.. Вот, Анатолий Васильевич, вы гениальный режиссер, а не можете отгадать. Стыдно... Это со столба сорвался электромонтер!» И все «ха-ха-ха» и громче всех Эфрос. Я это называл «разрушаю творческую атмосферу», оплата часовая.

Здесь и там

Однажды Анатолий Эфрос приехал из Америки подавленный. Он говорит: «Там есть такая должность – «выпускающий спектакля». И вот он говорит мне: «Толя, тебе нужно, чтобы что-то на сцене во время спектакля двигалось само по себе?» Я удивился, но для интереса говорю: «Да, мне надо, чтобы стол сам выехал». Он говорит: «Да, сегодня». Я не понял. Но кончается репетиция, он говорит: «Садись». Я сел. Он хлопнул в ладоши, и из-за кулис на сцену выехал стол, покрутился и уехал. Он спрашивает: «О'кей?». Я говорю: «О'кей»...

На следующий день «выпускающий» опять спрашивает: «Что-нибудь еще?». Мне стало интересно. Я говорю: «А можно, чтобы стол был накрыт – чтобы угощение было, шампанское?..» Он говорит: «Сегодня». И еще репетиция не кончилась, в перерыве он подходит: «Смотри». И выехал стол – с фруктами, с шампанским, покрутился, уехал... Он говорит: «Может быть, еще что-то?» Мне стало еще интересней. Говорю: «А можно, чтобы накрытый стол выехал, покрутился, и двенадцать бутылок шампанского на нем сами открылись – и одновременно выстрелили?» Он говорит: «Это завтра»...»

В объятиях жены

Конечно, были случаи, когда я не прилетал на спектакли. Правда, не по своей вине – из-за неблагоприятных метеоусловий. В таких случаях, а их было всего два за мою жизнь, я сразу же писал заявление об уходе. Даже на съемки первого в моей кинокарьере фильма не смог добраться.

Поссорившись с директором, уехал на Украину к жене. Спустя некоторое время от него пришла телеграмма: «Срочно явись на съемки». Я ответил: «Задерживаюсь в объятиях жены». Телеграмм с таким содержанием было пять. В шестой раз директор написал: «Если не явишься немедленно, заплатишь неустойку из собственного кармана». А у меня тогда ничего, кроме сатиновых трусов, ковбойки и пары старых ботинок, не было. Поэтому и на шестую телеграмму я ответил: «Задерживаюсь в объятиях жены. Неустойку снимите с моего счета в Рио-де-Жанейро». За такое хулиганство меня даже хотели снять с учета на «Мосфильме». Генеральным директором тогда был Иван Пырьев. Сначала он орал на меня, а потом рассмеялся и сказал: «Если бы ты меня не рассмешил, я стер бы тебя с лица земли». На самом деле мне просто повезло. Все дни, пока я был в объятиях жены, лил дождь, поэтому не снимали. А как только я прилетел на съемочную площадку, сразу же вышло солнце.

Гастролеры

Имя комидраматурга Николая Михайловича Дьяконова стало широко известно после того, как на экраны страны вышел фильм «Свадьба с приданым», снятый по мотивам его пьесы. А мотивы эти были порой очень даже забавные.

Так, например, у Татьяны Пельтцер была проходная, эпизодическая роль. Ее героиня появлялась по ходу действия всего два-три, чтобы разрядить обстановку своими экстравагантными поступками и простодушно-острыми репликами. Татьяне Ивановне так понравились потенциальные возможности ее героини, что она упростила Николая Михайловича дать ей возможность побольше «поиграть». Дьяконов добавил ей несколько реплик.

- Вот видите, - сказала она, - совсем другое дело! Вот еще бы...

И автор еще добавлял - то реплику, то мини-монолог и в конце концов эпизодическая роль Пельтцер стала если не главной, то существенной: Дьяконову пришлось даже менять некоторые эпизоды и сюжетные ходы в уже готовом, казалось бы, сценарии. Ну а результат известен: роль артистки придала всему фильму яркий, динамичный характер, которого так не хватало пьесе.

Но Дьяконов был не только драматургом. В республиканском театре он ставил свои пьесы как режиссер и сам же играл в них.

Звание народного артиста Коми АССР он получил в тридцать с небольшим лет. А до этого...

До этого молодой артист объехал с гастролерами всю свою республику вдоль и поперек. Играл в городах и шахтерских поселках, в сельских клубах и на

оленоводческих стойбищах – везде, где только были люди, а сценической площадкой мог служить и ягель – олений мох.

Случай, о котором как-то рассказал Николай Михайлович, произошел в заполярной Воркуте. Известно, какое в Заполярье лето – с воробьиный нос. Правда, погода в это время неприхотливых северян и ласкает, и балует.

И вот городские власти решили сделать горожанам небольшой подарок: построили в чахлоу рощице, которую громко называли парком, небольшой летний театр, а проще говоря, фанерную «ракушку» – примитивную крытую сценическую площадку, на которой могли бы показать свое искусство заезжие драматические актеры, певцы, фокусники и прочие гастролеры. А чтобы еще иметь прибыль от этой «культурно-массовой точки», ее огородили крашеным фанерным же забором, чтобы зрители, как все приличные люди, могли платить за вход, и установили несколько рядов лавок. В ту пору шахтеры были людьми денежными, и с них без стеснения драли за вход, как нынче за билеты в Большой театр. Наверное, все-таки это было сделано для того, чтобы зрители прочувствовали истинную цену высокого искусства, а не грызли бездумно семечки во время спектаклей.

А поскольку эта «точка» была рассчитана на короткое лето, ее и строили по методу «тяп-ляп», как говорят портные, «на живую нитку», чтобы не упустить драгоценные дни. Поэтому этот очаг культуры уже через месяц принял вид старейшего памятника архитектуры: электропроводка на сцене провисла, некоторые лавки были порушены, а на заборе красовались фанерные заплатки, на которых краски уже не было.

Когда Дьяконов со своим товарищем Сашей приехал в Воркуту, там вся милиция стояла на ушах: накануне в

самом центре города некие умельцы «взяли» ночью кассу управления шахты «Центральная». Как они умудрились это сделать, было на тот момент неясно. Со слов охранника выяснилось лишь, что в соседнем с кассой помещении вдруг в полночь в проводке произошло короткое замыкание. Раздался треск, полетели снопы искр, в кассе погас свет. Охранник на какое-то время растерялся, потом стал звонить пожарным, но телефон глухо молчал. Этажом выше тоже стоял телефон, и страж побежал туда. Наконец дозвонился. А когда возвратился на свой этаж, то успел заметить, как в конце коридора мелькнула мужская фигура и сразу же скрылась за дверью. Охраннику лишь запомнилось, что неизвестный был среднего роста, крепыш, а волосы у него свисали до плеч. Дверь в кассу была открыта настежь, дверца сейфа – тоже.

Работали мастера своего дела, которых в Воркуте всегда хватало: кругом лагеря, а где лагеря, там и беглые, и «отмотавшие» срок, и всякий прочий люд, падкий до поживы.

Короче, все горожане были под впечатлением этого дерзкого ограбления, знали все его подробности (опять же со слов охранника) – к ним и сводились все разговоры. Дьяконов это понял сразу, как только увидел лица своих зрителей.

– Надо сразу встряхнуть их, – посоветовал он своему приятелю. – Сразу играем на форсаже. Не бойся переиграть, Сашок, они так взвинчены, что будет в самую пору.

А играли они известный отрывок из «Леса» Островского, где встречаются два старых приятеля-актера Счастливец и Несчастливцев: «Откуда ты?» «Из Вологды в Керчь. А ты?» – «А я из Керчи в Вологду».

Дьяконов играл Несчастливцева. В небольшом закутке, который служил грим-уборной, они подгримировались. Дьяконов, как и положено

провинциальному трагику, надел парик с длинными немытыми космами, Саша взял на плечо свой посох, на который навесил узелок со скудным театральным реквизитом, и они вздохнули.

- Ну с Богом, - и Несчастливцев первым вышел на сцену. Зрители замерли. Наступила какая-то странная напряженная тишина. «Затишье перед бурей», - не к месту подумал Дьяконов и сел на приготовленный заранее пенек. Он долго шарил по карманам в поисках табака, но так ничего и не нашел. И тут появился Счастливцев. Он почему-то все время оглядывался, а за его спиной болтался во все стороны на посохе тощий узелок.

Подали первые реплики. А зрители, кажется, их совсем не слушали - они о чем-то перешептывались между собой и показывали испуганными глазами на Несчастливцева. И когда непонятное напряжение в зале достигло предела, Счастливцев, удивленный очередной репликой партнера, резко повернулся, его посох задел за свисающие провода, раздался треск, посыпались снопы ярко-белых искр - и свет погас.

Зрители в ужасе вскочили с мест и бросились к выходу, началась давка. И тогда наиболее догадливые проломили фанерные листы забора, и люди ринулись в рощу. Выручили белые ночи, иначе никак бы не миновать членовредительств.

Сбежалась милиция, раздались тревожные трели, какой-то страж порядка в растерянности бабахнул из своего табельного орудия в воздух. Завизжали женщины, и паника стала разрастаться как снежный ком.

Счастливцев с Несчастливцевым, спасаясь от искр, спрыгнули со сцены и не знали, что делать. Тут их и заметили, одиноких и растерянных.

- А-а, сволочь, попался!

Бдительный страж порядка одной рукой схватил Несчастливцева под локоть, а другой – за волосы. И вдруг эти волосы остались в его пятерне – парик! А тут еще у обоих артистов потек грим.

– А-а, падлюки, замаскировались!

– Мы артисты! – завопил Дьяконов.

– Это и так видно! Гастролеры! – обрадовался старшина и изо всех сил дунул в свой свисток.

Сбежались его коллеги. Артистов скрутили, и Дьяконову досталось больше, чем его напарнику. Во-первых, потому что он был в парике, похожем на парик грабителя, а во-вторых, истошно вопил:

– Я – Несчастливцев!

– А твой друг, думаешь, счастливцев? – ядовито спросили его.

– Да, Счастливцев!

И за эту «шутку» ему добавили еще пару горячих. Милиционеры, видно, Островского не читали и спектакль не смотрели. А в милиции уже рапортовали высшему начальству:

– Все очень просто, товарищ генерал! Взяли тепленькими! Все улики налицо! Замаскировались, сволочи, да нас не проведешь!

Не знаю, что им за это пообещал генерал, но через короткое время из столицы республики Сыктывкара раздался звонок и грозный голос сказал:

– Вы что там – совсем офонарели? Хотите, чтобы я вас всех разогнал? Чем вы занимаетесь, мать!..

Разобрались.

Но ведь ребятам надо было играть Островского дальше. А у Несчастливцева морда такая, что никакой грим не поможет. И тогда они придумали за Островского еще несколько реплик:

– Послушай, брат! – восклицал Счастливцев. – Кто тебя так разукрасил?

- Кто меня может разукрасить?! - гневно спрашивал Несчастливцев. - Ты же меня знаешь - я сам кого хочешь разукрашу! А это... Я был на Волге, брат, и очень мне захотелось подняться на утес Стеньки Разина... Помнишь, «Есть на Волге утес...»? Упал я с него, брат, и расшибся. Крепко расшибся. Что ж, шрамы украшают трагика.

А дальше все шло по тексту.

Волжская водица

Расскажу еще один забавный случай. Я видел это в Театре Советской Армии. Не помню, как точно назывался спектакль, но, по-моему, «Корабли штурмуют бастионы», про адмирала Ушакова. Случилось все во время общественного просмотра. Спектакль начался. Показывается город, где все умирают от холеры. Должен приехать Ушаков, а с ним и Пирогов, чтобы вылечить людей. И вот одному артисту нужно было бежать с депешей. Но пока он бежал, почему-то решил как-то лихо прыгнуть. И не рассчитал (там же сцена огромная, двухэтажная) – прыгнул на ступеньку, а она вылетела. Актер кувырком докатился до рампы, ударился в нее – раздался звон стекла – и напоследок еще все эти стекла собой передал; сабля его отлетела в одну сторону, депеша – в другую, треуголка – в третью. В довершение всего он встал на колени, распростер руки и сказал всему залу:

– Твою мать!

А потом принялся подбирать то, что уронил при падении. И вот он подбирает саблю, кладет ее под мышку, наклоняется за треуголкой, надевает ее на голову, наклоняется за депешей – и у него сабля падает! Он берет депешу под мышку – падает треуголка! Получился огромный цирковой номер. Вой в зале стоял чудовищный! В конце концов, артист все бросил и, пробормотав: «Да пошли вы все!», ушел со сцены. Занавес, конечно, тут же закрыли. А когда открыли, за кулисами раздался жалобный воющий голос актера Ситко (играющего губернатора, которому должны были вручить эту депешу):

– Я не могу-у-у выйти на сцену! Я не могу-у-у!

Потому что на сцене в это время лежали два «трупа» и тряслись от смеха! Естественно, никуда уползти они не могли. Вышел Ситко – у него слезы по лицу – и обратился к залу:

– Товарищи, подождите немножко, сейчас мы отсмеемся.

Все хором поржали немножечко, и наконец из зала раздался жалобный голос Попова, главного режиссера и постановщика спектакля:

– Ну что, теперь можно?

Ситко сказал:

– Можно.

И спектакль продолжился... Кстати, в том же театре была еще одна история. Шел спектакль про Сталинград. Играл там Макаров, знаменитый артист, красавец, он и в кино много снимался. И в финале этого спектакля Макаров лежал и, умирая, говорил:

– Перед смертью хочу испить волжской воды. На сцене – огромная массовка. Кто-то убегал и возвращался с каской, полной воды. Макаров пил, произносил слова:

– Ну вот, теперь можно и умирать.

И умирал. Так вот, однажды, когда, очевидно, в зале никто из официальных лиц не присутствовал (к тому же это был уже финал спектакля, и ничто бы не повлияло на его продолжение), актеры решили Макарова разыграть. Они приносят ему каску. Он берет, и когда подносит ее к лицу, то вдруг на долю секунды замирает, а потом так, не отрываясь, не отрываясь, выпивает все до конца. Затем протягивает каску и, сделав паузу, говорит:

– Еще!

На сцене начинается дикое ржание! Все актеры просто поползли! И я понял, в чем дело: они за кулисами влили в каску бутылку водки. А он с этой каской в руке посидел-посидел и сказал:

- Нет, не дожидаться. Видно, придется умереть...
Уронил каску и упал в очень красивую позу - уже умершим командиром.

Игра на грани

Когда-то в Центральном детском театре А. Эфрос ставил пушкинского «Бориса Годунова», артист И. Воронов играл царя Бориса, а я – царевича Федора. И вот никак не получалась у нас сцена смерти Бориса Годунова и прощания его с сыном. Не получалась и все. Сцена известная. Умиряющего Бориса вносят бояре, вбегает царевич. «Подите все, – говорит Борис. – Оставьте одного царевича со мной. Умираю! Обнимемся!» Царевич бросается к умирающему отцу, и тот дает ему наставления, как править государством и как вести себя: «Прощай, мой сын, сейчас ты царствовать начнешь».

Разбираем сцену. Конечно, наивно думать, что Борис просто дает наставления, скорее всего, это от страха за судьбу ребенка, который остается наследником среди бояр, перед которыми сам царь Борис часто бывал бессилён. Да еще царевна-дочь. Значит, скорее всего, это говорит отец, а не царь, и хочет он сказать как можно больше своему маленькому сыну. Нужно успеть, успеть... А она все ближе, ближе.

Все ясно, но не получается. И вот мы договорились с Вороновым встретиться до репетиции, кое-что попробовать и показать Эфросу. А договорились мы вот до чего: Иван Дмитриевич представит по-настоящему, мобилизовав всю свою фантазию, что он действительно умирает, настроится на это. А я представлю, что это умирает мой отец... Такая уж профессия, приходится подкладывать и самое страшное.

Сговорились. Пришел Эфрос. Репетировали в кабинете у Марии Осиповны Кнебель. Мы переглянулись и начали сцену.

Я вбежал в кабинет и увидел бледного Воронова в кресле. Губы у него тряслись. Он открыл глаза, в них была жуткая боль – «Умираю, обнимемся». Я бросился к нему и зарыдал. Стал гладить его лицо, встряхивать, отгоняя оцепенение. У Воронова по щекам потекли слезы. «Советника, во-первых, избери... Для войска ныне нужен...» Из кресла он сполз на пол, а я лежал уткнувшись в его колени и рыдал. И вдруг речь Воронова стала сбивчивой, а затем началось просто бормотание. Я посмотрел на царя-батюшку и перестал играть. Лицо у него было белым, как простыня, вокруг рта обозначился черный клин, глаза закатились. Он умирал.

Эфрос бросился к телефону и стал вызывать «неотложку». А я выскочил в фойе и стал орать: «У кого есть что-нибудь от смерти?!»

Воронов потерял сознание и лежал на стульях, куда его перенесли. Что-то ему дали или влили, я не помню, но он открыл глаза и сел.

«Вы с ума сошли, – говорил бледный Эфрос, – да разве так можно, это же театр, а не... Это ужасно».

Все обошлось. Иван Дмитриевич на моей памяти никогда не болел, это был человек крупный, сильный. За кулисами он часто проделывал такой фокус: брал в руку большой гвоздь и с размаху пробивал толстенную доску. И хоть этот случай был действительно ужасным и мало походил на искусство, но на нем я понял возможности актера.

А Воронов потом мне часто с гордостью говорил: «Ну, как мы с тобой тогда! Пусть кто-нибудь попробует! А мы посмотрим!»

Часть вторая
Человек из центра

Отомстил фашистам

В 1963 году я перешел из Центрального детского театра в Театр имени Ленинского комсомола. И мое знакомство с ним началось с забавной истории.

Ведет меня Эфрос представлять директору театра Анатолию Андреевичу Колеватову. Идем за кулисами. Нас встречает актер Саша Покровский в нарочито рваной рубаше и с нагримированными кровоподтеками на лице.

- Левочка, - говорит он, - мы очень рады, что ты к нам приходишь. Правда, правда - все рады. Анатолий Васильевич, я задержу Леву на минутку. Он мне очень нужен. А потом сам провожу его к Анатолию Андреевичу.

И Эфрос уходит.

- Лева, - говорит мне Покровский, - сейчас идет детский спектакль. Я партизан. Немцы только что допрашивали меня, пытали. Исщипали, сволочи, всего. Сейчас я им отомщу и провожу тебя. А-а! Вот они сейчас получают, смотри.

Освещается сцена. Немецкий штаб. За столом сидят эсэсовцы в черной форме с черепами и повязками со свастикой на рукавах: Михаил Державин, Всеволод Ларионов и Леонид Каневский. Покровский прижимается к кулисе и тихо, но очень целенаправленно начинает шептать:

- Немцы, немцы, среди вас еврей... Слышите, немцы, среди вас еврей.

Каневский начинает трястись от хохота и сползает под стол. Два других эсэсовца надвигают фуражки на глаза и начинают подвывать. А Саша упорно продолжает:

- Немцы, немцы, у вас под столом еврей... Немцы, под столом еврей.

Все «фашисты» и за столом, и под столом всхлипывают, хрюкают, скулят... Ларионов сквозь зубы цедит:

- Закройте занавес, закройте... не могу!!!

Занавес пошел. Заседание штаба не состоялось.

- Все, - сказал Саша, - отомстил я немецко-фашистским палачам. Пойдем к Анатолию Андреевичу. Только ни ему, ни Эфросу ни слова, а то они мне такое устроят!.. Пойдем.

Братья Ульяновы

А еще Саша Покровский отличился, когда выпускали спектакль «Семья» по пьесе Попова. Это про семью Ульяновых. Володю-гимназиста играл Г. Сайфулин, брата Александра – Покровский, а С. Гиацинтова играла мать.

И вот сдача спектакля. В зале все: и министерство, и главки, и райком, и горком, и все другие «комы». В обязательных черных костюмах, при галстуках – мужчины и дамы с косами, уложенными, как нимбы у святых (сравнение сомнительное, я понимаю).

Начинается сцена, когда Александр Ульянов после каникул собирается в Петербург готовить покушение на царя. Покровский, стоя на середине сцены, собирает чемодан. Вбегает золотоволосый, курчавый Володя. Сборы брата для него неожиданность.

– Саша, ты куда?

А Саша, спокойно укладывая вещи в чемодан, отвечает:

– В Ленинград.

– Куда, куда?! – широко открыв глаза, спрашивает Володя.

– В Ленинград, в Ленинград, – опять же спокойно отвечает брат.

Сайфулин взвыл, показал зрителям пальцем на брата и убежал со сцены.

А из-за кулис был слышен голос Гиацинтовой, которая давилась от смеха:

– Не пойду я на сцену! Не пойду! Пусть он уезжает, куда хочет! Не пойду!..

А Саша, ничего не понимая, стоял один на сцене и продолжал тупо складывать вещи в чемодан. Из зала раздался обреченный голос Колеватова:

- Занавес закройте, пожалуйста...

Черные костюмы и нимбы мрачно покидали зал... А царя, как известно, все равно убили.

Человек из центра

Артист Аркадий Щербаков был колоритнейшей личностью. Он очень напоминал такого провинциального буйного трагика. Было в нем что-то если не от Ильи Муромца, то уж от Добрыни Никитича – точно. Изумительный актер.

Он сменил уйму театров. Даже во МХАТе играл: помню его великолепного Анархиста в «Разломе» Бориса Лавренева. Но у него была известная еще со времен Островского слабость: «Мы актеры – и наше место в буфете». В конце концов он оказался в затруднительном положении.

И вот он пришел к Анатолию Андреевичу Колеватову в Ленком и, упав на колени, стал просить, чтобы тот взял его к себе в театр.

– Хорошо, – согласился наконец Колеватов. – Но учти, ты сразу же попадаешь в революционный спектакль, где будешь играть главную роль – Человека из центра. Понимаешь, этот спектакль необычайно ответственный, очень важный для театра. Мы получим за него Сталинскую премию, а у тебя будет возможность реабилитировать себя за все свои прежние проделки.

Аркадий прослезился и сказал:

– Анатолий Андреевич, да никогда в жизни! С сегодняшнего дня в рот – ни капли!

А надо сказать, что пьеса даже по тем временам была далеко не оригинальной. Там сибирские мужики собрались на сходку и решали – поднимать восстание или подождать. Вожак их успокаивал.

– Нет, мужики, – говорил он, – надо погодить. Вот приедет Человек из центра, он-то нам все и скажет, потому как без руководства у нас ничего не получится.

Тут надо отметить еще одну странность: сибирских мужиков играли актеры Ленкома не русской и не кавказской национальности. Возглавлял их Аркадий Вовси – родной брат того самого «врача-вредителя»

Вовси, который потом будет арестован как врач-убийца. К счастью, его не успеют расстрелять, и он останется жив. А Аркадия прятал у себя на чердаке один из его друзей-актеров. Когда волна этой жути прошла, Аркадий вернулся в театр. Это был прекрасный актер и добрейший человек. Все у него просили займы, а он:

– Вот-вот! Сейчас я тебе дам. А никто не отдает! Если б я собрал все долги, которые мне не отдают, я бы стал самым богатым человеком в мире! Нет, ни копейки я тебе не дам. Ни за что не дам!

Через минуту он заходил в грим-уборную, молча выходил, и у него или из кармана, или из ширинки торчали свернутые денежки. Просто так дать он не мог – обязательно с каким-то фокусом, с криком, с протестом. Но не дать не мог. Вот он и возглавлял толпу этих самых сибирских мужиков.

Наконец настал день сдачи спектакля. Полный зал черных костюмов и черных галстуков на белых манишках.

И вот, значит, сидят на сцене сибирские мужики во главе с Аркадием Вовси, и он говорит:

– Ну, что, мужики, поднимать восстание или ждать Человека из центра? Он-то нам все растолкует: он должен привезти письмо от самого Ленина!

Поговорили мужики еще о чем-то между собой, а Человека из центра все нет.

Сибирские мужики начинают повторяться, чтобы заполнить тягучую паузу.

– Нет, мужики, пора подниматься. Уже и наши мужики, и соседние начали подниматься. Чего мы ждем?

- Погодь немного. Вот дождемся Человека из центра, даст он нам письмо от Ленина, тогда и поднимемся.

А Человека из центра все нет и нет. Опять неловкая пауза, и сибиряки начинают импровизировать:

- А все же, может, начнем, мужики? Наша деревня готова.

- И наша!

- И все прочие! Все деревни готовы!

И вдруг из-за кулис раздается дикий грохот. Что-то там рушилось, слышались какие-то удары, приглушенная брань. Все замерли. И тут задник, на котором было написано «РЕКА» и нарисована изба, стал медленно-медленно собираться к центру. Все окостенели. И неожиданно раздался дикий треск и - задник лопнул вдоль! И в этом проеме, как распятие, стоял Аркадий Щербаков с безумными красными глазами. Он увидел толпу мужиков и пошел вперед, не выпуская эту толпу из вида, потому что это был для него единственный ориентир, без которого идти он просто не мог.

Он двигался как сомнамбула. Прошел мимо парализованных сибирских мужиков, вышел почти на авансцену, но дальше его не пустил задник, и он замер.

Здесь он должен был объясниться с мужиками:

- Я Человек из центра, который принес вам письмо от Ленина. А-а, я вижу, вы мне не доверяете, и правильно делаете. Вот мой мандат.

С этими словами он должен был вытащить из-за голенища мандат и письмо. Но Аркадий все забыл. Безумными глазами он смотрел в зал и судорожно пытался вспомнить, что он должен говорить и делать. И тут у него что-то промелькнуло в мозгу. Он отцепил, наконец, задник и, потеряв опору, рухнул на колени и встал на четвереньки. Глядя в зал тоскливым взглядом, он сказал:

- Вот вам и манда... - видно, силы его окончательно покинули, и последнюю букву в последнем слове он произнести уже не мог.

Зал разбил паралич - все это огромное черное каре замерло, и в абсолютной тишине раздался жалобный голос Колеватова:

- Занавес закройте, пожалуйста...

Конечно, тут же к Колеватову подошли черные пиджаки, поблагодарили за спектакль, выразили свое полное удовлетворение и удалились.

Колеватов побежал за кулисы.

- Где этот негодяй? - и, не дожидаясь ответа, бросился в гримуборную, где сидел Аркадий.

- Аркадий! - завопил он. - Я хотел вернуть тебя к жизни, я тебе помог, а что ты делаешь со мной? Что ты сделал со всеми нами? Мне что теперь - уходить? Ты думаешь, мне после этого не предложат оставить пост директора? Пьяная ты морда!

И тут Аркадий неожиданно заорал:

- Я?! Пьяный?! Как вам не стыдно! Я взволнован революционной тематикой!

От такой наглости у Колеватова глаза стали совсем квадратными, и он тоже завопил:

- Ах ты взволнован революционной тематикой?! Сейчас ты все получишь!

Он захлопнул дверь гримуборной, запер ее на ключ и убежал.

А за дверью раздался страшный грохот, звон стекла и какой-то скрежет - видно, Аркадий крушил трельяжи, гримстолы, ломал стулья и все, что попадет под руку. Наконец, когда он, видно, все порушил, наступила тишина.

Через некоторое время в коридоре показался Анатолий Андреевич, а рядом с ним шел маленький-маленький человечек. У него не было лица, а было два огромных-огромных глаза. Он был то ли близорук, то ли

дальнозорок: линзы в очках были такие, что увеличивали глаза раз в пять. И этот человек нес в руке такой старинный-старинный врачебный чемоданчик, с какими ходили уездные врачи во времена Чехова. Этот человечек вопросительно посмотрел на Колеватова. Тот отпер дверь и сказал:

- Вот!

И все увидели Аркадия, который лежал в руинах, приняв какую-то трагическую распластанную позу. Он посмотрел на этого маленького человечка, в глазах у него появилось какое-то странное выражение, и они опять стали наливать кровью. И приглушенным сиплым голосом он спросил:

- Ты кто?

И этот человечек, не выговаривая ни одной буквы, неожиданно сказал:

- Я экс-пег-тиза!

- Ты экспертиза?! Слушай, гном, я тебя вот на эту ладонь поставлю, а этой прихлопну, и в стороны только брызги полетят! Ты меня понял, экс-пер-тиза?!

И он хлопнул ладонью о ладонь. Это был чудовищный звук. И неожиданно этот маленький-маленький человечек сказал:

- Где вы так нажгались, батенька? С кем?

Реплика была настолько неожиданной, настолько ласковой, что лицо Аркадия приняло обычное выражение, он обрел нормальный человеческий язык. Потом выражение лица сменилось на беспомощную детскую гримасу, он рухнул на колени перед этим человечком, положил подбородок ему на плечо и завопил:

- С кем?.. С при-я-те-ле-ем!

И человечек попросил:

- Оставьте нас вдвоем.

Их оставили наедине, а через несколько минут врач вышел.

Он подал Анатолию Андреевичу какую-то бумажку и сказал:

- У этого человека остаточное явление.

Колеватов заорал:

- Какое остаточное явление?! Ему спичку поднеси, он взорвется!

И вдруг этот гном завопил высоким фальцетом:

- Вы забываете, с кем вы газговагиваете! Я судебная экспегтиза! Вы знаете, что я с вами сделаю! Вы жестокий человек! Больше я к вам не сделаю ни одного шага!

И пошел по коридору. Все замерли. У Колеватова было совершенно растерянное лицо.

А на следующий день на стене висел приказ: Аркадия все-таки уволили из театра.

А совсем недавно я ехал на такси, и таксист, на которого я несколько раз пристально посмотрел, улыбнулся и сказал:

- Лев Константинович, все правильно, все правильно! Я знаю, я знаю - я для вас очень знакомое лицо. Я сын Аркадия Щербакова. Вот, видите, работаю на такси.

- А где отец?

- Не знаю. Куда-то уехал. Сначала писал, а потом исчез...

- И вы не пытались его найти?

- Пытались. Не нашли.

Вот такая грустная история русского артиста Аркадия Щербакова.

Лев Круглый в Мавзолее

Замечательный актер Лев Круглый в актерских кругах имел репутацию человека с независимым и сложным характером. Он позволял себе такие вещи, о которых другим даже страшно было и подумать!

Как-то маленький сын Круглого (его звали Никита) попросил отвезти его в Мавзолей Ленина. На что Лев Борисович сказал: «Там нечего смотреть». Но ребенок настаивал. Пошли, отстояли огромную очередь. Приближаются к саркофагу, и вдруг Круглый заявляет Никите: «Смотри, сынок, это лежит страшный человек, который перевернул весь мир с ног на голову и принес массу зла. Из-за него погибло много невинных людей!» Окружающие просто впали в ступор! Но Круглый на этом не остановился. Выйдя из Мавзолея, он подвел Никитку к бюсту Сталина: «А это продолжатель тех преступлений, которые творил Ленин. И стоило ли на них любоваться?!» Лева Круглый мне признавался, что был тогда готов к немедленному аресту. Но к нему так никто и не подошел. Я его спросил: «Но зачем ты все это устроил?!» Он только плечами пожал: «Не могу же я врать ребенку...»

Где я никогда не был

Я никогда не был членом никаких партий. Но приглашали настойчиво. Помнится, когда еще работал в детском театре, подошел наш парторг: «Левочка, вы не собираетесь в партию вступать?» Я умиленно поднял брови: «В какую?». «Лучше не надо», – ответил он и сразу отошел.

А недавно меня попросили участвовать в концерте для одной из политических партий. Двадцать минут выступления и очень большой гонорар. Я сказал, что перед шпаной выступать не буду. Перед зеками в зоне я выступал, а перед шпаной – не буду! Там были удивлены...

Веселый Роджер

Но с той партией, которая представляла «ум, честь и совесть нашей эпохи», я дело имел.

Снимаем мы фильм «Семнадцать мгновений весны». Нужно выезжать на съемки за рубеж. А для этого необходимо (почему «необходимо» - нормальному человеку не понять) пройти некую выездную комиссию. Захожу. Меня спрашивают:

- Опишите, пожалуйста, как выглядит советский флаг.

Я подумал, что они шутят: ведь нельзя же задавать такие идиотские вопросы!

- На черном фоне, - говорю, - белый череп с костями. Называется Веселый Роджер.

Мне задают второй вопрос:

- Назовите союзные республики.

Это она меня спрашивает, актера, который с труппой объездил весь великий и могучий Союз.

- Пожалуйста, - говорю и начинаю перечислять: - Малаховка, Чертаново, Магнитогорск...

Как Швейк на медицинской комиссии, которая признала его идиотом. Видно, все-таки не зря меня когда-то звали Швейком.

- Спасибо, - говорят. - И последний вопрос: назовите членов Политбюро.

- А почему я их должен знать? - удивляюсь. - Это ваше начальство. А я ведь не член партии.

- Вы свободны, - сказали мне, и я пошел.

Только перешагнул порог киностудии, как на меня набросились:

- Что ты там нагородил?! Ты знаешь, что тебя запретили выпускать за рубеж? Уже позвонили - злые, как собаки!

- Ребята, - говорю, - в чем дело? Пусть меня убьют под Москвой.

Так они и сделали: убили меня в Подмосковье. Штирлиц-Тихонов выстрелил в меня, и я упал в родной, не в фашистский пруд.

Апрель, Разлив...

Не забуду такой случай. Ставится спектакль «Ромео и Джульетта». Стоит Эфрос, к нему подходит чиновник «от культуры» и говорит:

– Анатолий Васильевич, надо у Броневого-Капулетти обязательно выбросить фразу: «И будете свидетелем веселья, подобного разливу вод в апреле».

Эфрос ничего не понимает, спрашивает в недоумении:

– Зачем?

– Ну перестаньте, Анатолий Васильевич! – чиновник искренне не понимает режиссера. – Апрель, Разлив, грядут ленинские дни...

Я на всякий случай встал за спиной Эфроса, думаю: если он сейчас грохнется – поддержу. Слава Богу, не грохнулся.

В итоге Броневой в спектакле сказал: «И будете свидетелем веселья, подобного разливу вод весенних».

Костюмчик не по роли

В спектакле «Женитьба», поставленном гениальным Эфросом, роль у меня долго не получалась. Я знаю, что однажды Эфрос с сожалением сказал за моей спиной Ольге Яковлевой: «Так Левку жалко, это будет его первая неудача». А у меня действительно не клеилась роль. Я злился, раздражался на себя ужасно! Психовал. Понимал, что раздражаю партнеров. Что я назойлив, как жужжащая муха. У меня было ощущение, что все на меня смотрят с мыслью: «Да провались ты пропадом!».

Но однажды ночью (а ночью часто приходят мудрые мысли) я вдруг понял, что меня сковывает. У меня был замечательный костюм: мундир с эполетами, лакированные сапоги, белые роскошные брюки. И все это как-то не сходилось с Гоголем, с моим персонажем. Вот казалось бы, ерунда – костюм, а не клеилось.

Помню утро, когда я пришел на прогон – а до премьеры осталось прогона три – сказал костюмерам: «Найдите мне срочно черный рваный мундир, без эполет, без всего, быстро найдите мне черные рваные ботинки». А примерам сказал: «Быстро ко мне в гримуборную! Наклейте мне махровые усы». Начался пролог, очень красивый, и я вышел в прологе в парадном красивом мундире (мы шли на свадьбу). Потом быстренько все это поснимал, усы наклеил и вышел на сцену. Слышу – зал начинает ржать, Эфрос просто закатывается. И все сразу стало на свои места. Так неожиданно роль состоялась и стала одной из любимых и самых удачных моих ролей.

Афиша с секретом

Из многочисленных афиш, висящих на стенах моего кабинета, есть одна с секретом: никто не может теперь сказать, за что в советские времена ее запретили. А на ней написано: «Михаил Козаков, Леонид Броневой, Лев Дуров и Анатолий Эфрос приглашают вас в театр на «Женитьбу». Оказалось, афишу запретили за то, что эта компания не может приглашать на «Женитьбу», мол, это не их частная лавочка, а государственный театр. И как ни объясняли власть предержащим, что это такая форма обращения к зрителю, не помогло!

Беда не приходит одна

Однажды я лежал в институте Склифосовского. В мою палату привезли пациента, забинтованного с ног до головы, прямо как египетская мумия. Так как больного определили рядом с моей кроватью, я, понятное дело, стал расспрашивать его: мол, что да как. Оказалось, что он главный инженер крупного завода. Как-то сидел в своем кабинете, ждал американскую делегацию, которая должна была появиться с минуты на минуту, и отчитывал своего заместителя за что-то там не сделанное. И настолько разгорячился, что ударил в сердцах кулаком по столу, попал по линейке, которая, к несчастью, лежала так, что подцепила пузырек с чернилами... Пузырек подлетел и, естественно, все его содержимое попало на новую белую рубашку главного... Паника, что делать? Американская делегация вот-вот появится... Пробовали отстирать рубашку. Не вышло. Тогда секретарша принесла ацетон.

– Сейчас мигом отойдет, – сказала она.

Налила ацетон в тазик и опустила туда рубашку. А было это в 60-е годы. И в моде был нейлон. Понятно, вся эта синтетика в ацетоне моментально растворилась... Но на этом дело не закончилось.

«Раствор» вылили в унитаз... Расстроенный инженер пошел в сортир и случайно попал в ту самую кабину. Закурил, стряхнул пепел с окурка в толчок и... взорвался.

Чудо-средство от облысения

Когда я работал в Ленкоме, театр гастролировал по всей стране. И каждая поездка была для нас огромным праздником. Порой «истории» начинались уже в поезде.

Как-то поехали мы на очередные гастроли. Меня пришли провожать мои друзья – акробаты братья Воронины. Они, любя меня, притащили какую-то чудодейственную мазь, избавляющую от облысения. Где-то в Тбилиси ее раздобыли. Странная масса, пахнувшая чесноком. Всучили мне банку и пластиковую шапочку. Проинструктировали: втирай, дескать, на ночь в лысину, натягивай шапочку, а утром смывай. Недели через две волос поперет!..

Значит, поехали. Я в одном купе с нашей примой Ольгой Яковлевой, а в соседнем – неугомонная четверка: Гена Сайфулин, Валя Смирнитский, Георгий Мартынюк и Игорь Кашинцев. Ребята сразу же начали «соображать». Вскоре скребутся ко мне:

– Дед (одно из моих прозвищ), дай чего-нибудь закусить.

– Да нет у меня ничего.

– Ну что ты жмешься – вон у тебя какая-то закуска в банках. И как раз чесноком пахнет.

– Мужики, – говорю, – это не закуска – это мазь от облысения.

– Свистишь, дед. – И ушли, недовольные, допивать. Гудели до утра, спать всем мешали. Думаю: надо ребят проучить. Вижу – на крючке висит парик Ольги Михайловны. Длинный, кучерявый. Натянул парик, вылез по пояс голый и в соседнее купе стал стучать. Открыли они и спяну глаза вытаращили. А я им этак торжественно-возмущенно:

– Что, суки, не верили?!

Смирнитский упал с полки и сломал руку. Мартынюк угрюмо пробормотал, обращаясь сам к себе:

- Допился...

У Сайфулина начались судороги. А лысый Кашинцев воскликнул с восторгом:

- Это, блин, жизнь! - И упал лицом в подушку.

Я удалился. А минут через пятнадцать они опомнились и стали ломиться в наше купе. Но строгая Ольга Михайловна их не пустила.

Весь гастрольный сезон Смирнитский ходил со сломанной рукой и смотрел на меня волком.

Отпрыск Врангеля

Да, актеры не могут не играть, не могут не разыгрывать друг друга. Это уж их профессия. Но инженеры-то при чем? Кажется, серьезные люди, всё у них на точных расчетах, на сухой математике и – туда же!

Приехали мы с гастрольями в Югославию. Раз «Югославия», стало быть, это случилось еще при Советской власти. Не помню уж, в каком городе мы играли. Да это и не столь важно. Только я умылся с дороги, переоделся и вдруг раздается телефонный звонок.

– Это господин Дуров? – спрашивают на ломаном русском языке.

Тогда еще слово «господин» не было в ходу и звучало как-то непривычно. Это сейчас все «господа», «лорды», «леди» и «гамильтоны». Но раз спросили, нужно отвечать.

– Да, – говорю, – это я.

– Господин Дуров, с вами говорит внук генерала Врангеля. Я хотел бы с вами очень повидаться здесь.

Я, конечно, не то чтобы струсил, но, знаете, в то время встречаться с внуком Врангеля... Ведь всегда был в гастрольной группе какой-нибудь «второй режиссер», который вовсе и не «второй режиссер», а в крайнем случае майор, а то и подполковник. И можешь сразу сделаться невыездным. А я им уже был.

И человека обидеть мне не хотелось. Я так тактично ему говорю:

– Вы знаете, у нас очень сложное расписание. – Я его действительно не обманывал. – Я даже не представляю, когда мы можем встретиться.

– Да, очень жаль, – сказал он и повесил трубку.

День проходит, опять звонок. Звонит такой же интеллигентный человек.

- Господин Дуров?

- Да, - говорю, - господин Дуров.

- С вами говорит внук адмирала Колчака. Я живу здесь, в Югославии, и мне очень хотелось бы с вами встретиться.

И тоже разговаривает на ломаном русском.

Я ему говорю то же, что и внуку генерала Врангеля:

- Вы знаете, я очень занят. Ни минуты...

- Понимаю, понимаю, понимаю... Я вот тут со своим приятелем созвонился, и он мне тоже сказал, что очень трудно с вами встретиться.

Я сразу понял, кто у него приятель.

И вдруг прихожу я как-то со спектакля, и меня достает звонок. Слышу знакомый голос:

- Извините, что поздно звоню. Мы сидим сейчас со своим приятелем в номере на шестом этаже и ждем вас.

Ну, думаю, куда деваться? Пойду, и пропади оно все пропадом! Пускай буду невыездным, но не могу же я отказаться от такого гостеприимства! И вдобавок еще оказаться трусом.

Поднимаюсь на шестой этаж, стучусь в номер, который мне назвали. Открывают мне дверь два красивых мужика в роскошных костюмах. Смотрю - в гостиной стол накрыт.

- Садитесь, - предлагают.

Я сажусь, а они говорят:

- Как мы счастливы, что вы пришли. Мы смотрели все ваши спектакли. Вы такой замечательный артист!

Мы выпили, закусили, поболтали. Смотрю, они потихоньку-потихоньку начинают терять акцент и говорят уже на чистом русском языке. Я смотрю на одного, на другого - и ничего не понимаю. А они как начали ржать.

- Дуров, - говорят, - прости нас, пожалуйста, мы инженеры из Москвы, строим здесь комбинат. И мы так соскучились по своим, так захотелось пообщаться с земляком!

Мы хохотали тогда до упаду. И потом до окончания гастролей часто встречались. И они пришли провожать нашу труппу на вокзал.

Это было, конечно, очень здорово.

Зеленая коза

Нашу театральную труппу везде принимали прекрасно.

Никогда не забуду, как нас после гастролей провожали в Перми. Это можно сравнить лишь со встречей челюскинцев в 1934 году. Машины и автобусы, которые везли нас на вокзал, были буквально завалены и забросаны цветами. Нам кричали:

- Приезжайте еще! Мы вас очень любим!

Прощание растрогало нас до слез. Было такое чувство, будто навек расстаешься с родными людьми. Больше такое состояние я не переживал, кажется, никогда.

Горечь расставания с городом усугублялась еще и тем, что здесь мы не только с триумфом играли спектакли, но и раскрутились на полную катушку: розыгрыши, шутки, подставки сыпались, как из мешка разноцветные елочные игрушки.

Как только мы приехали в Пермь, сразу же пошли осматривать город, кто куда. Я с приятелем пошел в зоопарк. Почему зоопарк? А черт его знает! И вот там мы увидели зеленую козу и сразу же сообразили, как нам использовать эту козу в корыстных целях.

Вернувшись в театр, мы стали заключать пари.

- Ты видел зеленую козу? - спрашивали мы очередную жертву.

- Таких не бывает, - безапелляционно заявляла жертва, еще не зная, что она уже обречена.

- Правильно, не бывает, - соглашались мы. - А вот в местном зоопарке есть единственный во всем мире экземпляр зеленой козы. Хочешь держать пари?

Разменной монетой пари служила бутылка. Ну кто же откажется от беспроигрышного пари! Только идиот

может поверить в зеленую козу.

Пари заключалось, и обреченный спорщик бежал в зоопарк. А вернувшись, ругался:

- Сволочи, вы проиграли! Это личная коза директора зоопарка. Она ходит на воле. Там покрасили штакетник, она чесалась об него и измазалась.

- Но она зеленая или не зеленая?

- Зеленая, но...

- Мы об этом и спорили. Беги в магазин.

Многие бегали и в зоопарк, и в магазин, и мы оказались владельцами приличного состояния. И могли менять свою продукцию на все, на что хотели: бутылка, она хоть и стеклянная, но поустойчивей доллара будет. В любой стране.

Контрабанда

Непревзойденными мастерами розыгрышей выступали Александр Ширвиндт и Михаил Державин. В Перми они начали работать, как и мы, сразу же.

Еще когда ехали в автобусе от вокзала до гостиницы, они внимательно изучали достопримечательности города. И когда добрались до места, в их светлых головах уже созрел гениальный по простоте план.

И вот они сидят в примерной. Задумчивые, сосредоточенно о чем-то размышляющие. Тут же пример. Все молчат. Наконец Александр не выдерживает, тяжело вздыхает и с досадой бормочет:

- И почему мы взяли только по одному!.. Да и рубашки надо было брать по три, а не по две...

- Я говорил, - слабо оправдывается Михаил.

- Говорил...

Опять молчат.

- Ладно, Саша, - успокаивает товарища Михаил, - завтра поедем и еще возьмем.

- А вдруг уже не будет? - беспокоится Александр.

- Да нет, ты же видел - там было много.

Пример начинает волноваться.

- Вы о чем, ребята?

- Да ни о чем, просто так.

Но тот уже почувствовал, что это не «просто так», и начинает канючить:

- Ну что, жалко, что ли, сказать? Сами же говорите, что там много.

- Ладно, черт с тобой, - сдается наконец Александр и смотрит на друга. - Сказать, что ли?

- Да уж говори, - обреченно соглашается Михаил. - От него ведь не отвяжешься.

- Улица Чкалова, дом 4, - шепотом произносит Александр, оглядываясь на дверь.

- И что там? - пример тоже переходит на шепот.

- А там продают английские замшевые пиджаки по цене двух бутылок и рубашки любых расцветок. Сколько здесь три - в Москве одна стоит. Да и не найдешь таких в Москве.

- А что так дешево? - недоверчиво спрашивает пример.

- Наверняка контрабанда, - делает предположение Михаил. - Им, видно, нужно быстрее сплавить товар. Только ты - никому!

- Да вы что? Могила!

Пример несколько минут мнетя, потом не выдерживает нервного напряжения и осторожно спрашивает:

- Ребята, я вам, наверное, уже не нужен?

- Конечно. Иди отдыхай.

Пример пулей выскакивает из комнаты и вот уже почти вся труппа мчится на такси, на частниках, на попутках на окраину города: на улицу Чкалова, дом 4, дом, который заметил Ширвиндт еще при въезде в Пермь. Приезжают и видят задрипанную керосиновую лавку. Но пример-то понимает, что все это камуфляж, и начинает давить на продавца.

- Чего вы боитесь? Мы московские артисты: сегодня здесь, завтра - там. Никто ничего не узнает. Все будет шито-крыто. А мы у вас весь товар заберем.

- Какой товар? - ничего не может понять продавец. - Вот мой товар - керосин. Хотите - берите, хоть весь! Какие замшевые пиджаки? Вы с ума сошли!

Какой дурак будет держать в керосиновой лавке замшевые пиджаки?

Все лезут в лавку, чтобы лично убедиться, что пиджаков действительно нет и, в конце концов, убеждаются.

Назад едут все вместе автобусом. Мрачные и с желанием мести. А кто виноват? Гример виноват.

Уроки узбекского

Веселое время – гастролы! Праздник души и сердца. Это было, когда мы гастролировали в Узбекистане... Среди артистов пополз слухок, что Ширвиндта и Державина пригласили выступить на каком-то важном правительственном приеме. Кто, кроме них, еще будет участвовать в концерте – тайна. Наверное, государственная. И об этом опять же знают только Ширвиндт и Державин.

Прошелестел еще один слухок: платить артистам по этическим соображениям не будут. Но зато вручат дорогие – очень дорогие! – подарки. А кому не хочется получить восточный подарок! Наверняка что-нибудь бесценное.

Артист, назову его Сережей, недолго мучился гамлетовскими сомнениями: быть или не быть. Конечно, быть! И он направился к неразлучным друзьям.

– Ребята, – попросил он, – включите меня в свой список. Что вам стоит?

– Сложно, – задумался Ширвиндт. – Ты же сам понимаешь – это на правительственном уровне.

– Да я понимаю... И все же?

– Даже не знаю. Ладно, ничего не обещаю, но я поговорю.

– Я тебя прошу.

– Сделаю все, что могу.

Дня через два-три Ширвиндт подходит к Сереже и ласково улыбается.

– Ну, – говорит, – старик, поздравляю: тебя включили в концерт – будешь ведущим. Но текст придется заучить на узбекском языке. Как, справишься?

– Спрашиваешь!

Дал ему Ширвиндт текст на узбекском языке, написанный русскими буквами, и предупредил:

- Срок тебе - десять дней. Не тяни, сразу же начинай учить.

А жили они в соседних номерах, с хорошей слышимостью. И, попивая узбекское вино, Саша с Мишей от души веселились, слушая, как за стеной целыми днями Сережа бубнит:

- Дыр-быр-бур... Бур-дур-дыр...

Наконец проходит десять дней и довольный Сережа заходит к соседям.

- Я готов. Когда концерт?

- Какой концерт? - Ширвиндт явно не понимает, о чем идет речь.

- Как «какой»? - Сережа в растерянности. - Концерт, где подарки будут давать.

- Понятия не имею.

- Да ты же мне текст дал - на узбекском языке. Я его выучил наизусть!

- Старик, я же не знаю узбекский. Как я мог тебе дать?

- А сейчас посмотрим...

Сережа выбегает из номера и вскоре возвращается с узбеком.

- Вот, - дает он ему текст и тычет в него пальцем, - прочитай-ка, что здесь написано.

Тот долго рассматривает бумажку и с трудом начинает читать:

- Дыр-быр-бур... Ребята, это какая-то хреновина, извините меня. По-моему, такого языка вообще нет.

И тогда до Сережи доходит.

- Ну, паразиты, - грозит он, - я вам тоже сделаю! - И хлопает дверью....

Они никого не хотели обидеть. Да разве ж и можно веселой шуткой обидеть кого-то?

Шуруп вышел зпт

Был у нас в труппе артист Гоша (царство ему небесное!). И вот прибегает он однажды ко мне в номер чуть не со слезами на глазах.

- Левочка! Левочка! Что мне делать? Пришла срочная телеграмма. Вот: «Прилетай зпт Миша проглотил шуруп тчк Целую бабушка». Что делать?..

- А что делать, - говорю, - вылетай! Я за тебя сыграю роль. И ни о чем не беспокойся.

- Спасибо! Ты настоящий друг! - И убегает.

Сажусь, начинаю учить роль - спектакль в тот же вечер. И тут опять прибегает Гоша, но на этот раз радостный.

- Левочка! Пришла еще одна телеграмма. Слушай: «Шуруп вышел зпт можешь не вылетать тчк Целую бабушка».

Балет и соленая капуста

Шло очередное собрание в министерстве культуры, похожее на все другие, как капли воды из неисправного крана. Жара – дышать нечем, но все мужчины в темных костюмах, как на похоронах, и при галстуках так было положено, чтобы избежать вольнодумства, половина зала откровенно дремлет, думает свои думы. И тут маленький, лысый, взопревший докладчик из министерских чиновников, чтобы расшевелить аудиторию, берет на октаву выше:

– Я еще могу пережить, когда на сцену выходит Ромео-пензионер – издалека не видно. Но когда вместо Джульетты на сцену выкатывается бочонок!.. – он делает многозначительную паузу, ожидая «смех в зале», но вместо этого в тишине раздается хриплый голос очнувшегося от спячки режиссера Бориса Равенских:

– Черт возьми!.. Я совсем забыл про бочонок! А ведь скоро капусту солить...

Докладчик был шокирован.

Паленый матрац

Рассказал мне как-то приятель одну историю, которая приключилась с нашим известным актером Николаем Афанасьевичем Крючковым. Когда он был в Индии на Международном кинофестивале, то, хорошо угостившись у гостеприимного Раджа Капура, вернулся в гостиницу с огромной гаванской сигарой в зубах, воображая себя Черчиллем. С этой сигарой лег в постель и уснул. А ночью стал тлеть: у них там матрацы набиты сухой пахучей травой. Первым запах почувствовал его сосед по номеру, с которым он жил, не менее известный артист (к/ф «Цирк») Сергей Столяров. Залили все водой из графина, и получилась совсем неприглядная картина: грязь и чад.

В общем, назревал международный скандал: отель-то был президентским! Наш посол в Индии, к которому обратились друзья, не знал, что делать, и решил переждать какое-то время, чтобы выяснить, какие дипломатические шаги предпримет индийская сторона.

А оказалось все проще простого. Когда убитые горем Крючков со Столяровым открыли дверь в номер, то поразились: будто ничего и не произошло: все чисто, прибрано и вместо паленой гари пахнет индийскими благовониями.

Это у них - в азиатской стране. А у нас, в полуевропейской, в наших гостиницах актеры горят постоянно, и никто о международных осложнениях даже не думает и ни о каких санкциях не помышляет. И не по причине деликатности жилищной администрации, а благодаря находчивости самих погорельцев.

Расскажу в связи с этим лишь о двух историях, которые мне запомнились.

Горящий Лемур

Был у нас в Театре на Малой Бронной замечательный артист Саша Юдин по прозвищу Лемур, потому что он все делал как-то заторможенно, как лемур где-то на Мадагаскаре, который медленно лазит по деревьям и лениво срывает листочки. Между прочим, Саша был из какой-то старой аристократической семьи, и когда он называл фамилии тех, кто был близок с их семьей, можно было представить внушительный круг их знакомств.

У Саши почему-то никогда не было никаких денег, но при этом он умел сохранять аристократическую независимость. Он, например, переходил улицу там, где ему хотелось, не обращая внимания ни на светофоры, ни на постовых. Вот как-то они с Геннадием Сайфулиным переходят улицу где не положено, и раздается милицейская трель. Они подходят к милиционеру, и тот говорит:

- Будьте добры, заплатите штраф.

Лемур оборачивается к Сайфулину.

- Слушай, отдай этому жлобу шесть рублей.

Гена, конечно, платит. У него и в мыслях нет, что Лемур отдаст ему эти три рубля.

Однажды он пригласил кого-то в ресторан:

- Пойдем, посидим часочек, расслабимся.

Почему бы и не пойти, если приглашают? И они пошли. Расслабились. И вот когда официант принес счет, Лемур повернул голову к своему товарищу: мол, чего не платишь? А тот:

- Саш, ведь ты меня приглашал!

- Да, но я не ожидал, что у тебя нет денег.

- Откуда? Ни копейки!

Пришлось им что-то оставить в залог и на второй день изыскивать средства. А вообще-то это был хороший парень и добрейшей души человек.

И вот как-то мы приехали на гастроли в Свердловск. Тогда появились модные американские сигареты «Астер». Наши сигареты постоянно гасли, и через несколько затяжек их приходилось снова прикуривать. А американские не гасли. И тут у Лемура случилось несколько свободных дней, и он празднично проводил их в своем номере, приглашая друзей и подруг. И вот как-то, оставшись один, он лег с сигаретой на кровать и уснул. Постель загорелась. И несмотря на то, что нижняя часть его тела начала уже поджариваться, он не просыпался.

Дежурная увидела, как из всех щелей его номера валит дым, и стала стучать в дверь. Никакой реакции – ни на стуки, ни на крики, ни на шумную панику в коридоре. Тогда она выбила дверь, и дым повалил в коридор. Саша приподнялся на кровати и удивленно спросил:

– Боже мой, что это? Пожар?

Подошел к телефону и стал тыкать пальцем в дырочки телефонного диска. Но ему никак не удавалось попасть в дырочки этого диска и вызвать пожарную команду. Дежурная между тем схватила кувшин с водой и стала заливать постель.

Все имело жуткий вид: сгорело одеяло, простыни, начал тлеть матрац и обуглилась царка – боковая доска у кровати. Начался жуткий скандал. А Сашку отправили в больницу, потому что ползадницы у него представлял один огромный пузырь. И потом разразился скандал уже на городском уровне – дошло до горкома партии. И там сказали, что эту трупку, которая чуть не сожгла гостиницу, надо гнать из города поганой метлой. В конце концов, дело с трудом, но удалось уладить, но предупредили, что в номер явится комиссия и обследует, как и что произошло. Директор, в свою

очередь, заявил, что виновник происшествия уже уволен из театра и больше такого безобразия не повторится.

А в это время с труппой работал плотник, которого взяли на гастроли в качестве монтировщика. Позже я узнал, что это бывший таксист, который сбил насмерть человека, но в этом происшествии его вины доказано не было. Тем не менее он сам решил год-два не ездить, пока не пройдет шок. И вот он пришел к Лемуру и сказал:

- Саша, зайди в магазин «Ткани», там есть полосатый материал, купи три метра и дай мне ключи от своего номера. А ты найди себе партнеров по бильярду и погоняйте в холле шары. Стучите как можно громче шарами и как можно громче реагируйте на каждый удар.

Лемур так и сделал. Купил ткань и отнес ее в чемоданчике в номер. Отдал ключи плотнику. И собрал компанию бильярдистов. Стали играть. Все кричали, визжали, хохотали, короче, буйно резвились. А администраторша смотрела и ворчала:

- Господи, ну что это за люди! Ведь, паразит, чуть гостиницу не сжег, ползадницы у самого сгорело, а ему хоть бы что! Веселится еще!

Прошло часа полтора, наш плотник вышел из номера, незаметно передал ключи Лемуру и сказал:

- Саша, все в порядке.

Когда Саша вошел в номер, то увидел: матрац новый, стенка отполирована и следов пожара вообще нет! Остался только запах гари. И тогда Саша, то ли по совету товарищей, то ли по собственной догадке, обходит все номера и спрашивает:

- Ребята, у кого есть цветы?

А после каждого спектакля, как известно, артистам дарят цветы, а уж «звездам»-то – обязательно. И вот тихо-тихо в номер Лемура стали нести цветы. Саша взял

у кого-то роскошную пижаму (своей-то у него никогда в жизни не было). И когда должна была прибыть комиссия, Саша был готов к ее приему.

Раздался стук в дверь. Саша спросил поставленным голосом:

– Кто там?

– Это комиссия.

И тогда Саша спросил:

– А скажите, пожалуйста, в комиссии женщины есть?

Из-за двери грубый голос ответил:

– Есть, есть! Женщины тоже есть!

И Саша сказал:

– Я не могу вас так принять, я еще в постели, я в пижаме.

Через короткую паузу ему сказали:

– Ничего. Открывайте.

Саша открыл дверь, и в номер вошла комиссия во главе с директором гостиницы, администратором, директором театра и какие-то чины местной власти. Все они как вошли, так и замерли. А Саша отбежал к кровати и лег в чужой роскошной пижаме. У кровати лежали книги по цветоводству, стояли вазы и банки с шикарными цветами, и все благоухало – все дезодоранты, которые были у дам, Саша опустошил.

Администраторша после короткого шока вдруг закричала:

– Нет, нет! Встаньте сейчас же! Встаньте сейчас же! – И к комиссии: – Он вчера бегал голый, звонил, пытался вызвать пожарную команду!

Саша, пожимая плечами, встал, а она сорвала с кровати одеяло, простыню, и все увидели совершенно новый матрац.

– А-а! – продолжала вопить администраторша. – Сгорела вся деревяшка!

Она перевернула матрац и увидела отполированную деревяшку. Наступила тишина. И в этой тишине раздался нежный шепот директора гостиницы:

- Вон отсюда, идиотка! - потом радушно улыбнулся артисту и сказал: - Товарищ Юдин, мы просим у вас прощения за эту дуру, которая доставила вам столько беспокойства. Я приношу извинения директору театра и всем артистам труппы...

- Ну, мало ли что бывает! - улыбнулся Саша. - Не будем на нее сердиться.

Директор театра остался очень доволен, что все так хорошо кончилось. Но он чувствовал, что ему все-таки надо на это как-то отреагировать. Он обратился в местком, а там были все Сашкины друзья, и все обошлось. Зато когда пришел другой директор театра, с Лемуrom опять возникла ситуация. И его все-таки решили увольнять.

Тогда главным режиссером у нас был Александр Леонидович Дунаев. Я пошел к нему выручать Лемура. И не успел войти в кабинет, как он замахал руками.

- Дуров, все знаю, знаю, знаю, зачем вы пришли! И на эту тему не может быть никаких разговоров! Все! Хватит, хватит, хватит!

Я сказал:

- Александр Леонидович, ведь это замечательный парень. Уволите вы его из театра, он же погибнет. Он отличный актер, безотказный. Когда нужно, он с одной репетиции вводится в спектакль. Сколько раз он и меня выручал.

- Нет, нет, нет! Я непреклонен!

В общем, наш диалог продолжался довольно долго. Я его уговаривал, уговаривал и наконец почувствовал, что вроде бы склонил к тому, чтобы Лемура не увольняли. Дунаев во время разговора ходил по кабинету. Вдруг он подошел к окну и, стоя ко мне спиной, сказал:

- Ну, Лев Константинович, вы попались! И я вместе с вами. Идите сюда.

Я подошел к окну и вижу: прямо против окна Дунаева стоит Лемур в позе известной тогда скульптуры «Пионер-горнист». Он стоял, запрокинув голову, только вместо горна он прижимал к губам горлышко бутылки с вином и опустошал ее с каким-то сладострастием.

- Александр Леонидович, извините, - сказал я и вышел из кабинета.

Вот так закончилась сценическая карьера артиста Саши Юдина по прозвищу Лемур...

Исчезнувший диван

Режиссеры Смирнов и Яшин снимали в Тирасполе картину «Пядь земли», в которой мне была предложена роль. Я приехал на съемки в тот момент, когда город находился в сложной ситуации: чрезвычайное положение, комендантский час и прочее. Там в это время разразился жуткий скандал. Первый секретарь горкома влюбился в жену второго секретаря и отправил его куда-то в командировку. А сам поехал с его женой за город развеяться. За рулем, конечно, был он сам. Они гуляли-гуляли по красивой пересеченной местности, пока не стемнело. Стояла тишина, и все располагало к интимной обстановке. И вдруг раздался жуткий металлический лязг, скрежет и пошли танки. Оказалось, что влюбленные забрели на танкодром, а у танкистов начались ночные учения, и боевые машины пошли с погашенными огнями. Кстати, на этом самом танкодроме мы снимали некоторые эпизоды картины.

Первый секретарь подхватил свою даму, они выбрались на шоссе, но машину свою не обнаружили. В город пришлось возвращаться на попутке.

Первый секретарь горкома был в то время царь и бог в своей епархии – его каждая собака знала. И слух о том, что он поехал с женой второго секретаря за город, сидя сам за рулем, а вернулись они на попутке, облетел город за мгновение.

Но в танковой бригаде, конечно, ничего об этом не знали, и учения шли своим порядком. Первый же танк наехал на горкомовскую «Волгу». Раздался дикий скрежет, и танкист, чтобы не навлечь на свою голову беды, проскочил дальше. А может быть, он просто не расслышал этот скрежет за грохотом мотора. И за этим танком прошла по этой «Волге» вся танковая колонна.

И только утром обнаружилась большая лепешка искореженного металла, на которой красовался именной знак – номер – горкомовского автомобиля.

Начался чудовищный скандал. И тут вернулся второй секретарь горкома, которому обо всем доложили. Он ворвался в кабинет первого, выхватил револьвер, а секретари тогда были вооружены, чтобы обороняться от любимого народа, и пытался застрелить своего соперника. Но то ли не попал, то ли вышла осечка, убийства не произошло.

И вся эта история дошла до Москвы. Приехала огромная комиссия разбирать этот чудовищный инцидент. Как писал наш великий поэт Некрасов: «Суд приехал, допросы, тошнехонько...»

Вот в это самое время мы и оказались в Тирасполе.

А в нашей съемочной группе был артист Витя Сускин – высокий красавец и очень-очень добрый человек. К тому же застенчивый, как девочка. Он никогда не участвовал ни в каких спорах, дискуссиях, интригах. Сам говорил мало, но любил слушать с замечательной, доброй улыбкой на лице. И вот как-то у него выдались свободные дни, когда он не участвовал в съемках. И Витя пошел гулять по городу.

А в этом городе через каждые десять шагов стояли бочки с сухим вином и палатки, в которых тоже продавали разных сортов сухие вина. Витя шел, улыбался прохожим, останавливался у каждой бочки, у каждой палатки, дегустировал вина и вернулся в гостиницу в умиротворенном состоянии.

А тут тоже появились эти неугасимые американские сигареты «Астер». Витя пришел в номер, закурил эту «Астру», лег на кровать и уснул.

Проснулся он от того, что стал задыхаться – номер был наполнен дымом. Гостиница была новая и, по всей видимости, рамы и двери были сделаны из сырого дерева, они очень плотно закрывались и дым в коридор

не проникал. Когда Витя очнулся, то первым делом выпустил через фрамугу весь дым, залив предварительно диван водой. Но оказалось, что в середине дивана образовалась огромная дыра – огонь прожег диван насквозь.

В этот день я тоже был свободен и сидел в своем номере. И вот раздается телефонный звонок.

– Ловочка, – спрашивает Витя, – у тебя есть сумка? Чем больше, тем лучше.

– Есть, – говорю, – но она с вещами.

– Освободи ее и зайди с ней в мой номер.

Я освободил сумку и пошел к нему. И тут вижу, идет еще один актер, и тоже с большой пустой сумкой. Я спросил:

– Ты не к Вите Сускину?

– Да. А ты не знаешь, в чем дело?

– Нет, но он просил меня прийти с большой сумкой.

Ладно. Дошли до номера, постучались, и Витя открыл дверь. Мы увидели на полу аккуратно сложенные кусочки дивана, аккуратно сложенные пружинки, а Витя допиливал последние части этого дивана.

– Я уже кое-что отнес, – сказал он, – а теперь мы сложим остатки в ваши сумки, и отнесите их, пожалуйста, на стройку – это через квартал. И выбросьте там все это через забор.

Мы сложили все, что могло поместиться в сумки, дошли до этой стройки, перекинули мусор через забор, вернулись и увидели, что Витя уже подмел, опилки собрал в кулечек, свернул остатки пружинки, положил в наши сумки и тщательно протер пол мокрой тряпкой.

– Ну вот и все, – удовлетворенно сказал он. – Дело сделано...

И в самом деле, никакого шума и скандала по этому поводу не было – на отсутствие дивана просто не обратили внимания.

Через какое-то время я встретил Витю на улице Горького. Мы обнялись, разговорились.

- А знаешь, Левочка, - сказал он, - я ведь из профессии ушел - я теперь не актер.

И я подумал, что это каким-то непостижимым образом связано с той историей, и сказал ему об этом. Как ни странно, я оказался прав.

- Вот ты помнишь, - сказал он, - как вы помогли мне тогда в Тирасполе. Так вот в тот день, когда мы уезжали из города, ко мне зашла администраторша. «Товарищ Сускин, - сказала она, - а вот тут...» - и показала пальцем на то место, где раньше стоял диван. Я не выдержал, перебил ее и крикнул: «А что я его - съел?!» Она растерялась, пожала плечами и ушла. Вот и оказалось, Левочка, что артист-то я никудышный. Я даже не умею слушать. Я ведь даже недослушал ее, а уже закричал. Вот тогда я и понял: ни на сцене, ни на экране мне не место... Сейчас я работаю по другой профессии, а по какой - не скажу. Может быть, ты обо мне еще услышишь.

И, расставаясь со мной, он так же, как и раньше, добро и широко улыбался. А я понимал, конечно, что шрам-то в душе его остался, потому что кино такое же заразное дело, как и цирк. Но об этом я уже много раз и писал и говорил. Очень трудно покидать и то и другое. Очень...

* * *

Если пилот не может не летать, то актер не может не играть. Если его не будет окружать атмосфера игры, он просто задохнется в творческом вакууме. И он, порой даже бессознательно, ищет и находит для себя игровую ситуацию.

«Отравление» смехом

Как-то уже очень давно пришел я на общественный просмотр новой программы московского цирка. Отработали свой номер туркменские наездники, и клоун по старому обычаю стал приглашать из зала публику, заводя ее словами: «Ну, кто хочет стать артистом?!» Публика, естественно, молчит: какой дурак при всех срамиться пойдет?! И тут из зала буквально вытаскивают какого-то странного человека в застиранной ковбойке, в сапогах – просто жуть. Человек этот выходит и начинает осматриваться по сторонам. На его лице был написан такой непередаваемый ужас, что все вокруг захохотали. Потом ему подвели лошадь, перебросили через седло, он, естественно, не удержался, упал прямо на опилки и... начал складывать их в руку и жевать. С залом случилась настоящая истерика. В директорской ложе сидел Михаил Жаров. Он оказался необычайно смешливым человеком. Вскокивал, показывал пальцем на манеж и заливался на весь цирк своим хохотом. А потом вдруг на секунду воцарилась тишина, и тут все услышали трагический шепот Жарова: «Ой, я описался!» Выходя из цирка, все держались за животы, так что милиционеры подозрительно оглядывались: уж не отравились ли эти люди чем-то? А мы и не подозревали, что стали свидетелями едва ли не первого выхода на манеж Юрия Никулина.

Никулин и его хэтч-бэк

Я очень дружил с Никулиным, к тому же Юрий Владимирович жил рядом с Театром на Малой Бронной. Как-то на старенькой машине Никулина мы приехали в один из московских таксопарков, где нам предстояла съемка эпизода художественного фильма. К вечеру, закончив работу, мы попрощались с гостеприимными таксистами, сели в машину и тронулись в обратный путь. Вскоре Никулин говорит мне: «Слушай, у меня такое ощущение, что это не моя машина. Всё другое – и звук, и даже запах...» Мы оба вышли из машины и, открыв капот, стали ее осматривать. «Они всё заменили на новое, – прошептал Никулин. – Всё, что только можно. Даже колеса».

Вот что такое всенародная любовь! У Никулина, кстати, была «Волга» модели хэтч-бэк, то есть фургон, с пятой задней дверью. Как-то в его машину набилось человек десять, а может и все двенадцать. Никулин включил двигатель, но машина не сдвинулась с места, забуксовала. И тут, откуда ни возьмись, появился автоинспектор, который строго произнес: «Эй, водитель, если только тронешься, отдашь права!» Никулин полез обеими руками в карманы пиджака, из которых веерами извлек две колоды водительских документов: «На, тебе какие?» «Ох, извините, Юрий Владимирович, – сразу узнав актера, засмеялся инспектор. – Сейчас поедете». Он вызвал по рации подкрепление. Уперлись. Толкнули. Поехали.

Не наградной день

Это произошло накануне очередных майских праздников. Мне позвонили из Президиума Верховного Совета и сказали, что меня наградили орденом Трудового Красного Знамени. А когда мне что-то преподносят, я тонко, как большой интеллигент, шучу. И я говорю:

- Наконец-то вы созрели в Верховном Совете! А я-то уже давно был готов к этому! Во всех пиджаках дырок наковырял! А вы все там никак не мычите, не телитесь.

Так тонко, интеллигентно шучу.

На другом конце провода похихикали над моей шуткой и говорят:

- В среду к десяти утра просим прибыть. И, будьте добры, без опозданий.

Я, конечно, как дурак, с утра шею вымыл, галстук нацепил и к десяти утра подъезжаю к этому мраморному зданию. Там часовые.

- Здрасьте, Дуров, вы чего?

Стало быть, узнали.

- Здрасьте, - говорю. - Мне тут позвонили... - и объясняю, что к чему.

А они говорят:

- Сегодня не наградной день.

- Как не наградной? Мне сказали, к десяти утра!

Тут они тоже занервничали, как и я.

- Сейчас, - говорят, - мы позвоним куда надо и все выясним.

Они ушли куда-то, приходят и говорят:

- Мы позвонили в секретариат. Вы знаете, ни в одном наградном листе вашей фамилии нет.

Я спускаюсь по ступенькам, выхожу на улицу, гляжу - машина. А облокотясь на нее, стоит довольный Юра

Никулин и говорит:

- Приехал все-таки, дурачок!

И я, невзирая на флаг на здании, на мрамор, сказал все, что о нем думаю.

- Кто звонил? - спрашиваю.

- Я, - говорит. - Кто же еще?

- Не стыдно?

- А тебе? - спрашивает. - Поверил, как маленький.

Ну, здравствуй, мальчик.

И мы обнялись.

«Толстее» Толстого

Ладно, думаю, больше я на такой крючок не попадусь. Проходит несколько дней, раздается звонок.

- Дуров? - спрашивают.

- Дуров, - говорю, - Дуров. Что надо?

Мужик объясняет:

- Это звонят из «Совинфильма». С вами хочет встретиться Питер Устинов. Не могли бы вы...

И я перебиваю:

- У меня к вам предложение, «Совинфильм».

- Да? - заинтересовался дядька. - Какое же?

- Не пойти ли вам вместе с Питером Устиновым!.. - и уточняю куда.

А дядька не отступает и все настаивает. Я, значит, адресую еще длиннее. Слышу, он кому-то там говорит:

- Он посылает... Поговори ты с ним.

Трубку берет женщина. Ну я, конечно, опомнился.

- Простите, - говорю, - пожалуйста, я думал, это Ширвиндт или Никулин.

Она там упала сразу - она все поняла - и говорит:

- На самом деле вас хочет видеть Питер Устинов.

И я поехал на эту встречу, не понимая, зачем и что. Хотя... Драматург Питер интересный, актер замечательный и дядька, как мне было известно, хороший.

Значит, приезжаю. А этот Питер такой огромный, как баобаб, здоровый и бородища на всю грудь. Он увидел меня и как заревет:

- Ле-е-ев!!!

И весь «Совинфильм» вздрогнул: мол, чего притворялся, что не знаком.

Тогда и я заорал:

- Пи-и-итер!!!

К его пупку ухом прижался, орем! Все обалдели, думают – совсем с ума сошли. Думают, откуда у Дурова такие связи с Англией? Кто-то смутился...

Ну, сели, чуть-чуть дали, и я спрашиваю:

– Чего тебе нужно, Питер?

По-простому его спрашиваю.

– Видишь ли, канадская телекомпания будет снимать по моей книжке многосерийную картину.

У него тогда вышла книжка «Моя Россия».

– Слышал, – говорю, – о книжке, но не читал.

– Подарю.

И тогда я спрашиваю:

– А я при чем?

– Я, – говорит, – буду играть самого себя, Питера Устинова. А ты будешь Львом Толстым.

– Ты что, обалдел? – спрашиваю. – Какой из меня Лев Толстой? Погляди на меня получше.

– Нагляделся, – говорит. – Ты вылитый Толстой. Давай гримироваться.

Я и опомниться не успел, как гример уже взял меня в оборот. Мудрил он надо мной, мудрил, а когда закончил... нас всех разбил паралич! Меня первого.

Поглядел я в зеркало: один к одному!

А гример спокойно так:

– Думаю, больше ничего не надо делать.

Я говорю:

– Братцы! Да что ж это такое? Я ведь хотел отмотаться! Куда же теперь?

И они провели опыт. Сфотографировали меня, и гример ходил с двумя фотографиями: моей и Толстого и всех спрашивал:

– На одной фотографии не Толстой. Где не Толстой?

И все тыкали пальцем в фотографию Толстого... Хотя бы кто-нибудь тыкнул в меня! Оказалось, я чуть-чуть «толстее» Толстого.

Граф Толстой и милиционер

Ну, деваться было некуда, и повезли меня сниматься в Ясную Поляну. А по дороге произошла история, о которой я и хотел рассказать.

Я, конечно, при бороде. И Питер со мной. А ехали мы на «Чайке», списанной машине начальства. На той самой, которую у нас прозвали «членовоз». А выехали мы ра-а-но! И тут посреди дороги жутко жрать захотелось. Смотрю – слева сельмаг, справа – пост ГАИ. Я и говорю водителю:

– Притормози.

Он притормозил, а на посту – милиционер. Он как увидел... Конечно, подумал, что какую-то правительственную машину пропускает, а его не предупредили. И он ссыпается по лесенке и несется к нам. А я забыл, что я – Лев Николаевич-то... Открываю дверцу и вылезаю.

Господи, что тут с бедным милиционером случилось! У него лицо судорогой свело, вот клянусь! И слова не может сказать, только:

– Ва!.. Э!.. – И отмахивается, как от пчел.

А я решил подыграть и говорю:

– Подожди, милейший, граф есть хочет. В сельмаге есть что-нибудь?

Он трясется как осиновый лист и ртом воздух хватает.

– Нет!.. То есть да!

И как дунул через дорогу! Питер трясется от смеха, а я ему говорю:

– Ты молчи! Ты мой слуга из Англии.

А в сельмаге действительно и «нет» и «да»: одни сушки. И на том спасибо, моему «слуге» понравились.

Потом мне рассказывали, что, когда Питер улетал в Англию, он увез с собой целый чемодан этих сушек.

Между прочим, министерству внешней торговли следовало бы задуматься над этим фактом. Не умеем мы торговать!

* * *

В общем, приехали мы в Ясную Поляну и все, что нужно было, отсняли...

Там был один замечательный момент. Посадили меня за стол Толстого и вдруг операторы-канадцы расхохотались, глядя куда-то поверх моей головы.

Я поворачиваюсь: за моей спиной фотография Толстого за этим же столом, и он тоже делает вид, что работает, как и я.

И вот отсняли мы все и возвращаемся в Москву. Глядим – на том самом посту пять милиционеров стоят.

– Питер, – говорю, – это нас ждут.

Притормаживаем, я вылезая из машины, и гаишники начинают хохотать.

– Дуров, – говорят, – твой на бюллетене!

– Кто это? – спрашиваю.

– Утренний. Он пришел к начальству и говорит: «С ума сошли! Толстой без охраны едет! А вы – ничего! Не приняли никаких мер!» Начальник спрашивает: «Вася, какой Толстой?» А он: «Писатель! Знать надо!» Начальник говорит: «Спокойно, Вася, сними портупею, сдай оружие...» Разоружили его на всякий случай, позвонили домой и сказали: «Клава, твой – плохой, едет домой, вызывай врача». Выяснилось, что у него был нервный шок. Дали бюллетень на десять дней.

Но оказалось, что это еще не конец истории. Когда Питер Устинов был уже в Англии, в журнале «Иностранная литература» вышел его рассказ «Лев

Толстой и милиционер». Рублей семь, наверное, получил за него.

А после того, как у них там, в Англии, показали по телевидению сериал, мне прислали оттуда газету с рецензией. Серия, где я снимался в Ясной Поляне (она называлась «Бородино»), была признана лучшей. Пустячок, а приятно. А что? Не было бы Васи и сельмага с сушками на тульской земле, я, может, и не вошел бы так органично в образ великого писателя.

Приглашение в Голливуд

Прошло какое-то время после того, как Никулин вызвал меня в Президиум Верховного Совета за получением ордена Трудового Красного Знамени, и меня приглашают в дирекцию театра. Там мне вручают шикарный конверт – весь в штемпелях и печатях. Вскрываю и вижу отпечатанное на машинке письмо на английском языке. Нашел переводчика, и тот мне перевел, что фирма «Парамаунт» приглашает меня на роль в фильм «Пятеро». И что из советских артистов предлагают сниматься еще господину Никулину. С американской стороны участвуют Пол Ньюмен и еще какой-то популярный артист. Я сразу все понял и позвонил Никулину.

– Владимирыч, – сказал ему, – больше ты меня не купишь. Кончай свои розыгрыши.

– Ты о чем? – спрашивает.

– О письме из Голливуда.

– Значит, ты тоже получил? – радуется Никулин. – И мне прислали. Не веришь? Сейчас я к тебе Макса с этим письмом пришлю.

Приезжает его сынишка и передает мне точно такой же конверт, в котором лежит письмо с переводом. В нем сказано, что господину Никулину предлагают роль в фильме «Пятеро», и что из советских артистов предлагают еще роль господину Дурову и т. д. Звоню Никулину.

– Юра, – говорю, – извини. А я думал, ты разыгрываешь. Ну что ж, поедем, научим их, как надо работать.

Проходит неделя, никто не интересуется моими связями с США, и министерство культуры молчит. Звоню Никулину.

- Владимирыч, - говорю, - ты чего-нибудь получал еще оттуда?

- Нет.

- Тогда, - говорю, - ну их к черту! А то дома уже все волнуются, когда дед поедет, чего-нибудь привезет.

- Не поедем, - соглашается Никулин.

- Не поедем - пусть прозябают.

Никулин помолчал немного и спрашивает:

- У тебя конверт далеко?

- Вот он, - говорю, - на столе.

- Возьми его в руки.

Я взял.

- Там есть большая треугольная печать? - спрашивает.

- Есть.

- Прочти, что на ней написано!

- Так там же по-английски.

- Но буквы-то ты знаешь, вот и читай.

Я читаю. А там написано: «Счастливого пути, дурачок!»

Липовые пробы

В свою очередь, я любил разыгрывать Юрия Никулина. Он у меня в Ленинград съездил на пробы в несуществующую картину.

Я позвонил ему из Питера и, изменив голос, в стакан сказал, что он утвержден на роль отца трех близнецов в советско-шведский фильм «Вишня». И попросил просто формально приехать на пробу сцены с близнецами, которых специально привезли из Швеции. Юра приезжает в Питер, идет на студию, а я сижу в отеле и представляю, как все происходит. Думаю: «Вот сейчас он приходит в актерский отдел и говорит: «Мне нужна группа «Вишня». Ему отвечают: «Такой не существует». – «Как?! У меня назначена проба с тремя шведскими мальчиками-близнецами». – «Никаких шведских мальчиков-близнецов нет». И тогда он говорит: «Та-ак, я понял. Зато есть один русский «мальчик»... И только я про это подумал, у меня раздается звонок: «Ах ты, такой-сякой, тра-та-та-та!..» Но не злобно, разумеется.

Внимание: черепахи!!

Снимаем фильм «Ко мне, Мухтар!». Ночь, мороз градусов под 30, собаки из уголовного розыска воют от холода. Мы все лежим вповалку в тулупах в какой-то маленькой комнатушке, где можно хоть чуть-чуть согреться. Все раздражены и очень устали, атмосфера общего недовольства нагнетается с каждой минутой. И вдруг ни с того ни с сего раздается голос Никулина: «Вот сейчас в цирке артист Семушкин готовит новый номер: гигантские черепахи». Наступает гробовая тишина, и даже собаки перестают скулить. «Он выходит в белом жабо, бьет бичом и на манеж выползают восемь гигантских черепах, они делают полный круг. Семушкин говорит: «Ап!» и они все встают на задние лапы... - Через большую паузу Никулин добавляет: «Восемь часов идет номер». И тут у всех начинается истерика, мы закатываемся от смеха, представляя, как публика восемь часов следит за еле двигающимися черепахами...

Не морочь мне яйца!

Однажды сижу я у Никулина в кабинете. Незнакомый мне цирковой артист уговаривает Юрия Владимировича взять в программу его номер. Никулин терпеливо объясняет ему, что этот номер никак не вписывается в уже готовую программу, но тот продолжает настаивать. Тогда Юра неожиданно спохватывается и говорит: «Ой, я же забыл тебе что-то показать». Лезет в стол и вынимает оттуда большое расписное яйцо, открывает его и говорит: «Смотри». Проситель смотрит, потом наступает длинная пауза, и он произносит: «Мне все понятно, Юрий Владимирович. Спасибо! До свидания». И уходит. Удивленный такой быстрой переменой в его поведении, я тоже заглядываю внутрь гигантского яйца и на его внутренней стороне читаю: «Не морочь мне яйца!»

Как Никулин актеру пенсию выбивал

Юрий Владимирович всегда шутил походя. Ты все про него знаешь, и все равно попадаешься. Потому что он делал это с такой детской правдивостью, что ты влипал все время. Ты искренне верил, что это именно так. Но он никогда не шутил зло. Это ему было несвойственно совершенно. Он мог разыграть, поскольку понимал, что ты все равно на него не обидишься. Мог любую напряженную ситуацию изменить моментально, направив ее в совершенно иное русло.

Звонит как-то и говорит:

– Мальчик, поехали! Мне надо одному цирковому артисту выхлопотать пенсию. Нам вдвоем будет веселее. Свободен?

– Свободен.

Приезжаем. Он входит в приемную и идет напрямую, как нож сквозь масло. Показывает при этом пальцем назад:

– Этот со мной!

Входим в кабинет. За длинным столом сидит много народа. Главный чиновник кого-то распекает.

Никулин говорит:

– Да подожди ты!

Начальник замирает. Никулин с ходу рассказывает ему три похабных анекдота. Начальник начинает от неожиданности хрюкать. И люди кругом начинают тоже смеяться.

А Юрий Владимирович в это время говорит:

– Подписывай, подписывай пенсию цирковому артисту.

– Не могу, – говорит чиновник, продолжая хрюкать.

- Потом поговорим. Ты подпиши, а позже разберемся.

Тот, не выдержав такого напора, подписывает бумагу, и мы уходим.

Никулин удовлетворенно говорит:

- Ну, вот и ладно. Может теперь кому-нибудь квартирку выхлопочем пойдем?

Неси за кулисы!!

На Цветном бульваре отмечали 80-летие Юрия Владимировича Никулина. Татьяна, его вдова, попросила меня выступить, я, ничего не подозревая, согласился. Выхожу на арену, клоуны меня схватили, завязали глаза и говорят: «А теперь протяни руки». Я протягиваю, мне кладут, чувствую, живого человека и приказывают: «Неси за кулисы!» Я несу, выполняю команды: чуть правее, чуть левее. Стоп! Снимают повязку, глаза мои вылезают из орбит: на моих руках лежит клоунесса, болтает ножками. Встает, я чуть в обморок не падаю – ростом она больше двух метров! И я, представьте себе, сумел вынести эту «дюймовочку» за кулисы! Говорят, мы вместе здорово смотрелись...

Ночной звонок

Как-то директор нашего театра Илья Коган собрался с женой на отдых в Ялту. Легли они спать пораньше, чтобы встать вовремя и успеть к утреннему рейсу. В три часа ночи неожиданно звоню я: «Не разбудил? Нет? Хочу попрощаться – завтра лечу в Германию. Кстати, хотел спросить, а водку с собой вы взяли? В Ялте, говорят, с ней проблема...»

Прилетели они в Симферополь, а у трапа я их встречаю. И в руках у меня: цветы и бутылка. «Это мужу, – говорю, – а это жене». И быстро, быстро ушел. На площади меня ждал автомобиль Ялтинской киностудии.

«Вы же должны были быть в Германии на съемках?» – позже спросили меня.

– Просто мне хотелось помочь Вам.

Волшебная телеграмма

Во времена, когда с билетами на самолет бывало нелегко, пускались на всякие хитрости. Но была среди них одна, безошибочная.

Я привозил с собой в аэропорт телеграмму и показывал начальнику смены. А там черным по белому: «Срочно вылетай уже прилетели Ульянов Смоктуновский Ефремов ждем вас Бондарчук». И, представьте, срабатывало. Прилетишь и спрашиваешь: «А где остальные?», а тебе в ответ: «Такой текст дали, чтобы с билетом сложностей не было. Разве против такой бригады устоят авиаторы?»

Не дурак, а Дуров!

В старом театре служили настоящие монстры остроумия. Раневская, например. Однажды Броневой хотел сделать Фаине Георгиевне комплимент и сказал: «У вас такой юмор искрометный...» Она улыбнулась: «Ну что вы... Разве это юмор! Вот иду я по Тверской с Михоэлсом, а навстречу идет Завадский. Я говорю Михоэлсу: «Вот в этом человеке могут жить только глисты, а в вас живет Бог». Он мне сразу, без паузы, отвечает: «Фаечка, если во мне живет Бог, значит, он туда сослан!»»

Фаине Георгиевне попасться на язык не приведи Господь было! Она в выражениях не стеснялась. Такой машине от искусства прощительно все. И актриса великая, и человек грандиозный. Я тоже однажды нарвался. Эфрос пригласил посмотреть прогон пьесы «Дальше – тишина». Сажу в зале, и вдруг из-за кулис кричит своим басом Раневская: «Я не пойду на сцену, там кто-то в зале сидит! Дуракам полработы не показывают! Почему я должна выходить и работать, когда дураки в зале?!» Слышу, Плятт говорит: «Фая, успокойся, это никакой не дурак, это артист Эфроса, Дуров». Раневская отвечает: «Дуров? Знаю. Да, он не дурак. Ну, черт с вами, пойдете сыграем!»»

Родился в рубашке

Мужчина должен быть храбрым. А я скорее безрассудный. Я часто нарываюсь. У меня в спине дырка от финки, в драки я влезал вечно.

Я часто из совершенно «нулевых» ситуаций выходил живым. Помню, в Киеве шел от студии Довженко до гостиницы. Между ними – пустырь. Слышу девичий уже даже не крик, а хрип. Рядом остановка, военные стоят, никто не сунулся. Ну, я и прыгнул туда, в кусты, смотрю – девчонка лежит, на ней все рвет какой-то... пытается изнасиловать. Я ему сразу с ходу засадил, оторвал его и не заметил, что сзади еще один, за деревом. Почувствовал только удар в спину. Но мне не до этого было, вытащил девчонку, поймал такси. А у нее шок, она говорить не может. Адрес кое-как написала, отправил ее. С остановки всех сдуло. Я в гостиницу прихожу, снимаю одежду, смотрю: что-то мокрое. Кровь. К счастью, на мне дубленка была, так что финка хоть и попала под лопатку, но ничего страшного не случилось. Хотя это безрассудство. Исход-то мог быть совсем другим...

Поэтому я не осуждаю, когда шпана входит в метро, и все молчат. Потому что это стая шакалов, она способна на все. Им милиционер делает замечание, они набрасываются и дробят череп ему. Конечно, не каждый сунется туда. У всех дети. И рисковать немногие решаются. Мне просто до сих пор везло...

Я никогда не пользуюсь помощью каскадера. Трюки все делаю сам. Почему кто-то должен рисковать жизнью вместо меня? Но ведь это все могло иначе кончиться. Я прыгал из поезда на ходу на лошадь, горел, у меня сломан позвоночник, потому что я на съемках «Крестьянского сына» перевернулся с лошади.

У меня есть книжка, подписанная человеком, которого я спас в Ялте. Во время восьмибалльного шторма его черт понес в море. Я вышел на берег и слышу: «Помогите!». И шапочка синенькая мелькает. Вся набережная была полна народу, но ведь все понимали, что соваться глупо, потому что это смерть. Я прыгнул, и это было полным безрассудством. Подплыл к нему и говорю: «Вы только не цепляйтесь. Если вы будете цепляться, мы не выплывем». А он оказался очень крупный. Я его поддерживал-поддерживал и понимаю, что все, мы уходим. И спасли нас только спортсмены из военного санатория, которые клином подплыли, положили его на этот клин и сказали: «Выплывай сам». Господь Бог спас, он выплыл. И я тоже. Я думаю, у меня есть ангел-хранитель.

* * *

А вообще говоря, смертельные опасности подстерегали меня с самого детства.

Однажды, сразу после войны дело было, один контуженый офицер стрелял в меня буквально в упор. Манией преследования страдал. Три пули просвистели в сантиметре от лица! Как он умудрился их в меня не влечь - не знаю. Какой-то военный мимо проходил, прыгнул на этого сумасшедшего, повалил...

* * *

Однажды на съемках одна актриса, решив пошутить, поехала на тресе, я же подумал, что она сейчас врежется в металлический портал, и бросился ее спасать. А шутница перед самым моим носом неожиданно развернулась и ударила меня ступнями в

грудь. Я не успел ни сгруппироваться, ни отскочить и загремел с трехметровой высоты, шмякнувшись об угол стены... Отлетели четыре отростка на позвоночнике, пришлось лежать в корсете. Потом во время съемок вместе с лошадью скрутил сальто и заработал компрессионный перелом шейных позвонков. Могло все кончиться гораздо хуже, но ведь жив пока.

Я и автомобиль

Я за рулем не мог ездить медленно. Нарушал все, что можно нарушить. Друзья садиться ко мне в машину отказывались. Больше одного раза никто не выдерживал.

Я как-то Москву американской актрисе показывал – возил ее по городу целый день. Она потом директору нашего театра письмо прислала с такими строчками: «Кланяйтесь господину Дурову и передайте ему, пожалуйста: красный сигнал светофора означает, что нужно остановиться, а не ехать быстрее. Я хотела бы в следующий раз увидеть этого актера целым куском».

То же самое мне не раз пытались объяснить и гаишники. Но я нашел оружие против ГАИ – безотказное. Меня чуть ли не каждый день тормозили и, когда я выходил из машины, узнавали сразу же и говорили со вздохом:

– Ну, Дуров, что делать будем?

А я отвечал:

– Милиционер, давай обнимемся!

Срабатывало моментально и всегда! Главное – не произносить пошлых фраз типа: «Командир! Не стыдно артиста грабить?» Меня один замечательный гаишник как-то раз на всю жизнь от такого обращения с милицией отучил. Знаете, что ответил?

– Лев Константинович Дуров! Я вас очень уважаю как профессионала. Позвольте же и мне быть профессионалом на своем месте! – А потом еще добил, крикнув вслед: – Берегите себя! Вы нам очень дороги!

Мой первый выезд

Теперь я водитель с солидным стажем. Ездил все время на ВАЗах: «копейка», «девятка», «пятерка», потом был «ИЖ». А первым моим автомобилем был «Олдсмобил» в фильме «Вся королевская рать». До этого я никогда не сидел за баранкой, а играть должен был шофера кандидата в президенты США. Ну, меня перед началом съемок потренировали полтора часа – всего-то и надо было подъехать к Жженову и Козакову, которые стояли и беседовали. «Мотор!» – я подъезжаю и нанизываю на ручку двери всю операторскую группу вместе с камерой. Она, к счастью, не разбилась.

Братцы, ведь мы Дурова бьем!

Эпизод случился, кажется, на Фрунзенской набережной поздним вечером, вскоре после того, как я начал свою непростую жизнь за рулем. Я грубо подрезал таксиста, тот увернулся и прижал моего жигуленка к тротуару. Видимо, свидетелем происшедшего стал еще один водитель такси – во всяком случае, в драке, кроме всенародного артиста (а помахатья я был всегда горазд), участвовали еще не менее двух водителей. В какой-то момент мое лицо попало в свет автомобильной фары, и тогда один из водителей закричал: «Братцы, кого ж мы бьем-то! Ведь мы Дурова бьем!» Драка мгновенно прекратилась, водители обступили меня грешного и заохали: «Лева, ну что же ты делаешь! Ладно – мы, но ты себя так погубишь! Прости нас, засранцев!» Я стал объяснять им, что и сотни километров пока не наездил, потому как лишь только-только получил права. Но они долго не могли успокоиться, все продолжали извиняться. В конце концов, пожали друг другу руки и разъехались.

За что вы Ваньку-то Морозова?

Однажды я увидел инспектора ГАИ, который что-то строго выговаривал провинившемуся водителю. Я замедлил ход, подъехал поближе, слегка притормозил и в открытое окошко бросил известную строчку из раннего Окуджавы: «За что вы Ваньку-то Морозова?» На ближайшем светофоре тот парень остановился рядом с моей машиной и обратился ко мне: «Товарищ Дуров, большое спасибо, а откуда вы знаете, что я Иван Морозов?» Оказывается, инспектор, увидев, что я вступился за нарушителя, тут же его отпустил.

Роман по переписке

Раньше гаишники меня узнавали, чем может и баловали. В те времена, когда еще увозили машины на парковку, я всегда оставлял записочку: «Уважаемая ГАИ, ушел на час, оставить в другом месте не мог – опаздываю. Не увозите машину. С глубоким уважением Дуров». Прихожу – ни одной машины, моя стоит.

И записка: «Мы тебя тоже уважаем, Дуров. Твоя ГАИ». Вот такой роман по переписке.

Не валяй дурака!

Когда в городе Переславле-Залесском снимали фильм «Не валяй дурака!», я опаздывал на очередную съемку. Шел проливной дождь, а я мчался на своих «Жигулях» со скоростью сто сорок километров в час. И на таком ходу у меня вдруг взорвался баллон. Автомобиль сто метров крутило по шоссе – я гравий весь снес! Как встречные машины от меня уворачивались, до сих пор понять не могу. С дороги улетел так далеко, что, когда потом машину вытягивали, одного троса по длине не хватило. От шины только лохмотья остались. Но – миновало.

Спасите утопающего!

Это было во время съемок фильма «Прощание с Матерой». Я знал, как резко у нас меняется погода, и все время торопил режиссера Элема Климова: «Давай снимем финальную сцену!» (В ней я прыгаю с катера в воду.) А Элем отвечал: «Успеем».

И вот настала глубокая осень, температура воды понизилась до восьми градусов. Тогда-то и начали снимать финал. Навезли дымовых шашек, чтобы сделать туман, скомандовали «Мотор!», я пробежал по палубе катера и прыгнул в воду, не сняв сапог и пиджака. Передо мной прыгал каскадер в гидрокостюме: он вернулся и сказал, что в этой воде плавать нельзя и больше он в нее не полезет. А я поплыл – плыву, катер уходит в туман и вскоре совсем исчезает. Пиджак пузырем вздувается за спиной, сапоги тянут ко дну, мало-помалу начинаю захлебываться. Ничего не слышу, задыхаюсь в дыму, думаю о том, что, пожалуй, придется утонуть, и тут раздаются крики: «Он где-то здесь, не раздавить бы!»

На катере меня скрючил мышечный паралич, а во время растирания я потерял едва ли не всю кожу. На следующее утро я проснулся ободренным, но здоровым.

Пожарные начеку

Вот снимался я в фильме «34-й скорый». Он о мужестве, о поведении людей в экстремальной ситуации, о том, что человек всегда должен оставаться человеком, заботиться о тех, кто его окружает. На съемках этого фильма мы чуть не сгорели. По сценарию я еще с одним актером должен был уткнуться в огненную стену, повернуться и пойти обратно. Но получилось так, что пламя пошло по потолку и загорелся другой тамбур, двери заклинило. Я стал бить в стекло матюгальником (мегафоном), но стекла тогда делали крепкими, они никак не бились. Уже волосы на голове загорелись, у моего партнера задымилась фуражка. Казалось, все, конец. Я уперся в раму, ударил обеими ногами и выбил ее целиком. Вывалившись из вагона, мы увидели пожарных, которые стояли рядом и ничего не делали. Я спросил у них, почему они бездействовали, а в ответ услышал: «Мы ждали от вас команды». А вагон тот уже через двадцать минут полностью сгорел, от него остался один остов.

Опасная профессия

А что – опасность? Так ведь судьба везде настичь может. И на сцене тоже, кстати сказать.

Мы с Леной Каневским играли когда-то в пьесе Саймона «Весельчаки» двух старых эстрадных артистов, которые всю жизнь ссорились. И вот на одном из спектаклей, как раз когда на сцене у героев разыгрывается очередной скандал, мимо наших с Каневским носов, едва их не касаясь, падает деревянный брус – двадцать сантиметров шириной, семь метров длиной!

Я вижу, у Лени ноги отнялись. Он стоит и слова сказать не может. Что делать? Перешагиваю через брус и, обращаясь в зрительный зал, говорю:

– Вот вам всем кажется, будто самое мирное место на земле театр, а актер – самая безопасная профессия. Теперь вы поняли, что это не так?

И непонятно, кто говорит: Лев Дуров или герой пьесы, тоже артист. Многие, кажется, и в самом деле поверили...

А в ложе сидел наш друг Слава Третьяк. После спектакля заходит он в гримерку и говорит:

– Ну класс, ребята! Этот трюк с бревном у вас гениально отработан. Как вы не боитесь? Такая махина рядом с лицами падает!

А когда мы ему объяснили, что на самом деле произошло, он весь белый стал. Это Третьяк! Мужественный человек, который, стоя на коньках, ловил «кирпичи»...

Лобов! Трусы держи!

Поскольку я упомянул имя Славы Третьяка, тут уж никак не избежать разговора о спорте.

Чем я только не занимался! Боксом, фехтованием, хоккеем, футболом и даже воздухоплаванием. Да-да, и не в качестве пассажира авиалайнера, - я самостоятельно вел воздушный шар с пассажиром на борту.

Но неизменная моя любовь, конечно же, футбол. Я играл за прекрасную команду Московского художественного академического театра. Так она и называлась - команда «МХАТ». А то, что она действительно была сильной, говорит хотя бы тот факт, что во главе ее стоял капитан Николай Николаевич Озеров. Чемпион страны по теннису, в футбол он играл за первую клубную «Спартак». Его уважали все судьи, потому что он играл тактично, элегантно, был истинным интеллигентом на поле. Когда в игре создавалась сложная ситуация и судья вел себя в ней некорректно, Озеров делал ему серьезные замечания, и тот ничего не мог ему возразить.

Мы играли за Райсоветы на первенство Рабис - работников искусств. У меня даже сохранился диплом за 2-е место в этом первенстве.

Я играл очень цепко. Когда мы начинали проигрывать, Николай Николаевич - а тогда мы его звали просто Коля - говорил: «Оттянись назад». Это чтобы я ушел в защиту. И тут уж я стоял насмерть, и никогда не допускал, чтобы противник прорвался к воротам. Поэтому и противник меня не жаловал и относился ко мне с нескрываемой неприязнью.

Как-то в раздевалке, когда мы переодевались на игру, я услышал такой короткий диалог:

- Седой играет? (Была у меня и такая кличка.)
- Играет.
- Убью!

Но меня это мало волновало.

В команде «Красный факел» нападающим был Лобов, здоровый, могучий малый. И так получилось, что в игре с этой командой я однажды провалился. Смотрю, этот Лобов выходит один на один с нашим вратарем. Голевая ситуация! По моей вине! И тогда я разворачиваюсь и – за Лобовым. Но вижу, я его уже не догоняю, и думаю: лучше пенальти, чем чистый гол. А пенальти, может быть, еще и не забьют. Бросаюсь, в прыжке хватаю Лобова за бедра и оказываюсь на газоне. И тут вижу, что-то у меня зажато в руке. Лобовские трусы! Поднимаю голову, а впереди мелькает что-то розовое. А на трибунах стоит дикий хохот и раздается свисток.

Лобов играл без бандажа и без плавок, и вдобавок у него была укороченная маечка. И вот в таком виде он продолжал бежать к нашим воротам. Что делалось на трибунах, нельзя и вообразить!

Команда «Красный факел» растерялась и, вместо того, чтобы прикрыть товарища и надеть на него трусы, стала вводить его в трусы, как лошадь в оглобли. Потом все же привели его в божеский вид, но с этого момента Лобов как игрок пропал. Как только он выходил на поле, все кричали:

- Лобов! Трусы держи!

Потом он куда-то исчез. А меня за хулиганские действия на поле дисквалифицировали. Но Озеров сумел доказать, что в моих действиях не было ничего хулиганского – произошел несчастный случай. И меня вернули на поле.

Мой вклад в футбол

Смех смехом, а в историю футбола я все же вошел. В том матче я играл в защите. И вот вижу – идут на меня такие же, как Лобов, два валуна, два нападающих. Создается ситуация, которая называется «коробочка». Это когда два игрока сходятся на игроке противника, он оказывается между ними и уже не может продолжать игру. Смотрю, чистая «коробочка». Озеров кричит:

– Осторожно!

А эти здоровенные прут, как танки. Ну, думаю, сейчас они в порошок меня сотрут. А обгоняя их, идет на меня навесной мяч, ударяется о поле и летит в мою сторону. Я, недолго думая, оттягиваю на трусах резинку и ловлю этот мяч. Нападающие обалдели, затормозили и не знают, что делать – мяч-то у меня в трусах! Пока они стояли с раскрытыми ртами, я проскочил между ними и рванул к воротам противника. Трибуны буквально осатанели!

И вот я, беременненький, бегу, а рядом со мной бежит судья. Смотрю на него, а он не свистит, – я ведь мяч-то руками не трогал! И он не знает, что делать. Вот такая ситуация.

Вот так мы с ним бежали, бежали, потом он все же свистнул. Мы остановились, и он говорит:

– Вынимай!

– Вынимайте сами, – предлагаю и стою животом вперед.

В конце концов, делать ему было нечего, и он вынул у меня мяч. И объявил почему-то «спорный». Ну, тут на трибунах такое поднялось!..

А через несколько дней мне дали вырезку из «Советского спорта». Там было сказано, что вот на стадионе «Локомотив» произошел курьезный случай:

игрок команды «МХАТ» Лев Дуров неожиданно поймал мяч в форму. (Решили, видно, что слово «труссы» прозвучит неблагозвучно). И продолжал движение к воротам. Судья долго не мог принять решение и наконец объявил «спорный». Наверное, писал автор, он был прав, так как игрок не касался мяча руками. По всей вероятности, предложил журналист, в футбольные правила надо ввести параграф, запрещающий игру формой. Так я нежданно-негаданно скорректировал футбольные правила.

Брат ветра

А с воздухоплаванием у меня такая история произошла. Мы снимали картину под названием «День ребенка», где я играл гангстера. Во время детского праздника мы воровали ребенка, чтобы получить за него выкуп. Мы-то думали, что своровали принца, а на самом деле утащили нашего российского мальчишку. За нами гналась погоня, и я должен был сесть с этим мальчишкой в корзину воздушного шара и улизнуть от этой погони. Нужно было снять только взлет, начало полета.

Стало быть, привезли этот шар и стали его накачивать горелками. А надо сказать, спортивная команда воздухоплавателей, которая помогала нам в этой сцене, была очень серьезная. Командир нашего шара был даже чемпионом Европы. Значит, шар накачивают, а вся группа держит его за фал, чтобы он не взлетел раньше времени.

– Мотор! Начали!

Я хватаю ребенка, и мы прыгаем с ним в корзину.

– Бросайте фал! – кричу.

Все, как горох, рассыпались, остался висеть один фотограф – он был очень тучный и не такой ловкий, как остальные. Прыгнул он уже метров с четырех и вывихнул себе голеностоп. А мы с мальчиком полетели.

Смотрю вниз: и группа вся исчезла, и роща, где мы снимались. А шар плывет по ветру незаметно, только видишь, как под тобой меняется ландшафт. И вот мы летим, летим, летим. А я в огромной широкополой шляпе – как-никак гангстер. Проплываем над какой-то деревней, и мне кричат:

– Эй ты, в шляпе! Давай садись сюда к нам!

А я вижу, что мы вот-вот врежемся корзинкой в дома и начинаю орудовать горелкой. Шар поднимается, мы перекатываемся через эту деревню и летим прямо на высоковольтные провода. Страшная вещь! Я уже не за себя волновался – за мальчика. И смотрю – самолеты взлетают: где-то рядом аэродром. Тут я уж совсем расстроился. Ну, думаю, сейчас в нас врежутся...

Не знаю уж, какой силой воли я заставил шар опускаться на замеченный мною пяточок. Успел крикнуть мальчику:

– Распнись!

Мальчонка оказался сообразительным. Он ухватился за веревочные петли и прижался к стенке. Слава Богу, мы опустились благополучно.

Подъехали местные жители на велосипедах, на мотоциклах. Стали гасить купол, чтобы он не уволок нас по земле. А тут подъехала и команда настоящих воздухоплатователей. Шар свернули и сказали, чтобы завтра я явился с ящиком шампанского.

Я явился. Меня сфотографировали на фоне корзины и выдали роскошный диплом, в котором на английском языке было написано, что мне присваивается звание «Брат ветра», за то что я в течение двадцати минут самостоятельно вел шар и благополучно посадил его.

Человек-розыгрыш

Мои воспоминания о спорте много потеряют, если я не расскажу о своем друге Петюнчике. Он занимался наукой, но я знал, что он бывший спортсмен. И почему-то все его звали Петюнчиком.

Это был удивительный человек, который ни минуты не мог прожить нормальной спокойной жизнью. Он постоянно играл и кого-то разыгрывал. Без этого он просто не мог. Вдруг останавливался на улице, смотрел вверх и замирал.

- Вон, вон, вон... - начинал он бормотать. - Боже! Боже, это же надо!..

Вокруг него собиралась толпа, все смотрели вверх и вправду что-то начинали там видеть. А Петюнчик отходил в сторону и наблюдал за всем этим как случайный прохожий.

Этот странный человек никому не давал покоя - ни на улице, ни в трамвае, ни в автобусе. Задавал какие-то дурацкие вопросы, кого-то узнавал.

- Боже мой, сколько лет, сколько зим! Сколько же мы не виделись?

Человек, к которому он привязался, мучительно пытается вспомнить, где он мог видеть этого типа. Но Петюнчик ему сам напоминает:

- Ну как же! Помнишь, мы с тобой на Белорусском фронте...

Все смотрят на них и ничего не понимают: они и по возрасту-то ни на каком фронте не могли быть. А Петюнчик с такими подробностями вспоминает их окопную жизнь, что тот и в самом деле начинает верить про Белорусский фронт и что он воевал. И тут люди начинают смотреть на них с уважением: как же, друзья-однополчане встретились после стольких-то лет! А те

уже и обнимаются, и целуются, и все прочее. Вот такой вот Петюнчик.

Как-то звонит:

- Лев, в Лужниках сегодня легкоатлетические соревнования дружественных армий. Нужно обязательно пойти. Будет очень интересно.

И мы пошли. Заняли на трибуне места и тут объявляют, что в забеге будет участвовать чемпион мира Владимир Куц. И Петюнчик спрашивает громко, чтобы все слышали:

- Лев, Куцый - это какой?

Я говорю:

- Не Куцый, а Куц. Вон на третьей дорожке стоит.

- Послушай, как же он может бежать? - удивляется Петюнчик, опять же громко, чтоб все слышали. - Он какой-то кривоногий. Да разве он бегун?

Все вокруг похихикали. И тут выстрел стартового пистолета, а Петюнчик продолжает комментировать:

- Смотри, ведь он уже задыхается. Какой же это чемпион мира? Да он уже и бежать не может - все время спотыкается и спотыкается!

Зрители начинают роптать:

- Успокойтесь, ради Бога! Если ничего не понимаете в легкой атлетике, нечего было приходить на стадион. Что вы лезете с вашими идиотскими комментариями? Сидите и молчите!

А Петюнчик не унимается и продолжает:

- Да нет, вы посмотрите: у него и форма какая-то не такая, и трусы, по-моему, только вчера сшили. Нет, нет, не годится! Вот смотрите, смотрите - задыхается! Совсем отстает, отстает!..

Тут уж вся трибуна начинает раздражаться, а он все комментирует, комментирует и уже слов не находит, как бы еще унижить этого самого «Куцего»: и какой он кривоногий, никуда не годящийся, и фамилия у него подходящая - Куцый.

Чувствую, публика начинает нас ненавидеть. А бегуны проходят еще несколько кругов, и вот Куц отрывается ото всех.

- Ага, отрывается! - кричит Петюня. - Он еще метров сорок пробежит и умрет! Ага, вот смотри - уже все: спотыкается, спотыкается!..

И уже вся трибуна:

- Да заткнись ты!!!

Я говорю:

- Сейчас нас будут бить.

- Ну пускай бьют! - кричит Петюня. - Если они ничего не понимают в легкой атлетике, чего они сюда приперлись? Ну вот, смотри, смотри!

Тут Куц рвет ленточку и объявляют новый мировой рекорд. А Петюня возмущается:

- Да это же все по блату! Это же все подстроено! Все бежали гораздо лучше, но специально стали отставать!

Я чувствую, что живыми мы отсюда не выйдем. А в это время Куц совершает круг почета, бежит мимо нашей трибуны и Петюнчик кричит:

- Володя! Володя!

Куц поворачивает голову.

- Петя!

Перепрыгивает через турникет и через всех зрителей лезет к нам. Трибуна замерла. Куц расцеловался с Петей, поздоровался со мной, сел рядом и спрашивает:

- Ну, как я бежал?

- Замечательно! И такой колоссальный отрыв! На такой дистанции!

А он:

- Да ну, Господи! Есть еще силы.

И тут вся трибуна начала от нас отползать, отползать...

- Петь, - спрашивает Куц, - а у тебя как дела?

- Да вот работаю.
- Не думаешь вернуться в спорт?
- Да какой там спорт. Годы не те.
- Ну, ладно. Пока. А то там тренер, наверное, уже психует: где я!

Они обнялись, расцеловались. Куц спустился на дорожку и побежал. И Петюнчик опять, чтобы все слышали:

- Ну что, все? С Вовкой повидались, поехали домой. Давай возьмем бутылочку и выпьем за его здоровье.

Сквозь гробовую тишину мы прошли с Петюнчиком всю трибуну и поехали домой.

За други своя

Есть у меня прекрасный друг Женя Баранов. Он тоже начинал играть в «Динамо». И играл отлично. Бил и с правой, и с левой неотразимым ударом. Он носил прическу на прямой пробор и всегда бриолинил волосы. И вот, когда он брал мяч на голову, после этого он с ноги срезался, потому что был набриолиненный.

Женя играл в сборной молодежной страны и должен был войти в основной состав. Но тут ему пришла в голову мысль заняться наукой.

Он закончил Московский авиационный институт и вот уже много лет занимается космическими делами. Лауреат Государственной премии, имеет множество правительственных наград. Человек удивительной доброты и необыкновенной верности. Мы до сих пор дорожим нашей дружбой.

Не забуду случай, который с нами случился однажды в автобусе. Был час пик, на остановке образовалась толпа, нас с Женей разъединили, и мы вошли с разных площадок. Еду, сжатый со всех сторон, и вижу, как один щипач, а попросту – карманник, лезет к даме в сумку. Я взял его за руку и говорю:

– Я думал, после войны уже перестали этим заниматься.

А он:

– В чем дело?! Что такое?! – Шум поднимает.

И тут ко мне притискиваются еще двое. И давят на меня:

– Ты что?! Ты кто?!

Известные воровские штучки. Вот они прут на меня, а женщина молчит, боится рот открыть. Женя услышал шум и кричит мне от передней двери:

– Лева, что там такое?

- Да вот карманники! - кричу. - Хотят со мной поговорить!

И с моим другом что-то случилось. Я это понял по его голосу, каким он вдруг закричал:

- Водитель, останови машину! Открой двери!

Тот останавливает автобус, Женька врывается в заднюю дверь, хватает одного, другого - а те здоровые парни - и кричит:

- Ты с кем разговариваешь?!

И со страшной силой вышвыривает их из салона. Третий не знает, куда деваться, и начинает дергаться.

- Тоже хочешь этого? - зловеще спрашивает его Женька.

- Нет! Нет! - верещит неудачливый щипач и каким-то чудом выпрыгивает из салона.

А я прекрасно знал: если бы с ним самим так разговаривали, он бы даже не повысил голос. Но тут была задета честь его друга, и он потерял самообладание.

Собственно, у меня такой же характер. Когда со мной кто-то разговаривает и начинает хамить, я могу и простить это хамство. Но когда кто-то хамит моему товарищу, меня начинает знобить, и я не сдерживаюсь. Здесь я действительно могу растерять все рули. Наверное, так и должно быть. Друг есть друг. Как говорили когда-то на Руси: положи за други своя живот свой.

Дружба - понятие круглосуточное

Вспоминаю историю, связанную с замечательным поэтом и человеком Михаилом Аркадьевичем Светловым. Однажды ночью он написал стихотворение и ему захотелось сразу же почитать его своему другу. И он позвонил этому другу.

- Хочу, - говорит, - прочитать тебе стихотворение, которое я только что написал.

- Миша, - пришел тот в ужас, - ты посмотри на часы: три часа ночи!

- А я думал, что дружба круглосуточна, - с горечью сказал Светлов и повесил трубку.

И больше он с этим «другом» не разговаривал. И имел на это полное право, потому что сам был готов прийти на помощь к любому человеку, который в этом нуждался.

«Поэт - это тот, кому нужно все и который сам хочет все отдать», - говорил он.

Михаил Аркадьевич бескорыстно помогал всем, мог пригласить к себе домой «на пирожки» совершенно незнакомого человека. Когда он уже смертельно больной лежал в больнице, деньги, присылаемые ему из издательств в качестве гонорара за стихи, кучкой лежали на тумбочке... У всех навещавших его Светлов спрашивал: «Тебе нужны деньги? Возьми, отдавать уже не надо».

А сам порой не имел гроша в кармане...

Рассказывают такой случай. Как-то летом в ночную пору дежурный милиционер на Савеловском вокзале увидел выходящего из-за палаток странного человека. На нем были добротные ботинки, отутюженные брюки и ...майка. Милиционер поторопился к нему и спрашивает:

- Вас что, ограбили?

- Нет.
- А где же ваша рубашка?
- Отдал.
- Кому?
- Там один несчастный человек стоял в одной рваной майке. Мне его стало жалко, и я отдал ему рубашку.
- А как же вы сами поедете домой?
- А у меня тут друг недалеко живет, он мне даст что-нибудь.

Не сердите пиротехника

На «Мосфильме» работал в мое время пиротехник Гена. Замечательный, настоящий пиротехник: на одной руке у него не было трех пальцев, на другой двух. Как известно, пиротехник – это не только дым, туманы, не только разожженные костры, но и взрывы бомб, снарядов, подрыв танков и пр., и пр., и пр.

Кстати, эффектные взрывы на воде делаются очень просто. Берется обычный заряд, покупается обычный презерватив, который рекламировать не надо, заряд закладывается в презерватив и погружается в воду. От него тянутся проводки к пиротехнику, который сидит на берегу. Он замыкает электрическую цепь, и происходит взрыв. Очень красиво и эффектно поднимается столб воды.

Так вот Гена был одним из самых интересных пиротехников на «Мосфильме». С ним обычно происходили какие-то невероятные истории.

Как-то мы с ним работали на Украине в одной картине. Была отличная погода, и мы сидели в Киеве на Андреевском спуске и наслаждались природой, болтали о чем-то. И вдруг метрах в двухстах от нас раздался оглушительный взрыв. Нас с Геней отбросило куда-то в сторону и прижало спинами к какой-то стене. Как потом оказалось, сработал запал и подорвал всю нашу взрывчатку на складе. Но, слава Богу, никто не пострадал. Но в окнах ближних домов выбило все стекла. И нас предупредили:

– Ребята, если вы до семи вечера, когда вернутся с работы мужики, не вставляйте стекла, будет беда.

И тогда вся труппа взялась вставлять выбитые стекла в домах на Андреевском спуске. Обошлось

более-менее без скандала. Но тем не менее отличился все-таки Гена: что-то у него сдетонировало.

Но самая интересная история, на которой он очень сильно прославился, случилась в Ростове. Там не была еще подготовлена комната для хранения оружия и прочих боеприпасов, и Гена взял это все к себе в номер гостиницы, в которой жил.

Съемки еще не начались, и Гена жил довольно праздно и вольно. Человек он был совершенно не агрессивный, интеллигентный и доброжелательный. Но – с определенной человеческой слабостью. И вот когда он, придерживаясь за стены, возвращался к себе в номер, дежурная сказала:

– Вот артист! Ходят тут...

А Гена обычно молча проходил к себе, ни с кем не разговаривал и засыпал. И вот когда она бросила в его адрес такую реплику, он зашел в свой номер и вскоре вышел оттуда: в одной руке он тащил за собой пулемет «Максим», а в другой – коробку с патронами. И лента уже была заправлена в пулемет. Он развернул ствол в сторону дежурной и сказал:

– А теперь получай, старая б... – и дал очередь.

А надо сказать, что, когда стреляют холостыми патронами, это страшнее, чем боевыми, потому что вылетает огромное пламя. Дежурная ойкнула и завалилась за стойку.

Изо всех дверей высыпали люди. Гена крикнул:

– Ложись! – и дал еще очередь.

Тут появилась милиция, и Гена им тоже крикнул:

– Менты, ложись! – дал еще очередь, и они тоже легли. Гена короткими очередями положил всех на пол. В конце концов патроны у него должны были кончиться, и они кончились. Он встал на колени, и из-за щитка на всех посмотрели его жалобные глаза, а сам он пытался встать с поднятыми руками. Его скрутили, немного побили и увезли в милицию.

Режиссер попросил меня выручить Гену. Я пошел в милицию и стал объяснять, какой этот Гена хороший человек, какой высокопрофессиональный специалист, но вот в его адрес была брошена оскорбительная реплика, и он не мог сдержаться и ответил вот так.

- Ребята, - сказал я, - ведь вы тоже своих друзей любите и уважаете, и, если бы ваш товарищ так же защищал свою честь, вы, наверное, простили бы его.

Ребята подумали-подумали и отпустили Гену.

А другая история случилась, когда мы снимали картину «Пядь земли» - о войне. Пиротехником у нас был Гена, а оператором... Назовем его просто Юра. Это был очень худой грузин, на всем теле которого росла просто невероятная шерсть. И когда он раздевался, то создавалось впечатление, что он одет в огромный черный мохеровый свитер.

И вот на танкодроме в Тирасполе стали пробовать взрывы - обстрел батареи.

- Гена, - командует оператор. - Давай попробуй хороший взрыв.

А земля была твердая, как бетон. Гена что-то зарядил, подключил, за бугром пукнуло, и несколько кусков этого самого грунта взлетели вверх. Юра говорит:

- Гена, разве это взрыв? Сделай настоящий, я тебя прошу!

- Сейчас, сейчас, сейчас...

Опять - бум! - и два куска полетели вверх. Юра стал кричать:

- Гена, ты пиротехник или кто? Ну сделай настоящий взрыв!

- Сейчас, - сказал Гена и куда-то пошел. Через некоторое время возвращается с полными ведрами воды, уходит за бугор и возвращается с пустыми. И так несколько раз. Я говорю Збруеву, с которым лежал неподалеку:

- Саш, мне что-то это не нравится... Что-то Гена затеял.

- Мне тоже все это подозрительно, - говорит Збруев. - Давай-ка отползем в стороночку.

А Юра кричит нам:

- Эй вы! Снимаетесь в военной картине, а боитесь. Труссы!

И в это время раздался милый интеллигентный голос Гены из-за бугорка:

- Я готов...

Что-то недоброе было скрыто в этой интонации.

- Давай!

Взрыва не было: с каким-то жутким шелестом из-за этого бугра возник огненно-черный столб, который стал разрастаться в огромный гриб, и пошла невероятно горячая волна. Мы врылись со Збруевым в землю, хотя лежали относительно далеко от взрыва. И в это время раздался дикий-дикий вопль. Мы обернулись и увидели, что Юры на его месте нет. И тут увидели в недалеком кустарнике пробитую просеку, которой раньше не было.

- Знаешь, - говорю Збруеву, - это пробил Юра. - И мы побежали по этой просеке.

Чувствую, пахнет паленой шерстью. Дело плохо. В конце просеки мы увидели стоящего на коленях Юру, на котором не было его знаменитого «свитера». А до этого он сидел с нами по пояс обнаженным, потому что было очень жарко - около 45 жары. А мы со Збруевым снимались в танке, так там вообще нечем было дышать - можно было только свариться. И вот Юра стоит на коленях, а все его тело покрыто желтой корочкой, и он страшно пахнет паленой шерстью. Я подошел к нему и сказал:

- Юра, дело твое плохо, это страшный ожог, и мы должны на тебя пописать.

- Что-о? - закричал он. - Я князь и не позволю!..

- Князь не князь, но, если хочешь жить, Юра, придется смириться.

- Но вы же будете трепаться!

- Никогда!

И вот я сейчас рассказываю об этом в первый раз. Мы с Сашей описали его, а он все продолжал ругаться:

- Я князь!.. Я князь!..

И когда мы отвезли его в больницу, нам сказали, что, если бы мы не проделали эту процедуру, его дела были бы плохи. К этому времени его тело покрылось огромным волдырем. Но мы все-таки смягчили его страдания.

А виноват был во всей этой истории наш замечательный пиротехник Гена. Но после этого он скрылся и не появлялся три дня. А Юра просил:

- Как только он появится, скажите мне - я его убью.

Но он его не убил. Катастрофа миновала, появился Гена, они пожали друг другу руки, и все кончилось мирно.

На этой же картине произошло еще кое-что, но Гена тут не был виноват. Режиссер Яшин сидел на маленьком складном стульчике, а Гена проверял взрывы уже среди орудий батарей. Яшин все кричал:

- Давай больше! Больше! Больше!

А мы со Збруевым спрятались за автобусом. Легли и наблюдали за всеми этими действиями. И вдруг раздался страшный взрыв, и мы увидели, как огромная глыба описывает дугу и летит прямо на Яшина. Мы замерли, услышали такой шмякающий звук, и Яшин подлетел метра на полтора со своего стульчика и дико завопил. Оказалось, что эта глыба упала ему точно на подъем и сломала косточку на ноге. До конца съемок он ходил в гипсе, мы его называли адмирал Нельсон, и он дико злился.

А Гена наверняка вошел в историю «Мосфильма», потому что с ним всегда что-то происходило: ведь

настоящие пиротехники не могут жить без происшествий.

Уложились в норму

Секретарь СП, известный литератор, лауреат всевозможных литературных премий Иван Фотиевич Стаднюк приехал в Астрахань с каким-то официальным визитом. Встретили его, как и полагается, на самом высоком уровне. Заядлый рыбак, Стаднюк за день до окончания визита попросил в обкоме, чтобы кто-нибудь отвез его на рыбалку. Секретарь обкома вызвал к себе такого же страстного рыбака и тоже писателя Юрия Селенского. (Сейчас его имя носит одна из улиц города.)

– Юрий Васильевич, – сказал секретарь, – надо уважить гостя. Отвези его к какой-нибудь бочажине – пусть подергает стерлядок. Да смотри, не увлекайся, знаю я тебя. Гость гостем, а порядок порядком: не больше трех килограмм на душу. Закон один для всех. И не мне, секретарю обкома, его нарушать.

Взял Селенский удочки, спиннинги, и на обкомовском катере они двинулись в путь. Спустились немного вниз по Волге, Юра по одному ему известным приметам определил нужное место, велел глушить мотор и бросать якорь.

С одного борта ловил гость, с другого – абориген. Через минуту гость завопил на всю Волгу:

– Юра, я поймал!

Юра мрачно смотрел на воду: у него даже не клевало. Стаднюк не успевал таскать эту стерлядку. И наконец ему стало неловко за свое везение.

– Юра, – предложил он великодушно, – может, поменяемся бортами?

– Нет, Иван Фотич, – вздохнул Юра. – Если уж не повезет, так и от родной жены насморк подхватишь.

– У тебя что, в самом деле ни разу не клюнуло?

- Ни разу...

Юра на глаз прикинул улов гостя и решил, что пора кончать этот балаган.

- Будя, Иван Фотич, - сказал он. - Не ровен час, рыбнадзор из-за острова на стрежень...

- И то верно, - согласился гость. - Не будем нарушать порядок. Жалко только, что ты ничего не поймал. А мне говорили, что ты даже из дождевой лужи сома можешь выловить.

- И на старуху бывает проруха.

- Ну и как рыбалка? - спросил чуть позже секретарь обкома Юру.

- Уложились в норму. Гость надергал за двоих.

- Ты что ж, - не понял секретарь, - хочешь сказать, что ты вообще ничего не поймал?

- А я на своих удочках все крючки срезал.

Зубная история

Где-то давным-давно я вычитал историю, случившуюся с Джеком Лондоном на одном из тихоокеанских островов. Он решил выступить перед туземцами с рассказами о своих приключениях. Пытаясь как-то расшевелить воображение аборигенов, он с захлебом вспоминал жемчужину величиной с баранью голову, которую видел на островах Фиджи, золотые россыпи на Клондайке, леденящие кровь истории и забавные случаи. И при этом все время по привычке поправлял большим пальцем вставную челюсть, которая, видать, была плохо подогнана. Что уж говорить о зубной технике начала века, если она и в наше время далека от совершенства.

Рассказывают об одном конфузе, случившемся с комсомольским поэтом Александром Безыменским. Тем самым, о котором другой поэт, сатирик, написал известную в свое время эпиграмму:

Волосы дыбом, зубы торчком:
Старый мудак с комсомольским значком.

А зубы «торчком» у него были оттого, что ему сделали такую вставную челюсть. В разговоре он ее постоянно ставил на место легким ударом ладони. И вот, выступая перед делегатами очередного комсомольского съезда, он в сто первый раз стал рассказывать, как слушал Ленина, который призывал «учиться, учиться и учиться». Всем это давно уже обрыдло, но поэт так вошел в раж, что забыл о своей челюсти, и она в какой-то момент выскочила у него изо рта и полетела через трибуну. С легкостью фокусника

он успел ее подхватить и с легким пристуком поставить на место. Это был не гром, а шквал аплодисментов, к тому же долго не смолкающих. Такого успеха не было больше ни у одного оратора.

Не имели успеха у аборигенов и рассказы Джека Лондона. Он не заметил на их лицах никаких чувств, кроме одного – зависти. Все смотрели ему в рот с откровенной завистью. А когда он наконец выдохся и замолчал, к нему бросилась толпа с требованием показать им, что у него во рту за чудо: на острове свирепствовала цинга...

И все-таки, думаю, нет никаких оснований скептически относиться к мастерам зубов и челюстей. В этом меня лишней раз убеждает история, рассказанная нашим замечательным поэтом Николаем Доризо.

Приехал он как-то в Одессу и познакомился там с местным поэтом Мишей Кацем. Миша без ложной скромности поведал столичной знаменитости, что, может быть, в Москве его имя еще не звучит, но уж здесь-то его знает каждая собака. И повел Доризо знакомить с городом. Не успели они дойти до центра, как уже с десятков встречных поклонились Кацу и справились о его здоровье.

Кац сиял!

– Вот видите, Николай Константинович, народ знает и любит своих поэтов.

Но Доризо обратил внимание на то, что никто из Мишиных поклонников не заговаривает с ним о творческих планах, о стихах и вообще о культуре. Некоторые пожаловались на ноющую зубную боль, кто-то посетовал на пломбу, которая вывалилась раньше срока гарантии, кто-то поинтересовался о каком-то «мосте».

Наконец Доризо не выдержал и спросил:

– Михал Михалыч, а что это все ваши поклонники жалуются вам на свои зубы?

- Как же? - удивился Кац. - Я лучший стоматолог Одессы! Если бы не я, половине города пришлось бы жевать только манную кашу! - он весело рассмеялся и серьезно добавил: - А вообще-то все они меня больше знают как поэта.

Любимое кресло Молотова

А вот другая история, о которой мне поведал писатель К. Он просил не называть его имени только потому, что его приятель, очень известный писатель И., недавно ушел в мир иной, и ему не хотелось бы поминать его в связи с этим случаем. Итак...

Несмотря на разницу лет и неравное общественное положение, эти два писателя давно были на «ты» – их сближало родственное отношение к творчеству. Фронтовик И., кавалер чуть ли не дюжины боевых орденов, начиная с ордена Ленина, лауреат почти всех отечественных литературных премий, бессменный секретарь Союза писателей, был человеком скромным и общительным. Орденов никогда не носил. И званиями не кичился. Писал он только о войне и о современной армии.

И вот в канун Нового года К. задумался: какой бы подарок сделать старшему товарищу? И тут вспомнил об одной вещице, которая несколько лет лежала у него в писательских закромах. Это был Атлас генерального штаба германских вооруженных сил, изданный в 1912 году. Форматом почти полметра на полметра. В толстой обложке, обтянутой голубым муаром. Как потом выяснилось, таких экземпляров сохранилось в мире только три. Это то, что известно. У К. был четвертый – неизвестный. С этим Атласом немецкий генштаб работал, готовясь к Первой мировой войне.

Вот К. и решил подарить этот атлас своему другу. Дело было в Переделкине, где эти писатели жили недалеко друг от друга.

Пришел, поздравил с наступающим, и вручил обернутый в плотную бумагу атлас. Тот взял подарок и чуть не уронил: в нем было не менее пяти килограммов.

- Что это?

- Посмотри сам.

И. положил подарок на стол, развернул и открыл обложку. Долго смотрел на титульный лист, даже погладил его ладонью и, вздохнув, закрыл.

- У меня нет таких денег... - сказал он, чуть не плача от досады, что не может приобрести такую вещь.

- Ты что? - возмутился К. - Я тебе продавать пришел? Это тебе подарок к Новому году! Мне-то на хрен нужен этот Атлас? Я же не пишу о войне. А тебе сгодится для работы.

И тогда И., все еще не веря, что это - его, мотнул, не оборачиваясь, головой на шкаф, на котором всегда стояла батарея бутылок.

- Возьми чего хочешь, а я еще посмотрю. - И он стал любовно гладить муаровую обложку, забыв обо всем на свете. Потом опомнился. - А чего ты стоишь? Садись, где тебе удобнее.

К. увидел в углу старое продавленное кресло в черной потрескавшейся коже и, чтобы не мешать товарищу восторгаться приобретением, плюхнулся в него. Услышав жалобный скрип пружин, И. резко вскинулся и вдруг рявкнул:

- Встань! Сейчас же встань!

К. подумал, что, видно, он рисковал проткнуть себе задницу лопнувшей пружинной, и вскочил.

- Ты знаешь, что это за кресло? - спросил его с придыханием И.

К. пожал плечами.

- Сталинских времен? - предположил неуверенно.

- Это любимое кресло Вячеслава Михайловича Молотова! - сказал И. с большим значением. - Когда он приезжает ко мне, то всегда садится в него.

И К. решил пошутить.

- Стало быть, - сказал он, - я могу теперь гордиться, что познакомился с Вячеславом Михайловичем жопами!

- Дурак, - сказал беззлобно И. и снова возвратился к Атласу. - Ладно, теперь садись. Главное, чтобы ты прочувствовал.

Скажи мне, Фадеев...

Раньше я упомянул без имени поэта-сатирика, который сочинил на поэта Безыменского злую эпиграмму:

Волосы дыбом, зубы торчком:
Старый мудак с комсомольским значком.

Старый комсомолец не остался в долгу и незамедлительно ответил в раздраженном тоне:

Сам горбат, стихи горбаты.
Кто виноват? Жиды виноваты!

Да, Сергей Васильевич Смирнов был горбат, но это не помешало ему всеми правдами и неправдами добиться зачисления в действующую армию в первые же дни войны. О том, как он воевал, свидетельствовали боевые награды, которые щедро украшали его далеко не богатырскую грудь.

Ну а уж его стихи «горбатыми» называть было просто грешно: его эпиграммы и четверостишия били всегда без промаха. Ему не нужно было даже называть объект своих стихотворных шаржей, их герои всегда были узнаваемы. Ведь тот же Безыменский сразу узнал себя, хотя и не был назван.

Когда проходил очередной съезд Союза кинематографистов, Смирнов присутствовал на нем в качестве специального корреспондента журнала «Крокодил». И вот однажды после заседания делегаты увидели в фойе, рядом с рестораном, выпуск «Молнии».

На доске висел лишь один листок с эпиграммой сатирика:

В одном питейном зале
Сидели два знакомца.
«Ха-ха, – они сказали, —
Мы своего допьемся»

После этого все стали гадать, кого же имел в виду Сергей Васильевич. Но поскольку таких было много, споры не утихали до завершения съезда.

Не забыл поэт и о себе, любимом.

Наверное, каждый из нас задумывался о своем будущем. Вон старого летчика Росинского очень даже волновало, где его захоронят. Хотя, казалось бы, а не все ли ему равно? Люди поскромнее хотят знать о своем будущем при жизни. Они обращаются к гороскопам, провидцам, колдунам. Как, например, князь Олег:

«Скажи мне, кудесник, любимец богов, что сбудется в жизни со мною?»

А люди еще скромнее выбирают себе прорицателей по чину. Поэт Сергей Смирнов обращался к своему непосредственному начальнику – первому секретарю Союза писателей СССР, который по своей-то уж должности должен был знать всё и вся о своих подопечных. И Сергей Васильевич смиренно спрашивал:

Скажи мне, Фадеев, любимец ЦК,
Что в жизни случится со мною:
Иль шумно меня вознесут в облака,
Иль тихо – смешают с говноу?

Что ответил ему «любимец ЦК», неизвестно. Не будем гадать и мы.

Язык мой - враг мой

В конце 70-х известного поэта («Бьется в тесной печурке огонь») секретаря Союза писателей Алексея Суркова пригласили в Центральный дом работников искусств прочитать лекцию о состоянии современной советской литературы. Тогда все «ответственные работники», как себя называли партийные функционеры, чтобы отличаться от остального безответственного быдла, выступали по бумажкам. Даже именитые писатели, приписанные к райкомам, обкомам и ЦК. Мало ли что язык ляпнет в пылу откровения! И тогда в одно мгновение можно стать и сирым и убогим.

А Алексей Александрович, кроме всего прочего, был кандидатом в члены ЦК и депутатом Верховного Совета. С одной стороны, он чувствовал себя всемогущим, а с другой – помнил, что и не таких по стенке размазывали.

Начал он по бумажке – с выражением, с чувством. «Советская литература, – читал он, – всегда была примером для всех прогрессивных писателей мира; она всегда высоко несла знамя гуманизма; угнетенные и оскорбленные всех частей света припадают к ней, как к живительному источнику...»

Он поднял от бумаги глаза и увидел, что половина зала зевает и с тоской смотрит на часы. Наверное, ему и самому стало стыдно за текст, который ему клеили из передовиц «Правды».

И в какой-то момент осторожность ему изменила. Наверное, он подумал: что это я? Кругом знакомые все лица – писатели, артисты, художники. Могу же я им как товарищам по искусству, черт побери, сказать правду?

И его понесло.

- Все это так, - сказал он и раздраженно добавил: - И совсем не так! Ну назовите мне хотя бы одно произведение в любом жанре, которое в последние годы вам бы запомнилось! Ничего! Пустота! В прозе серость, халтура, конъюнктура. В поэзии выморочная блажь. В драматургии сопливая бесконфликтность. Что там еще?..

И тут Алексей Александрович, к ужасу своему, увидел, как рядом с официальным микрофоном из-за трибуны медленно поднимается другой - маленький, незнакомый. Сурков изменился в лице, обвел зал бессмысленным взглядом и глухо сказал:

- В этом меня пытаются убедить некоторые наши неблагожелатели на Западе, - и снова его голос обрел уверенность. - А я утверждаю: советская литература покоряет одну вершину за другой. Ей нет равных... Все прогрессивное человечество... - и уверенно покатыл по тексту.

Подозрительный маленький микрофон медленно скрылся за трибуной. Девяностолетняя Мариэтта Шагинян, которая уже плохо слышала, убрала свой слуховой аппарат, как только поняла, что ничего нового Алексей Александрович так и не скажет.

Тамбовская травести

Эту актрису знали и любили все тамбовские театралы. Ее сценическое амплуа, травести, позволяло ей играть на сцене местного драматического театра мальчиков, девочек и подростков до тех пор, пока время не наложило на ее облик свой, неподвластный никакому гриму отпечаток. И тогда она, уже без грима, стала играть забавных старушек. Выйдя на пенсию, она решила съездить по своей надобности в Москву. В столице у нее не было ни родственников, ни знакомых, поэтому, сделав свои дела, она вернулась на вокзал. До Нового года оставалось двое суток. То ли у бывшей актрисы уже и не было денег на обратный билет, то ли ею овладела старческая апатия, но она спокойно притулилась в уголке лавки и стала равнодушно смотреть на вокзальную суету. А потом и задремала.

Начальник местного отделения милиции, который регулярно обходил подведомственную ему территорию, сразу заметил одинокую старушку и, когда на следующий день обнаружил ее на прежнем месте, сделал своим подчиненным разнос.

- Чем вы занимаетесь? - грозно спросил он. - До Нового года остались считанные часы, а в зале ожидания творится бардак! У нас здесь не гостиница! У нас вторые сутки сидит старушка, и никто не спросит, куда ей, что с ней? Приведите мне ее, я сам с ней поговорю, если уж у вас на это времени не хватает.

Привели старушку. Капитан побеседовал с ней, выяснил, что она травести, что ей нужно в Тамбов и что на последние деньги она купила пачку печенья, которым и питалась, размачивая его в стакане с газировкой за одну копейку.

- Чтобы с первым же поездом ее здесь не было, - приказал капитан-человеколюб и пошел перекусить, оставив вместо себя заместителя.

Заместитель был исполнительным офицером, и, когда наступил час отправления нужного поезда, он вызвал старшину и приказал ему посадить старушку со всеми почестями.

- А где ее багаж? - спросил старшина. Этого заместитель не знал, но он увидел рядом со старушкой туго набитый портфель.

- Не видишь?

- Вижу, - сказал старшина, взял портфель, подхватил под руку старушку и пошел выполнять приказание.

Он договорился с проводником, усадил старушку у окна за столик и взял под козырек.

- Счастливого пути! С Новым годом, бабуля! - и ушел. Поезд тронулся. Бывшая актриса долго смотрела бессмысленным взглядом в окно и никак не могла сообразить, что же произошло. Потом, на повороте, в ее бок уперся портфель. Она щелкнула замком, открыла его, и глаза ее наполнились слезами.

- Боже мой, - сказала она, - такого не может быть ни в одной стране, чтобы органы поздравляли с Новым годом обычную травести. Может, они подумали, что я из Франции? Да нет, они, наверное, меня узнали, - и стала доставать из портфеля коньяк, шампанское, бисквиты, буженину, шоколад.... - Родные мои, - приглашала она соседей по купе, - угощайтесь, пожалуйста. Мне ведь ничего не надо, кроме пачки печенья.

До Тамбова все было выпито и съедено.

И в тот час, когда травести выходила налегке из вагона, в Москве, в том же самом отделении милиции, появился лейтенант, только что сменившийся с дежурства...

- А где мой портфель? - спросил он у дежурного.

- А он у тебя был? - спросил дежурный.
- Зарезали-и!.. - простонал лейтенант и сел там же, где стоял.

Червонец

Из больничной палаты выписывался интеллигент – мой сосед по койке. И очень уж он страдал от того, что не может достойно отблагодарить профессора, который поставил его на ноги.

– Боже, – нудил он, – как это некрасиво! Ведь что-то я должен ему подарить...

Мне надоело его нытье, и я предложил:

– Ну дайте ему незаметно хотя бы червонец. Он сам купит себе, что ему надо.

А десять рублей в ту пору были хорошие деньги.

– Но это некрасиво, – поморщился интеллигент. – А впрочем...

И когда профессор пришел проститься с ним, он, краснея и смущаясь, отвел его к распахнутому настежь окну и, держа руку в кармане, стал ему что-то сбивчиво говорить.

Чтобы не смущать их, мы, трое оставшихся, как по команде отвернулись от окна. И тут раздался возмущенный голос профессора:

– Как вы посмели?!

Кто-то пробежал по палате и хлопнул дверью. Мы обернулись: профессор один стоял у окна, засунув руки в карманы халата, и тяжело дышал. Потом его седые брови поползли вверх, он вытащил из кармана червонец, тупо на него посмотрел и пробормотал:

– Все-таки сунул, стервец! – и, перегнувшись через подоконник, крикнул: – Чернов! Это свинство! – скомкал червонец, бросил его со второго этажа к подъезду и выскочил из палаты.

Не успели мы обсудить его благородный поступок, как вошла медсестра.

- Что у вас тут произошло? - спросила она ледяным тоном.

- Ничего.

- Как это ничего? Профессор вне себя. Он, как всегда, надел мой халат, а там лежала десятка, которой не оказалось. Я спросила, не мог ли он ее выронить. «Нет, - сказал он, - я ее выбросил в окно». Так что случилось?

Мы натянули на свои головы простыни и тихо заскулили.

Часть третья
И смех и грех

Подслушанный разговор

Сейчас живой русский язык можно услышать только от стариков и старушек.

Однажды я забыл дома ключи от квартиры и в ожидании жены подсел во дворе на лавочку к двум бабкам. Они говорили о наболевшем.

Одна:

- Вот у моей соседки хороший доктор был. От кашля ее лечил. Она все кашляла, кашляла, а потом перестала.

- Вылечилась?

- Нет, померла...

И такое бывает.

Бабушки помолчали, и теперь другая полюбопытствовала:

- А чё твои-то - так и живут не расписанными?

- Так и живут.

- А чё так-то?

- Дак ведь волк и меченых овец ворует.

Говорливые старушки на лавочке продолжали свою беседу.

Одна:

- Ты квартиру-то свою продала с углом аль без угла?

- Что я дура, что ль? Конечно, с углом.

- Это хорошо. Да и сколь нам и маяться-то осталось... А ты справу-то себе приготовила?

- А то! Я ее еще в девках приготовила.

- Дак ведь она поди уж сгнила!

- А мне там не плясать!

Ну что, молодежь, поняла что-нибудь?

А речь всего-навсего шла о том, что одна старушка продала квартиру с условием, что до своей кончины она будет иметь в ней свой уголок - угол. А «справа» - это

платье, в котором кладут в гроб. Раньше о ней думали загодя: кто знает, когда тебя настигнет костлявая.

Вот такие пироги. Как говорят, заплати налоги, а потом баунтись!

Нечего и рыбу пугать...

Однажды, отдыхая у своих родственников в среднерусской деревеньке, я случайно услышал такой разговор.

Старуха отчитывала парня за то, что тот взялся точить косу, да плохо это сделал.

Она ему:

- Плохо наточил.

Он:

- Нет, не плохо.

- Плохо.

- Не плохо.

И так они препирались несколько минут, пока старуха окончательно не разозлилась, плюнула и сказала:

- Не умеешь в воду пердеть, нечего и рыбу пугать!

Бесплодный эрудит

Однажды случилось так, что мне пришлось заночевать в одной деревеньке под Рузой. Уезжая, режиссер попросил председателя колхоза устроить меня в какой-нибудь «чистой» избе, – чтоб, стало быть, без клопов и тараканов.

– Есть такая! – сказал председатель. – Я вас отведу к профессору. Кстати, ему приятно будет поговорить с настоящим москвичом. А то он говорит, что мы, серые, его не понимаем. Он у нас эрудит.

Мне показалось неудобным стеснять какого-то профессора.

– Да какой он профессор! – засмеялся председатель. – Это его наши деревенские так прозвали. А на самом-то деле он бывший секретарь сельсовета.

Через полчаса я уже был в чистенькой небольшой избе с горницей и спальenkой. Хозяин, похожий на киношного деда Щукаря, очень даже обрадовался, когда узнал, что у него будет ночевать настоящий московский артист.

– Вот подарочек-то! Вот как хорошо! А то ведь в этой Амазонии и поговорить-то не с кем.

– Я вас не стесню? Как вы себя чувствуете? – спросил я, потому что хозяин слегка поморщился и почесал поясницу вилкой.

– Я себя чувствую, но плохо, – и он показал мне в улыбке оставшиеся зубы. – В метафоре я представляю собой мешок с болезнями. Я не старый на вид, но трухлявый на здоровье. Был бы я полноценным мужчиной, как было бы хорошо и мне и окружающим. А так я ушел в свои болезни целиком, даже перестал платить страховку.

- Вы один живете?

- Как перст. Кому я нужен? У нас ведь всегда невостребованность в умах. Хотите, изложу вам свое реноме по этому поводу? Так вот, лет десять назад, а может, двадцать, у меня перестал работать сексуальный аппарат, и с тех пор он у меня в летаргическом состоянии. Да что ж это я! - спохватился вдруг хозяин. - Я ведь чай собирался пить. Вот вкупе и попьем.

Он засунул вилку за пояс, быстро накрыл стол, и мы стали чаевничать. А он все говорил, говорил и говорил, не переставая:

- Я думал, что страдаю половой слабостью по месту жительства. Ан нет! На периферии у меня тоже ни с кем не получалось анатомической близости. А до того мне врачи дали диагноз, что я не могу иметь детей. Мой знакомый кожевенный врач сказал, что это потому, что я носил безразмерные трусы. Жене мое бесплодие не понравилось, потому как ей уже начали сниться дети. Я хотел достать искусственные зародыши хорошего качества и проросшие. Да разве найдешь их в наших аптеках! И со стороны жены на меня начались разные гонения. Она стала оскорблять меня алкогольными прилагательными полового значения. А ведь раньше и слов-то нецензурных не знала. Это, говорила, оттого, что ее мучают адские боли в области человека и личности. А я думаю, что это от отсутствия у нее правильного полового воспитания. Я посоветовал ей ставить прививки от полового сношения или обратиться к врачу по головному мозгу. Тогда она брякнулась, и ее стало бить. А когда пробило, она встала и заявила, что если я не перестану чесаться и храпеть, то она уйдет из родного очага. Ей нужно было найти причину, а следствие она уже придумала. У меня действительно привычка чесаться, причем не рукой, а вилкой. Но я ж никому не мешаю! А чтоб не храпеть, я обращался к

врачу нос-глаза, пробовал спать в противогазе – ничего не помогло. И она ушла. Этот ее поступок осветил красной нитью весь лейтмотив ее жизни. Хочу вот найти какую-нибудь старушку, попутчицу по жизни, но никто не реагирует на мой зов, который я периодически испускаю во все концы. Долготерпение отчаяния – вот оригинальный портрет мой жизни! Хорошо еще, что я не дал нервному потрясению полную свободу действий. А бывшая моя похудела, осунулась и вся ушла в плечи. Совсем потеряла свои очертания. А ведь когда-то Лаперузой ходила и была не только носителем красоты и кокетства. Правда, я ей мою любовь никогда наружно не показывал... Да разве мало было в жизни элементов сожаления! И не надо теперь доказывать ху есть ху. Поздно! Конечно, дети – это клеветы в оранжерее нашего общества, которое должно их любить и ухаживать. Но что поделаешь, если мы всегда испытываем неуверенность в отсутствии ясности! Это беда всего русского характера...

Я почувствовал, что медленно сдвигаюсь по фазе. Перед глазами поплыли проросшие зародыши с головами деда Щукаря, старушки, потерявшие свои очертания, кожевенные врачи с гвоздодерами в руках, и я чуть не упал с табуретки. «Еще слово, – подумал, – и я его стукну чем-то тяжелым», но хозяин вдруг замолчал. Наверное, я сменился в лице, потому что он нагнул ко мне и шепотом спросил:

– Как вы себя чувствуете?

– Я себя чувствую, но плохо, – сказал я, подхватил свою сумку и бросился вон.

Ночевал я в прошлогоднем стогу. Профессора больше не видел.

Кавказское гостеприимство

Запомнились съемки киноленты «Не бойся, я с тобой». В этом фильме осуществилась мечта детства – поучаствовать в приключениях, погонях, скачках. Я играл самого главного каратиста. Снимался фильм в горах Кавказа. Однажды местный житель обидел маленького мальчика, настоящего каратиста, который снимался в фильме, крикнул ему: «Жиденок, зачем приехал?» Съёмочная группа собралась и пришла в селение. Режиссер сказал: «Кто-то из вас обидел мальчика, пусть он выйдет». Вышел огромный мужик, сразу было видно, бывший борец. Режиссер попросил его извиниться перед мальчиком. Мужик сказал: «Да пошли вы...» Тогда режиссер произнес: «Кия!». Мальчик подпрыгнул и вмазал мужику в печень. Тот упал и потерял сознание. Режиссер сказал: «Представляете, это сделал мальчик, а что сделают с вами эти...» и показал на нас, актеров. С тех пор каждый вечер местные жители приглашали нас к себе во дворы на ужин. Очень нас уважали, а мы все съемки пиروвали.

Наш народный герой Штирлиц

Я очень рад, что снялся в фильме «Семнадцать мгновений весны». Это была первая попытка сказать, что мы воевали не с идиотами, а с очень неглупыми людьми. С отлично отлаженной машиной, частью которой и был мой провокатор Клаус. А с другой стороны, этот фильм есть иллюзорное представление о разведке. Вячеслав Тихонов играл «идеального шпиона» – а на самом деле занятие это довольно циничное и включает в себя много всякого разного.

Однажды у нас даже вышел с ним спор на съемочной площадке. Я сказал: «Слава! Ты понимаешь, что в этой сцене мы с тобой играем в разные игры? По твоему лицу сразу видно, что через какое-то время ты меня угрохашь». Он ответил: «Я играю советского разведчика». Вопрос был закрыт.

Как-то мы с Тихоновым снимались вместе, кажется, в Сухуми. Сидели в гостиничном номере, ждали машину на съемку. И вдруг распахнулась дверь, вбежала взволнованная женщина, стала обнимать Тихонова и кричать: «Внукам расскажу, что обнимала Штирлица!» И еще почему-то: «Вы мой сын!» Тут я понял, что Штирлиц стал нашим народным героем.

Мечтать не вредно

Однажды Юлиан Семёнов пригласил меня с Леонидом Каневским к себе. И мы поехали. Это было некое бунгало – то ли квартира, то ли офис: Юлиан был тогда корреспондентом «Литературной газеты». Я Юлиана сразу же назвал Фальстафом – он весь был живой, буйный, бурно проживающий каждую минуту, выпивающий – и все это делающий шумно, громко. Тут же началось какое-то жарение сосисок в камине, появились вино, виски, водка.

А все стены этого бунгало были увешаны картинами. Оказалось, что это рисунки его дочери. И тут он до того разошелся, что стал расхваливать эти картины до такой степени, что нам стало неловко. Он объявил на полном серьезе, что все импрессионисты ни больше ни меньше как последователи его дочери. Но мы уже не обращали на это никакого внимания. А он уже до того вошел в раж, что чуть не упал в камин. А Ленька Каневский решил, что Юлиан много зарабатывает, и попытался «расколоть» его.

– Ой! – вдруг воскликнул он. – Я давно мечтал купить плащ. И тут увидел в витрине одного магазина как раз тот плащ, о котором все время мечтал! К сожалению, у меня всего семьдесят марок, а он стоит значительно дороже...

– Леня! – кричал Юлиан. – Добавь еще семьдесят марок и купи себе этот плащ!

На этом коммерческий разговор и закончился. Но мы все равно замечательно провели время.

Танки вперед!

Однажды мы ехали с Юлианом Семеновым по одной из крымских дорог и увидели съемочную группу – шла съемка какого-то фильма. Юлиан затормозил, высунулся из дверцы и стал орать:

– Войска! – хотя там никаких войск не было. – Танки вперед! Ура-а!!! Кавалерия! И потом все в корзину!

Захлопнул дверцу и мы поехали дальше. Я обернулся и увидел ошалевшую киногруппу. Впереди, раскинув в недоумении руки, стоял Андрей Миронов. Он не увидел, кто это так орал и, слава Богу, не узнал меня.

Вот такой был Юлиан: ему нужно было всех ошеломить и уехать.

Наука для трюка

Замечательный случай был с Мишкой Боярским. На съемках фильма «Д`Артаньян и три мушкетера» ему нужно было прыгать с балюстрады, и, конечно, трюк должны были исполнять каскадеры. Они внизу связывали маты, а Мишка появляется наверху и кричит: «Разойдитесь, я прыгаю!» Каскадер снизу ему: «Если сам хочешь делать трюк, ради Бога, я не против, только надо делать по науке». А Мишка, его недослушав, прыгает. Падает на спину, как полагается, вскакивает. Каскадер говорит: «Да ты все неправильно сделал, не сгруппировался...» и так далее. Забирается на балюстраду и кричит, мол, смотри, как я это сделаю. Прыгнул и исчез. Он попал в щель между матами, сломал себе руку и до конца картины ходил загипсованный. Встречая Боярского, он хватался за руку и говорил только одно: «Уйди от меня!»

По прозвищу «Плотный»

В Одессе во время съемок все тех же «Трех мушкетеров» я получил необычное звание «Плотный». Оператор решил снимать параллельно короткометражную картину. Собралось много народу поглазеть. И вот две крупные дамы, чтобы все лучше рассмотреть, устроились за его спиной, и когда им что-то не было видно, они ложились на оператора. Он их пытался отогнать: «Дамы, жарко, отступите, мне же неудобно». Так продолжалось несколько раз. Затем одна говорит другой: «Оказывается, Дуров такой маленький!» А другая ей в ответ: «Зато – плотный!» Вот такое звание я получил в Одессе.

Такая примета

Это было время, когда горожане вдруг прониклись любовью к природе и личному овощу и стали организовывать садово-огородные товарищества, объединения и строить на них домики. Не такие, конечно, какие строят нынче «новые русские», напоминающие средневековые крепости. А так, кто из чего мог: из некондиционных досок, дощечек от ящичков, которые тогда валялись у магазинов, рубероида, даже из самана.

Мой старый дружбан по двору Толян построил свою «фазенду», как он ее называл, из обрезков досок. И чтобы она долго стояла, под первую доску (под фундамент!) заложил бутылку водки. «Примета такая», – сказали ему. На новоселье Толян пригласил всех, кто добывал ему доски и шифер, кто помогал по выходным возводить это чудо архитектуры, и просто друзей. Гости были в восторге: это ж надо – своими руками, из ничего! Не хоромы, конечно, но и не собачья конура. Вспомнили старую русскую мудрость: человек в своей жизни должен родить ребенка, поставить дом и посадить дерево. И не было человека счастливее Толяна: у него уже росли два мальчугана, он посадил несколько яблонь на участке и вот теперь – дом! Исполнено последнее жизненное предназначение! Толяну завидовали, всего обслюнявили и смочили пьяными слезами радости. Он и сам крепился из последних сил, чтобы не разрыдаться в голос. Терпел.

И вот уже за полночь (гости решили заночевать на лоне природы) вдруг прошел страшный слух: водка кончилась! Не рассчитали! Перетрясли все заначки, багажники в машинах – пусто! Это было равносильно тому, как если бы ты намылился под горячим душем,

разомлел – и тут выключили воду. Тогда магазины ночью не работали. Знать бы, кто варит в округе самогон, но Толян с местным народом еще не сдружился. Он чуть было не упал духом, как вспомнил: господи, да ведь он сам заложил в фундамент бутылку, чтоб дом дольше стоял!

– Мужики! Есть! – крикнул он, подхватил у порога топор и выскочил за дверь.

Мужики бросились за ним, но и жены поняли, что здесь что-то светит, и выскочили за порог. «Фазенда» опустела. Вооружились все – кто ломом, кто гвоздодером, кто саперной лопаткой. Всем, что попало под руку. Толян уже забыл, где искать, и жилище взяли в кольцо. Вокруг все скрежетало и скрипело. И наконец раздался долгожданный крик:

– Наше-ел!

И в этот момент «фазенда», как в замедленной съемке, стала медленно опускаться, потом с треском рухнула и покрыла всех мягкой теплой пылью.

Жертв не было. Гости, как и договорились заранее, ночевали на лоне природы. Впрочем, как и хозяева.

В этой истории винить некого, кроме самих хозяев: сами построили, сами разрушили. Руки есть – опять построят.

Сюрприз на новоселье

А как быть с теми «подарками», которые делают новоселам так называемые профессиональные строители? Расскажу лишь о нескольких случаях.

* * *

Один из моих приятелей, которого звали Ерик Маленький (потому что был еще Ерик Большой), получил однокомнатную квартиру в новом доме и пригласил друзей на новоселье. Мы к нему пришли, и тут выяснилось, что балконы после окончания строительства оказались в аварийном состоянии, поэтому их просто отрезали автогеном, а балконные двери завинтили огромными шурупами, предупредив жильцов, что балконов нет, а двери являются продолжением стены и трогать их нельзя.

А надо сказать, что стояла жуткая жара – июль в разгаре. Мы все были молодые, горячие – что нам! Мы развинтили эту дверь и открыли – все же знали, что балкона нет и выходить нельзя.

И в самый разгар торжеств раздался звонок в квартиру. Хозяин пошел открывать, и мы услышали радостные возгласы:

– Щегула! Щегула пришел!

Это был переводчик с семи языков. Очень высокий красивый парень в роскошном по тем временам блестящем капроновом костюме.

– Что же вы, сволочи, не предупредили? Зажилить праздник хотели?

Все с ним пообнимались, перецеловались, он поздравил хозяина с новосельем и буквально через

несколько секунд подошел к открытой настежь балконной двери.

- Ну-ну! И какой же вид мы здесь имеем?

И никто не успел рта открыть, как гость сделал с балкона шаг и внизу раздался неприятный шмякающий звук. Все замерли. Хозяин сразу сказал:

- Нет, я вниз не пойду...

И каждый счел своим долгом тоже сказать:

- И я не пойду... И я....

Я понял, что миссия с упавшим телом предназначена для меня. Подошел обреченно к двери, и в это время раздался звонок. Я открыл дверь - передо мной стоял Щегула, морщась и потирая коленку.

- Ну, вы что, сволочи!.. Не могли предупредить? У меня ведь новый костюм - японский! Вот смотри: пробил штанину и ушиб локоть.

Все это происходило на третьем этаже. И когда мы посмотрели, откуда и куда Щегула упал, нашему удивлению не было конца: он упал на груды битого кирпича со строительным мусором. И хоть бы хны! Только ушиб локоть и пробил штанину. Мы тут же забыли о новоселье и стали пить за здоровье нашего героя - Щегулы.

Вот вам и новоселье...

Сюрприз на новоселье-2

Еще одна история, связанная с новостройкой, о которой в свое время знала вся Москва.

Другой мой приятель тоже получил новую квартиру. Пригласил гостей на новоселье, и один гость оперся о стену. А стена стала падать на улицу. Гость успел вовремя отскочить, а мы увидели, что в стене нет целого блока. При строительстве, когда устанавливали эти бетонные плиты, блок только прихватили сваркой, но забыли потом как следует приварить. Если кто не верит в эту историю, может убедиться в ее правдивости сам. Это в Марьиной Роще. Там стоит дом, у которого на торцевой стене видны остатки восьми (!) балконов. Когда-то там действительно были нормальные балконы – на глухой торцевой стене!!!

Фотографии этого чудо-строительства были опубликованы не только в «Крокодиле», но и на страницах ведомственных журналов под рубрикой «Что бы это значило?» Иностранцы не верили фотографиям и приезжали своими глазами посмотреть на такое чудо. В самом деле, убеждались они, – на глухой торцевой стене восемь балконов. Естественно, без выхода на них. А откуда выходить-то?

И тогда иностранцы окончательно уверовали в существование странной и загадочной русской души.

Ну что за люди?

Замечательные истории связаны с Шукшиным. Его однажды чуть не застрелил конвоир. А фильм, по моему, назывался «Остров счастливый».

Посреди острова, на котором мы снимались, был маленький лагерь. Там держат преступников в кандалах и полосатых костюмах с оранжевыми кругами. Если побег, то легче целиться. Там мальчик снимался в картине. Отец у него был как раз в этой зоне, а мать – алкашиха. И чтобы как-то поддержать мальчика, Макарыч взялся его снимать. Мальчику платили какую-то денежку, мы ему шмотки все купили.

Однажды мы были на берегу, подошел катер с «полосатыми», цепями гремят. Вдруг мальчик закричал: «Папа! Папа!» – и побежал. Папа тронулся навстречу, а конвоир: «Назад! Стрелять буду!» Выскакивает Макарыч: «Ты что, с ума сошел! Ребенок с отцом встретился. Тебе что, жалко? Пускай они обнимутся». А конвоир кричит: «Назад! Стрелять буду!» – и передернул затвор. И я тогда понял, что он действительно выстрелит. Я на Макарыча прыгнул, еще кто-то, мы его завалили. Мат жуткий. Мальчик рыдает. Макарыч лежит в чудовищном состоянии, зубами скрипит: «Ну что же за люди? Ну что же за падлы такие? Не дать ребенку с отцом повидаться?»

Как Шукшин министра обложил

Помню такой эпизод: едем мы с Шукшиным в «рафике» со студии Горького. Он молчит тяжело, смотрит в пол. И как-то все притихли... А он бросил шапку об пол и зашипел: «Вот пусть он только на меня крикнет – я ему крикну». А потом, оказалось, такая штука: он ехал к министру кинематографии разговаривать по поводу «Степана Разина». А у чиновника всегда сидит свидетель – чтобы подтвердить слова в случае чего. Так что финал этого разговора через полчаса был известен всей Москве. Вот они поговорили, и министр сказал: «В конце концов я начальник, мне и решать». Шукшин тогда спросил: «Скажи, пожалуйста, во сколько у тебя заканчивается рабочий день?» Тот ответил – в 17 часов. «Так вот, – продолжил Шукшин, – посмотри на часы – 17 часов одна минута». После этого Макарыч говорил с чиновником, так сказать, на исконном русском. Тяжело ему было терпеть эту глупую цензуру.

Отзывчивые железнодорожники

Работа в «Калине красной» для меня – не просто эпизод. Макарыч однажды попросил меня отвезти в Москву отснятый материал. Сказал, что в Министерстве кинематографии транспорт дадут. Оказалось – все вранье. И я стоял с километрами ценнейшей пленки и не знал, что делать. На поезд не было ни одного билета. Я подошел к кассе и говорю: «Мы здесь снимаем картину «Калина красная», режиссер Василий Шукшин». Услышав эту фамилию, договорить мне не дали, закричали: «Шукшин! Давайте-давайте!». Тут же сбежались люди, моментально погрузили все на тележки, отвезли к вагонам...

Оказалось, железнодорожники гораздо душевнее относились к Макарычу, чем те, кто отвечал за кино.

Не банный день

Уж совсем криминальный случай произошел на моей даче. Поясню: у меня на даче есть баня. Дача у меня скромная, не такая, как вы думаете. Но баня все-таки есть. И вот как-то к нам в гости приехал внук композитора Соловьева-Седого Васька. Само собой, пошли в баньку попариться.

Дело было зимой, так что после парилки по старинной русской традиции решили охладиться в снегу. Васька – впереди: бежит, хохочет и с торжествующими криками прыгает в сугроб. Мы не успели ничего ему даже крикнуть, только – «А-а-а-а!» – рот разинули. Потому что это был не сугроб, а груда кирпичей, припорошенная снежком. Всю ночь не спали, мазали его зеленкой и йодом.

С тех пор я относился к бане настороженно – а вдруг чего случится.

Банька «по-черному»

Помню, однажды парился я с Василием Макаровичем Шукшиным и Анатолием Заболоцким, его постоянным оператором, который снимал почти все шукшинские картины. Оба – знатные любители баньки «по-черному», о чем я тогда еще не знал. И вот сидим мы на полке, Шукшин кричит: «Поддать пару!»

Как сейчас помню, я – в центре, Василий Макарыч – справа, Толя – слева. Заболоцкий плеснул воды – и в тот момент мне и открылось, что же такое «по-черному». Короче, обварило меня всего, уши стали как у слона, губы вывернулись. Жуть! Ах! Смотрю по сторонам: Шукшин и Заболоцкий продолжают сидеть как ни в чем не бывало. Им хоть бы хны!

В другой раз досталось даже бывалому Заболоцкому. Парились мы с ним как-то – опять же «по-черному» – в баньке в Белоруссии. Поддали пару, и вдруг он как заорет: «Я ослеп, я ослеп!». Выскакиваем на улицу, рядом – маленькое озерцо. Вот там мы его до-о-олго отмачивали. А у меня – второй испуг.

Трубы подождут

Когда-то давно я снимался под Ереваном в картине «Ксения – любимая жена Федора». Там шло строительство атомной электростанции.

И вот однажды мы решили сделать шашлык. Купили мясо и расположились недалеко от дороги.

Только мы начали готовить, показался грузовик с огромными трубами и вдруг притормозил возле нас. Из него вылез человек, который сразу сказал:

«Вы все неправильно делаете. Разрешите мне приготовить вам шашлык».

Он достал какую-то бутылку с жидкостью, кастрюльку и быстро-быстро стал колдовать. В это время рядом остановился «газик», из которого выскочил человек в плаще и стал кричать на нашего повара, активно жестикулируя, хлопая себя по бедрам, хватаясь за голову. Первый мужчина ему что-то спокойно отвечал. Они говорили по-армянски, поэтому мы ничего не понимали. Второй нервничал все больше, но, в конце концов, замолчал, сел в машину и уехал. Водитель грузовика доделал все и сказал нам, чтобы мы вращали мясо, будет очень вкусно, а сам он, увы, должен ехать. Действительно, оказалось бесподобно. Чуть позже мы встретили и того и другого. И стали расспрашивать, что же они говорили друг другу. Человек в плаще оказался инженером, на стройке ждали трубы, а они куда-то запропастились. Конечно, увидев водителя, делающего шашлык, инженер стал возмущаться. А наш кормилец ответил ему спокойно, что люди не умеют жарить шашлык и испортят мясо. Поэтому он сейчас сделает им все, а потом отвезет трубы.

Трубы подождут, а люди – нет. И инженер, который поначалу очень нервничал, этот аргумент счел важной

причиной задержки.

Навозный барельеф

А теперь о моих встречах с необычными животными. Вот помню случай, который произошел со мной, когда я еще учился в Школе-студии. Мы всем курсом выехали как-то в Подмосковье к кому-то на дачу. Развеемся. И вот во время пирушки я увидел мирную буренку и решил изобразить перед ней тореадора.

Это уж потом, лет через тридцать, я прочитал, что корова опаснее быка, потому что она во время атаки глаза не закрывает, а быка тореро практически водят за нос.

Так вот, паясничал я перед этой буренкой, паясничал, ей, видно, это осточертело и она прыгнула на меня. И я в тяжеленном дядюшкином пальто рванул стометровку, как Джонсон. Сзади что-то ударило по голове, я упал лицом в траву и решил, что меня забодали. Встал на колени и понял, что вдобавок ослеп. Пощупал лицо рукой – что-то не то. И снял с лица... засохшую коровью лепешку, в которой четко отпечатался мой барельеф, как посмертная гипсовая маска Петра Первого.

Однокурсники торжественно повесили «навозный барельеф» на гвоздик, открыв «буренкинско-дуровский мемориал».

А буренка, сказали мне, вовсе и не пыталась за мной бежать. Просто она не привыкла видеть фиглярство, и прыгнула, чтобы пугнуть меня. А на «финише» я наступил на грабли, и удар пришелся точно по затылку.

Кто-то из студийцев запечатлел этот исторический момент. Это был прекрасный кадр!

Кстати, когда я смотрю на эту фотографию, то всегда вспоминаю анекдот.

«Новый русский» гуляет с сыном по парку и останавливается возле художника, рисующего пейзаж. Встав за спиной мастера, «новый русский» назидательно говорит наследнику:

- Видишь, как мужик без «полароида» мучается...

Но это к слову. Я ведь хотел рассказать о странных животных...

Лающая корова

Однажды приехали мы со съемочной группой в деревню Гущи на озере Селигер. Там должны были снимать эпизоды одного фильма. Все идет хорошо. Работаем. И вот как-то ребята мне говорят:

- Лева, ты вон в ту избу пойди. Там живет замечательная тетя Сима, она молоко парное дает с черным хлебом. Вкусно!

Я и пошел. Открываю калитку, вхожу во двор... Вдруг из-за угла выскакивает корова, по-собачьи бросается в мою сторону и... лает! Лает на меня, как пес цепной, и все движения у нее собачьи. Бог мой!

Я вылетел на улицу, упал в пыль. Вслед за мной выскакивает эта самая тетя Сима и орет, сначала мне:

- А, артист! Испугался! То-то же! - Потом корове: - Пойдем, Милка, домой!

И Милка, как собака, мирно пошла за ней.

Что же оказалось? Тетя Сима - сама алкашиха и корову свою споила: каждый день подливала ей в поило самогон. Хмельная корова общалась только с одним живым существом - с хозяйской собакой. С пьяных глаз и стала ей подражать. А потом у коровы высохло вымя, она вконец утратила «национальное самосознание», научилась лаять и бросаться на чужих.

Фу, Мухтар!!

В 1964 году, во время съемок фильма «Ко мне, Мухтар!» меня чуть не разорвала собака. Я играл бандита и должен был убегать от Мухтара по длинному коридору, а потом залезть на стену. На меня надели две пары штанов, на руку – кожаную крагу, чтобы я мог отбиться. «Мотор!» – я бегу, добежал до стены, и тут Мухтар со всей силы бьет меня между ног. Я разжимаю руки, падаю и вижу пасть пса у своего горла. Выставляю вперед крагу, но умный Мухтар кусать ее не стал, а впился в левую, незащищенную, руку. Когда подбежал дрессировщик, на мне были только трусы и крага – остальное лежало вокруг, разорванное в клочья. От этого случая у меня даже остался на теле шрам.

Потом выяснили, отчего пес озверел. В действительности эту собаку звали не Мухтар, а Байкал. В картине снимались три овчарки: одна использовалась для экстерьера, красоты, а две другие – служебные, чтобы след брать, нарушителей ловить. Одного из них я как раз и изображал... На беду Байкал оказался очень суровой собакой, настоящим людоедом. Однажды вместе с милиционером-инструктором он преследовал трех убийц, которые уходили к лесу. Проводник погнался за двумя преступниками, а Байкала пустил за третьим. Когда прибежал к месту схватки, то увидел, что на земле лежит растерзанный человек: правая рука с пистолетом перекушена, разорвано горло, разворочена грудная клетка. Байкал даже хозяина не узнал, чуть было не кинулся. Зверь попробовал живую кровь... Конечно, мне никто не рассказывал о таких «подвигах» Байкала, и я попал ему под горячую лапу. Юрий Владимирович Никулин попытался сунуться мне на выручку, но пес и на него бросился.

К тому же, оказывается, Алексей Пархоменко, игравший главного бандита, в перерыве между съемками съел Байкалов суп из куриных шеек... И пес выместил всю свою злобу на мне.

Джигит

На «Трех мушкетерах» мне надо было сделать безобидный проскок. Помните, у палатки короля? Мне каскадеры говорят: грунт мокрый, надо походить на лошади, чтоб привыкнуть. Короче, пустил я ее в галоп. Рита Терехова сидит на стульчике, улыбается. Неожиданно лошадь спотыкается, мы с ней делаем сальто в воздухе и грохаемся о землю. Ритка закричала, забилась лицом в ворох платьев. Ну, шутка ли: на ее глазах Дуров себе шею сломал! Но мы с лошадью поднялись с земли совершенно целые. В Израиле на съемках «Мастера и Маргариты» я понял, что мое «лошадиное» правило распространяется и на верблюдов. Рабочее животное, совершенно нормальное и спокойное, стояло тихо и смиренно, все на нем фотографировались. Но стоило мне на него залезть, как он вдруг шагнул в пропасть! При этом орет так, будто его режут. Я соскочил на землю и невероятным усилием вытащил его на твердую поверхность. Кстати, хозяин верблюда убежал, испугался, наверное, что я погиб в пропасти. Мы с этим верблюдом потом долго дружили...

Околдованный мустанг

А случай, происшедший со мной в Латинской Америке, наверное, все же связан с чертовщиной, с ведьмачеством. И животное здесь действовало под чьими-то колдовскими чарами.

Сам я к «потусторонним явлениям» отношусь скептически. Но однажды мой скепсис был подвергнут серьезному испытанию.

Это было в Мексике. Мы снимали фильм. И как-то утром режиссер собрал всю русскую группу и говорит:

– Сейчас мы едем в город Катемака. Только что там закончился слет черных ведьм. Я умоляю отнестись к моим словам серьезно: если кто-то из вас вдруг заметит на себе пристальный женский взгляд – отворачивайтесь и бегите!

Провели мы в этой Катемаке нормальный рабочий день. А после съемок я решил сфотографироваться на память. Там в массовке снимался один местный парень на настоящей ковбойской лошади. Я попросил у него – для экзотики – сомбреро и пончо, нарядился и взгромоздился в седло. Лошадник я старый, ездить верхом умею, лошадей знаю и чувствую хорошо. Эта лошадка была смиренная, рабочая, у меня – ни шпор, ни хлыста. Приосанился я и говорю кому-то из наших актеров:

– Фотографируй!

И вдруг моя савраска мексиканская начинает пятиться, пятиться... и втискивается вместе со мной в невероятно узкую щель между какой-то бетонной стеной и толстенной пальмой! Резким движением поворачивает ко мне морду и со всего маху ударяется головой о пальму! Делает стойку и заваливается назад.

Понимаю: все, конец – сейчас на меня рухнет махина в полтонны весом... И мы падаем! Рядом!

На следующий день приходит ко мне в номер наш оператор Толя Мукосей и спрашивает:

– Слушай, когда вчера в Катемаке снимали, говорят, лошадь на тебя завалилась. И где ты лежал?

– Между бетонной стеной, – говорю, – и пальмой.

– Точно?

– Ну, а как же! Я от пальмы отжимался что было сил и головой упирался в стену. А чем ты озабочен?

– Ты, – говорит, – там не мог лежать. Мне показали это место – там даже лошадь одна не помещается.

В ближайший выходной поехали мы с ним в Катемаку. Взяли операторскую рулетку. Замерили. Точно! Пространство настолько узкое, что там и жеребенок не уместился бы – ширина седла, не больше. Ни бетонную стену, ни пальму отодвинуть, сами понимаете, невозможно... Но я там лежал! Рядом с лошадью!

Режиссер объяснил невероятное происшествие так:

– В массовке явно была ведьмачка, это ее работа. Вы же громче всех подшучивали над моими предупреждениями. Вот она вас и напугала.

С другим артистом из нашей группы неприятность приключилась похлеще моей. У него, когда мы вернулись из Мексики в Москву, дикие боли в сердце начались. Просто умирал! Врачи ничего понять не могли, никакой болезни не находили. Продолжалось это около года. А потом ему один художник посоветовал, специалист по магии и чертовщине всякой: мол, в момент приступа постарайся как можно более ясно представить крест. Большой, деревянный. И пусть этот крест в твоём воображении вспыхнет.

Больной так и сделал. И все прошло. В одну секунду, после года бесполезного лечения и мучений.

Но я так до сих пор и не понял: то ли действительно мексиканские ведьмачки такие зловредные, то ли эта ковбойская савраска оказалась со странностями. Все-таки, что ни говорите, а иностранные животные здорово отличаются от наших и характером, и поведением.

Га-га-га

Однажды мы поехали дикарями на юг. Нас была целая группа. И в скором времени денег у нас, конечно, не осталось, а кушать очень хотелось. И мы пошли на крайние меры. Увидев пасущихся гусей, бросили жребий, и один из наших «счастливчиков» пошел ловить птицу. Он догнал гуся и стал откручивать ему голову, крутил-крутил, отпустил, а голова по спирали раскрутилась, и гусь сделал так: «Гаа-га...» Наш друг проделал эту операцию еще раз, но вторая попытка тоже оказалась безуспешной. Все закончилось тем, что мы в страхе убежали с того места, а невредимый, но взбешенный гусь погнался за нами...

Котозаяц

Когда я играл Анастаса Микояна в фильме «Серые волки», мы поехали сниматься в Завидово – это правительственный заповедник. Там начинается сцена охоты на волков. Никто, конечно, никаких волков не убивает. Их сшибают снотворным, обливают красной краской, и они спокойно лежат. Спят.

Стою я как-то и чего-то жду. А рядом топчется какой-то человек в телогрейке. А за отворотами телогрейки вижу на нем синий мундир. А солдатская ушанка сидит на нем как генеральская папаха. Весь подтянутый, красивый, и у него такое замечательное лицо: загорелое, здоровое. И его южный загар резко контрастирует с белым-белым снегом. И вот этот красавец долго топтался вокруг меня, пока я не выдержал и не спросил:

– Вы что-то хотите мне сказать?

А он и спрашивает:

– Константиныч, ты знаешь, кто я такой?

– Нет, – говорю, – не знаю.

– Я егерь Политбюро.

– Прости, – говорю, – но Политбюро уже сто лет как нет.

– А вот про меня забыли.

Вытаскивает трудовую книжку и показывает. Читаю и действительно: «Главный егерь Завидовского заповедника».

– Вот, – говорит, – вы про Хрущева тут снимаете, а ты знаешь, что Хрущев мне чуть всю жизнь не искалечил? Сейчас поймете, о чем идет речь.

И пока он рассказывал мне свою историю, я и плакал и губы себе перекусал. Перескажу эту историю так, как я ее запомнил.

«Помните, – начал он свой рассказ, – когда Вальтер Ульбрихт был у нас в России самым дорогим гостем? Никита всегда встречал его как родного. Уж и не знаю, чего он так полюбил его. Бог с ним. И вдруг звонок: Хрущев с этим Ульбрихтом приезжают на заячью охоту. А зайцев у нас в заповеднике нет! Что делать?»

Ну, мы привыкли ко всему. Приезжают члены Политбюро, им солдаты вытаскивают оленей, кабанов, кому что нужно. Они их стреляли и хвастались потом своими охотничьими трофеями.

Делать нечего, поехал я в соседнее хозяйство поменять на бутылки зайцев и привез их в клетке. А зайцы, паразиты, оказались очень хитрыми и умными. Они ночью умудрились открыть эту клетку и удрали.

Утром мне говорят:

– Слушай, главный, нет зайцев – все ушли.

– Братцы, – говорю, – что же будем делать?»

А в это время слышу: «Вау! Вау!» – сирены орут. И едут с мигалками «членовозы». Я выбегаю навстречу и уже понимаю, что мне сейчас будут кранты, зная крутой характер Никиты. Вот машины останавливаются и вылезает из своей Никита. Я поприветствовал его и говорю:

– Никита Сергеевич, знаете, сейчас не сезон, и зайцев в заповеднике нет.

Тут он побагровел и стал топтать ногой. Кричит:

– Как нет?! На Руси нет зайцев? Да я тебя сгною! У тебя дети попросят хлеба, а знаешь, что ты им дашь? Вот что ты им дашь!

И показывает определенный жест, что я им дам.

Короче, орал он, орал, орал, а потом и говорит Ульбрихту:

– Пошли!

И они зашли в охотничий домик.

Я стою и думаю: «Действительно, он меня, конечно, выгонит, а что я детям дам?..» И тут мне в голову

приходит потрясающая идея.

Я вспомнил, что у нас в баньке висят заячьи шкурки. Какого черта они там висели – понятия не имею. Но я подумал: поймаем на помойке кота, зашьем его в шкурку и выпустим под стволы. Все равно руководители сейчас напьются и ни хрена не поймут. Так наш номер и пройдет.

Послал я ребят на помойку, они поймали одного голодного кота сеткой и зашили в эту заячью шкурку. Но, как известно, коты очень своенравные животные, самолюбивые и страшно обижаются, когда над ними измываются».

История кота Марта

Здесь я перебую егеря и в подтверждение слов рассказчика расскажу историю своего кота Марта. Это был замечательный кот. Его кто-то выбросил из форточки в марте (отсюда и его имя), мы его подобрали и выкормили из пипетки. Это был преданный дому кот.

А тут как раз был юбилей Юрия Никулина, и мы с котом пошли его поздравлять. Март должен был читать приветственный адрес юбиляру. Я был уверен, что кот прочтет. Мы вышли с ним на сцену, и как я ни пытался заставить его читать, он отказывался. Я его стыдил:

- Как же так! Мы с тобой репетировали дома, и ты прекрасно читал. Ну тогда просто скажи Юрию Владимировичу, что мы поздравляем его с юбилеем. Ну, скажи!..

Кот, конечно, молчит. Тогда я говорю:

- Ну, скажи просто - Юра!

Он опять молчит. Мы уходим с ним за кулисы. А у меня уже была приготовлена кровавая рубашка, а на теле мне нарисовали кровавые полосы. И через секунду я вылетал из-за кулис, как бы истерзанный котом. Брал с пола приветственный адрес и зачитывал его. Успех был ошеломляющий. Даже Карандаш сказал: «После Дурова я не выйду на сцену». Хотя у него поздравление было с живым крокодилом.

Но мой кот Март жутко обиделся на публичное оскорбление и ночью исчез. Больше я его не видел...

Прошу прощения у егеря, что я его перебил.

«Так вот, - продолжал егерь, - когда мы зашили кота в заячью шкурку, его вроде как бы парализовало. Он, видно, не мог понять, что с ним делают. Получился этакий котозаяц. Он не бежал, не прыгал, а мог только ползти.

Значит, после этой процедуры иду я в охотничий домик. Стучусь. Захожу.

Никита увидел меня, нахмурился.

- Чего тебе? - спрашивает.

- Зайцы, - говорю, - появились.

- Ну вот! А ты говорил, что зайцев нет! Ульбрихт, пошли!

Они хватают ружья и выскакивают на крыльцо. И видят, ползет это чудовище - котозаяц. Они скидывают стволы и - бах! бах!

И вдруг этот заяц: «Мя-а-у!» - и на сосну. Ульбрихт от такой сцены упал в обморок. А Никита орет:

- Второй раз Германию победили! Завалили немца!

Тут вызвали «неотложку», Ульбрихта увезли, а Никита еще три дня пил в этом домике. И каждое утро выходил, чтобы посмотреть на кота, который сидел на ветке и боялся спуститься вниз.

- Все сидишь? - спрашивал его Никита и предупреждал охрану: - Вы мне этого зайца не трогайте. Не стреляйте в него. Он мне второй раз Германию победил!

На третий день «заяц» пропал, видно, все-таки сполз от голода. А Никита, уезжая, все спрашивал и наказывал:

- Вы запомнили его? Смотрите, не стреляйте.

А потом по распоряжению Никиты мне выдали премию. Правда, не знаю за что.

А еще позже Никита рассказывал, как он был в больнице у Ульбрихта и тот сказал: «Никита, какой же дурак был Гитлер, что пошел на державу, где зайцы по соснам лазят».

Я рассказал эту историю так, как запомнил. Потом ее где-то перепечатали и, как обычно, все перепутали и переврали. Как переврали и другую историю, свидетелем которой я был сам. А если не верите,

спросите любого из группы, с которой в это время приезжала Галина Сергеевна Уланова в Осташково. Они снимали там в это же время фильм о великой балерине, которая родом откуда-то из-под Осташково. Местные жители запомнили ее как прекрасную, скромную женщину, которая никогда не рассказывала о своих успехах, наградах, триумфах. Она просто говорила с людьми о жизни, о женских проблемах, о детях. И нельзя было даже заподозрить в ней великую актрису, неподражаемую балерину.

Так вот вторая история, чем-то напоминающая первую, такова.

Ехали медведи...

Мы снимали дом в Осташкове. А в те места каждый год приезжали иностранцы – охотники на медведей. Они платили за лицензию какие-то большие суммы. А если заваливали медведя, то должны были заплатить, если не ошибаюсь, что-то около десяти тысяч марок. В основном приезжали немцы из Западной Германии.

Вот как-то приехал такой немец, поселился в гостинице Осташкова и ждет, когда ему найдут медведя в берлоге. Он живет, а медведя все никак не найдут. Нет медведя! А срок лицензии кончается, и десять тысяч марок накрываются медным тазом. Что делать?

И тут кто-то вспомнил: в соседнем городе гастролирует цирк, и там есть медведь, у которого обнаружили катаракту, и поэтому он уже не может работать, и его хотят усыпить. И умные ребята решили: все равно ему погибать, поедем возьмем его для дела.

Приехали, посмотрели. Медведь действительно сидит грустный в клетке. Ну они расплатились за него водкой и привезли к себе.

Тут же доложили немцу, что наконец-то медведя прикормили на овсах и завтра надо идти на охоту.

Немец затемно залег в овсах со своим ружьем и ждет. Егеря сняли с медведя намордник и выпустили. Ну, Мишка, наверное, подумал, что начинается спектакль и пошел на задних лапах, как по манежу. А передними размахивает и кланяется во все стороны.

А рядом тропинка была, и по ней ехала дачница на велосипеде с авоськой, в которой лежали продукты. Она увидела этого медведя – брык! – бросила велосипед и кинулась бежать. Медведь не погнался за ней. Он спокойно подошел к велосипеду, сел на него и поехал.

Этот немец два месяца пролежал с инфарктом в реанимации в осташковской больнице. Потом его перевезли в Калинин.

Не знаю, чем закончилась история с марками, но, думаю, немцы надолго запомнили и заячью, и медвежью охоту.

Да что иностранцы! Для них всякое русское животное – экзотический экземпляр. Но мне самому всю жизнь попадаются странные животные. С отклонениями.

Вот так Пулька!

В молодости, когда я был совсем мальчишкой, я часто ездил в Махачкалу к своим родственникам. А у их соседей была собака Пулька о трех ногах. Она очень странно бегала, делала несколько прыжков, спотыкалась, переворачивалась через голову и опять продолжала бежать.

Я спросил у хозяйки, что с ней случилось, и она мне рассказала грустную военную историю.

Как ее звали раньше, никто уже не помнит. Пулькой ее прозвали позже. В то время в Махачкалу, кажется, по ленд-лизу, приходило американское вооружение. Каким образом оно приходило через Каспий, понять не могу. Сюда же прибывали суда с американской тушенкой. А однажды даже пришла баржа с кокосовыми орехами. Их разгрузили на пирс, они долго лежали огромной грудой и стали гнить, распространяя гнилостный запах по всему городу. Кончилось тем, что эти орехи бульдозерами скинули в море. Тогда никто не знал, что это за продукт и что с ним делать. А американцы тоже не имели понятия, что мы едим и что нам нужно.

Так вот о Пульке. Она тогда была еще о четырех ногах. Однажды она притащила раздавленную банку тушенки, и хозяйка эту тушенку скормила Пульке. Собака была умная, и она сообразила, что эти банки помогут им с хозяйкой выжить. Она стала бегать в порт, воровать консервы. Хозяйка кормила ее и кормилась сама. Потом стала менять эти консервы на хлеб, на носильные вещи и стали они жить с Пулькой более-менее сносно.

Но однажды часовой на складе обратил внимание на эту собаку и что-то заподозрил. И когда Пулька в очередной раз пришла за добычей и с банкой тушенки

побежала через железную дорогу, он вскинул карабин и выстрелил. Пуля попала Пульке в лапу. Часовой подумал, что пристрелил ее, а Пулька пришла в себя и приползла к хозяйке. А банку тушенки, которую она уворовала, так и не выпустила из зубов.

Хозяйка отрезала у Пульки отстрелянную часть ноги, перевязала ее, и Пулька стала жить дальше.

А потом с ней произошло вот что: она стала ненавидеть военных. Свою ненависть она проявляла своеобразно. Она не гавкала, не рычала, но, когда мимо ворот проходил военный в ботинках, она кусала его за икры, если в сапогах – подпрыгивала и хватала за ляжку. После чего ныряла под ворота к себе во двор. Начинался скандал. Обиженный стучал в калитку, выходила хозяйка и удивлялась:

- Какая собака?

- Да она кусает прохожих! Меня вот только что укусила!

- Заходите, посмотрите – у меня вообще никакой собаки и в помине нет!

Заходили во двор, смотрели. Действительно, никакого лая, никакой собаки.

- Ну что? Зайдите в дом. Где вы видите собаку?

Собаки в самом деле нигде не было. Извинялись и уходили. А Пулька вырыла себе под крыльцом нору и пряталась там после своего очередного «подвига» до тех пор, пока не уляжется скандал. А потом вылезала и ждала очередного военного. Так она мстила за свою потерянную лапу.

Давно закончилась война, а она все мстила людям в погонах...

Укрощение косолапого

У меня была пара встреч с медведями, правда не в лесу. Первая – на Шпицбергене. Мы поднялись на ледяное плато. А там стоит белый с желтоватым отливом медведь, огромный такой, и смотрит на нас. Наш провожатый шепчет: «Не бежать, не двигаться, не смотреть ему в глаза». Долго так стояли. Медведь выжидал, а потом повернулся и медленно пошел прочь. А вторая встреча была в Бахчисарае. Там снимали фильм, и в съемочной группе был дрессировщик с медведем. И вот я слышу крики, бегут женщины. Оказалось, что медведь сорвался с карабина и пошел на толпу. Не подумайте, что хвастаюсь, но я пошел прямо на медведя. Он ревет, я трушу, но иду на него и говорю: «Негодяй, ну чего ты орешь? Всех перепугал. Как тебе не стыдно?!» Подошел к нему, и тут медведь сел на задние лапы. Беру его за ошейник и веду. Сели мы на крыльцо вдвоем, стали ждать дрессировщика.

«Коля, мяу!»

Когда-то в Большом театре был такой балерун – Коля Харитонов. Он любил выпить, и из-за этого его не взяли на гастроли в Америку. Поехала одна жена – тоже балерина. Перед этим она очень ругала его, когда подсчитала, сколько долларов они на этом потеряют.

Она уехала, а Коля с собутыльниками запил. Вдруг кто-то из друзей показал ему газету: Большой возвращается с триумфом. Коля в панике начал убирать квартиру: выносить бутылки, окурки, консервные банки и прочий мусор. А когда стал мыть полы, разделся догола.

А у него был сиамский кот, о котором он совершенно забыл в длительном запое и который питался все это время, вылизывая консервные банки и подбирая остатки закуски. Он сидел мрачный на шкафу и смотрел, как голый Коля ползает с тряпкой на четвереньках. Что-то коту не понравилось, – он прыгнул и вцепился балеруну в одно место. Коля взвыл, отпрянул и вlepился башкой в батарею.

Истекая кровью, позвонил в «Скорую» и прошептал:

– Дом Большого театра... Квартира Харитоновых...

Умираю...

Приехали врачи и увидели худое двухметровое тело на полу в грязи и крови.

Когда санитары несли его по лестнице на носилках, Коля открыл глаза, и пожилая докторша спросила:

– Что с вами?

Он сказал правду:

– Кот в яйца вцепился.

Санитары заржали и выронили носилки – Коля сломал ключицу. Все-таки довезли его до Склифосовского.

На следующий день приезжает жена и видит, в каком состоянии квартира: «Так и знала – пьянка, бабы...» И в заведенном состоянии влетает в больничную палату. Коля, весь забинтованный-загипсованный, протянул к ней ручки, а она с размаху ахнула сумкой ему по башке, забыв, что в сумке лежала стеклянная бутылка с пепси-колой. Проломила мужу височную кость, и ему делали трепанацию черепа.

Все-таки он выздоровел, но в театр не вернулся. Его затравили. Как кто из знакомых встречался, так сразу кричал ему:

– Коля, мяу! – и тот шарахался в сторону.

В общем, он пропал как артист.

Наши прошли

Не знаю, кто от кого произошел: мы от обезьян или обезьяны от нас. Но то, что у нас с ними много общего и в характерах, и в поведении – это уж точно.

Полковник спецназа рассказывал об одном интересном случае, который произошел в Анголе. Тогда мы вместе с кубинцами помогали молодой республике отстаивать ее независимость. Ведь нас хлебом не корми, только дай отстоять чью-нибудь независимость. Кроме своей, конечно. На это у нас нет ни средств, ни времени.

Отряд полковника вторые сутки продирался сквозь джунгли, пытаюсь выйти на след другого отряда, с которым должен был соединиться. На связь не выходили, чтобы их не засекли. И в какой-то момент командир засомневался: а не сбились ли они с пути? И тогда старшина, который прослужил и в Анголе, и в Эфиопии (ей мы помогали строить социализм) чуть больше полковника, успокоил:

– А это мы сейчас проверим.

Они подошли к большой поляне, старшина дал знак всем остановиться и затаиться в зарослях, а сам достал из рюкзака початую бутылку водки, из горлышка которой торчала пробка. С ней он вышел на середину поляны, что-то прохрюкал, попрыгал, подражая обезьяне, поставил бутылку на землю и вернулся.

– Подождем.

Ждать пришлось недолго. Горилла появилась с другой стороны поляны как-то неожиданно. Осмотрелась и спокойно направилась к бутылке. Она ничего не опасалась – у нее здесь не было достойных врагов. Эта длиннорукая махина под два метра весила, пожалуй, не меньше четверти тонны. Она села рядом с

бутылкой и тяжело вздохнула: «Пить или не пить?» Потом решительно взяла бутылку, вытащила зубами пробку и выплюнула ее далеко в сторону. А дальше, как говаривал наш экс-президент, процесс пошел.

У спецназовцев отвисли челюсти: чем-то родным, расейским повеяло от этой сцены. Старшина был доволен.

- Ну вот, командир, - улыбнулся он, - значит, наши уже здесь прошли. И, стало быть, правильной дорогой идете, товарищи.

- Я хотел представить эту зверюшку к награде, - вполне серьезно закончил полковник. - Хотел оставить ей еще бутылку. Да старшина меня отговорил. «Во хмелю, - сказал он, - гориллы бывают очень буйными. Совсем как люди». А может, люди совсем как они?

Актеры и обезьяны

Я часто сержусь на своих коллег, зачем показывать больного Брежнева, когда его уже нет. Что же вы при жизни его не показывали? Я, например, показывал Ленина, правда, не при жизни, но во времена жесткого контроля. И на три года присуждение мне звания «народного» задержалось. Все гостиницы тогда прослушивались, а Мишка Боярский показывал Брежнева. А я – да что там Брежнев, сейчас я тебе еще одного покажу. И показал этюд... Ленин с Крупской ночью. Конечно, режиссера картины, в которой тогда мы снимались, тут же вызвали в КГБ и спросили: «Кто же это у вас снимается в картине?» Он говорит, мол, замечательные артисты. Они – ему: «Нет, подождите...» И включают запись. Он послушал и отвечает: «Понимаете, артисты, они ведь как обезьяны, вечно всем подражают...» В общем, сдать режиссер нас не сдал, но звание мое пылилось еще долго, как я потом узнал.

Мораль простая: будь смелым тогда, когда это нужно хотя бы кому-нибудь, а не задним числом.

О вкусах не спорят

В фильме «Високосный год» мы снимались вместе с Кешей Смоктуновским, и он все время называл меня учителем. То и дело подходил и спрашивал, правильно он играет или нет. Это могло показаться кокетством, но на самом деле для него всегда было важно проверить, то ли он делает или нет. Иннокентию Смоктуновскому часто не нравилось, как он играет. Однажды моя жена восхищенно сказала: «Как хорошо вы играете в «Ночном госте!» На что он заметил: «А у вас хороший вкус?»»

Гамлет, которого не было

Однажды зимой мы с моим приятелем шли по городу и вдруг на переходе Садового кольца в сутолоке встретили Смоктуновского.

Он нам стал рассказывать, что скоро будет сниматься в «Гамлете» и что ему это все не нравится, потому что, по его словам, Козинцев совсем не понимает, о чем надо снимать. И тут – прямо посреди Садового кольца и рядом с проходившими мимо людьми – он сыграл нам всего Гамлета. Это было потрясающе. У меня текли слезы.

«В фильме, – сказал он, когда закончил, – всего этого вы не увидите».

Кеша и Катя

Кеша Смоктуновский мог быть очень непосредственным в общении человеком. Как-то раз он пришел к нам в гости. И когда зашел в комнату и увидел, что в детской кроватке кто-то спит, сразу спросил: «Ой, кто это?!» Я ответил, что это наша дочка Катя. Кеша: «Ой! Разбудите ее, пожалуйста! Я хочу на нее посмотреть!»

Ясновидящий

Как-то мы были на гастролях и меня поселили в очень неудобный номер: узкий какой-то, с крошечным окошком, с протертым до дыр ковриком. И вот зашел меня навестить Кеша Смоктуновский. Как только он оглядел номер, тут же меня спросил: «В этой комнате тебе никакие мысли в голову не приходят?» Я: «Приходят!» Кеша: «Давай я угадаю! Я сейчас напишу их на бумажке, а потом ты скажешь». Он написал что-то. Я говорю: «Мысли такие: «Не удавиться ли мне?» Кеша показывает свою записку. На бумаге написано: «Не удавиться ли мне?»»

И даже Дуров

Олег Даль был очень сложным человеком. Я даже в грим-уборную к нему не любил заходить. В своих дневниках он написал: «Надоели все. И Фрося (это он так Эфроса про себя называл), и Волков, и Дмитриева...» Всех перечислил. А под конец: «...И даже Дуров».

Взрослый и дети

Однажды в спектакле я занял целый класс из детского дома. На сцену выходили дети с очень трудной судьбой: маленький мальчик Коля с изумительным лицом, как у ангела, девочка-несмеяна... Она никогда не улыбалась, потому что папа на ее глазах пригвоздил к стене маму ножом. А спектакль начинался с того, что дети играли в футбол. И однажды мяч улетел со сцены, попал в какого-то мужика. Тогда маленький Коля перегнулся через сцену и говорит:

«Мужик, мячик кинь». Тот как закричит: «Что за безобразие! Как ты разговариваешь!» Коля грозно повторяет: «Я сказал, дай мячик. Плохо слышишь, что ли?» Мужик: «Щенок». И вдруг этот ангел Коля выдает: «Да я тебе сейчас, падла, пасть порву». Прыгает со сцены и – матом! На весь зал! Мужик перепугался, бросил Коле мяч. После спектакля я сказал: «Коля, ну разве так можно? Это же взрослый человек!..»

Ну что стоило взрослому человеку без лишних слов бросить мяч на сцену? И все обернулось бы невинной игрой. А он повел себя агрессивно, и это породило агрессию и без того изломанной детской души.

Объект номер один

Когда я работал над ролью Микояна в фильме «Серые волки», мы снимали сцены на его даче в Пицунде. Не представляю, как на этой даче можно жить! Это огромное казенное заведение гостиничного типа с эдаким джентльменским набором: чешские хрустальные люстры, какая-то инкрустированная индийская мебель... Так вот, пошел я там в уборную. Вдруг слышу сзади:

- Объект номер один пошел в туалет.

Я думаю: «Подожди, в туалет иду я». Тут вижу внизу человека и спрашиваю:

- Простите, это вы про меня?

- Ну да, - говорит. - Вы же сейчас играете Микояна, поэтому вы для меня объект номер один.

Так вот они и жили. И рваться к этому?

Да простит меня Христос!

Однажды мне принесли распятие в человеческий рост, завернутое в сукно, прямо к вагону, когда я уезжал из Минска. Сказали:

- Это старинное распятие тебе в подарок.

В купе оно не уместилось, и мы его поставили в тамбуре. И вот только поезд тронулся, в дверь раздаётся стук и входит милиционер.

- Это вы везете то, что стоит в тамбуре? - спрашивает он.

- Да, - говорю, - я.

- А что это такое - скульптура?

- Скульптура.

А он:

- Я сначала испугался, потом постучал, постучал, смотрю - твердое.

Я ему опять:

- Скульптура, скульптура.

- А кто это? - интересуется.

- Ленин.

- Точно! - подтверждает милиционер. - Я сразу догадался. Так пощупал лицо и вижу - борода.

Да простит меня Христос. Я был вынужден выдать его за Ленина, чтобы избежать осложнений с милицией.

А милиционер снова интересуется:

- Это вы куда - на выставку?

- Да нет, - говорю, - я его дома поставлю.

- Как «дома»?

- А что, - спрашиваю, - вы так относитесь к Ленину?

- Да нет, нет! Я вообще говорю... - Он выскочил из купе и больше я его не видел.

Как я играл Ленина

Однажды мне позвонил Юлий Гусман и сказал: «Я тебя умоляю, у нас конкурс лучших сценариев, и мы должны сыграть сценочки в Доме кино, сцены из лучших сценариев, а один из лучших сценариев называется «Дорога на Восток», и вот я прошу, сыграй Ленина».

Я спрашиваю: «Кто будет ставить?» Он говорит: «Кваша». А вот дальше я вам сразу не скажу, кто там третий был.

И в общем, короче говоря, мы втроем вышли на сцену. Я – Ленин, Кваша – Сталин, все мы похожи, а за нами шел Троцкий. А Троцким был Ярмольник, и на этом все кончилось. В зале началась дикая ржа. Я понял, что деваться уже некуда, и, картавя, сказал: «Все кончилось. Вообще все». Взял стул на плечо, как Ленин на субботнике бревно, и ушел со сцены. За мной тихо пошли Сталин и Троцкий. На этом моя роль Ленина навсегда была закончена.

Да здравствует Советская власть!

Меня разыграли в спектакле «Трибунал». Как я уже писал, у актеров на сцене существует параллельная маленькая жизнь. Мало того, что они играют на зрителя, они еще и играют между собой. Никак не наиграются!

Так вот, играл я роль немецкого старосты, который работает на партизан, а жена, естественно, об этом не знает и все мне грозит:

- Вот придет Советская власть, тогда посмотришь!

А я, чтоб снять пафос, спрашивал:

- А где твоя Советская власть, где? - И лазил под стол, открывал сундук. Один раз открываю сундук, а там лежит плакат, на котором аршинными буквами написано: «Советская власть!». Ребята где-то нашли этот плакат и отрезали начало лозунга.

Я застыл в онемении, а затем согнулся от истерического смеха.

Как я перестал быть депутатом

Между прочим, в советские времена я был депутатом, но всего-навсего районного совета. Это совсем другое. Меня тогда уговорили помогать населению. И я ему помог. На углу Тверской и Большой Бронной переселяли из дома жителей. И вот в нем осталась одна женщина с тремя детьми. Ей предложили однокомнатную квартиру, а она соглашалась только на трехкомнатную. И она пришла ко мне за помощью. Я изучил все положения и убедился, что трехкомнатная ей не полагается.

- Единственное, что вы можете сделать, - сказал я ей, - это не выходить из дома. А если вас будет милиция вынимать, откройте окна и кричите: «Помогите!». Сойдутся люди, и тогда посмотрим, как вас выселят.

Она так и сделала. Открыла окно и стала кричать:

- Люди! Люди! Дуров мне сказал, чтобы я просила у вас помощи!

- Какой Дуров? - спрашивает толпа снизу.

- Вы артиста Дурова знаете?

- Знаем!

- Вот он и сказал!

А меня вызывают в райсовет и говорят:

- Что вы делаете? Вы спятели? Разве так можно?

А я спрашиваю:

- Скажите, что ей дали.

- Трехкомнатную квартиру ей дали!

- Значит, я помог?!

- Помог - говорят, - но вон отсюда!

Отбрали у меня мандат, и я перестал быть депутатом.

Осетром по голове

Я не считаю себя заядлым рыбаком. Так, любитель... Давным-давно сосед (я тогда жил рядом с Филевским парком) пригласил на зимнюю рыбалку. Наказал обязательно взять фибровый чемоданчик, «чтобы на нем сидеть и складывать в него улов». Целый день на лютом морозе я, как заведенный, опускал мормышку в лунку. Промерз до костей, отморозил нос, уши и все остальное. Когда вернулся в тепло и мои домочадцы столпились у распаханного чемоданчика, то от смеха чуть не надорвали животы. Из него выпал единственный скрюченный ершик величиной с мизинец.

Зато рыбацкая удача улыбнулась мне лет пятнадцать назад во время съемок фильма «Гангстеры в океане». Мы оказались на палубе сухогруза, который стоял напротив знаменитой президентской дачи в Форосе. Во время перерыва съемочная группа развлекалась ловлей ставридки на самодур. Это такая удочка с десятью пустыми крючками. Они блестят в воде и рыбка на них набрасывается. Ребята опускают в море и вытягивают одну-две рыбешки. Я стою рядом и достаю по восемь-десять. Что только коллеги не делали: менялись местами, удочками – ничего не помогает! Плюнули и ушли. Вразвалочку подошли матросы, посмотрели на меня свысока. Забросили снасти и тоже достают... одну-две ставридки. У меня опять полная обойма. Смех да и только. Моряки поматерились и бросили снасти. А я целое ведро свежей рыбки отнес в камбуз.

Первый опыт общения с рыбой у меня состоялся в студенческие годы. Я отдыхал в Махачкале и познакомился с местными браконьерами. Они уговорили сходить на рыбалку. И вот однажды ночью полезли в

море с бреднем. Внезапно, как в фильмах ужасов, вода забурлила, вспенилась, по сети пошла дрожь, а у меня мурашки по коже. С трудом вытащили на берег гигантского осетра. Во-о-от такого! Ну, метра два с половиной! Рыбаки любят прихвастнуть, но это чистая правда. Осетр размахивал хвостом, словно бритвой. Изрезал весь бредень, мне даже по голове шлепнул. И все равно его было безумно жалко. Такой красавец! Хотелось выпустить обратно, но разве это объяснишь браконьерам. Кусочек бедной рыбки мне тоже достался. Ел и вздыхал.

Прощание с Матерой

Закончились съемки картины «Прощание с Матерой». Картина хорошая, но успеха зрительского она не имела. После премьеры по инициативе режиссера Элема Климова, царство ему небесное, состоялся грандиозный банкет в «Славянском базаре». Тосты, тосты... Пришла очередь и Леши Петренко, который там играл... Все ему: «Леша, скажи и ты что-нибудь». А Леша, вы ведь знаете, это такой шкаф, мнется: «Не, не, я не люблю говорить...» А ему: «Ну скажи, скажи...» Тогда он встает и говорит: «Что сказать, Элем... Ты мне не нравишься, картина твоя мне не нравится... Не, я выпью, конечно, картина-то кровавая, все погибают, есть кого помянуть... Но никогда больше я у тебя сниматься не буду». Климов: «А я тебя никогда и не приглашу». Петренко: «Ну, я же первый сказал...»

Минут двадцать после этого момента банкет не мог войти в нормальную колею. А Петренко хоть бы хны: сел и стал пить-есть.

Кепкомания

Кинорежиссер Элем Климов был ироничным человеком. Я часто приходил к нему в гости, мы выпивали, болтали, но я не мог взять в толк, почему он так резко меня выпроваживает, даже выталкивает на лестничную площадку. Выхожу на улицу и спохватываюсь: где моя кепка? Звоню Элему: «Кепка не у тебя? Я завтра зайду...»

- Не зайдешь. Я их коллекционирую.

Он собирал кепки друзей - среди других экспонатов у него имелись три мои.

Цена популярности

В жизни Альберт Филозов – человек стеснительный и страшно не любит, когда его узнают в общественных местах. Как-то выскочил Филозов из дому в продуктовый магазин. А там очередь. Встал и он со своей авоськой. Вдруг какой-то подвыпивший мужик из очереди принялся его внимательно разглядывать. Филозов голову опустил, что-то на полу изучает. А тут как раз очередь этого мужика подошла, купил он бутылку портвейна и к Филозову восторженно:

– О, артист!

– Да тише ты, – испугался Филозов, пытаюсь утихомирить почитателя.

Но мужик не унимался.

– Слышь, артист, дай автограф, – требовал он, тыча пальцем в этикетку на бутылке.

Чтобы отвязаться от назойливого прилипалы, пришлось Филозову расписаться на бутылке портвешка.

– Вот она – цена популярности! – любит он теперь повторять.

Экстравагантный клиент

Кстати, в актерских кругах мастерами шутки считались Владимир Стеклов и Евгений Дворжецкий. Михаил Андреевич Глузский очень их любил, и они относились к нему с огромным почтением. Но в то же время вечно устраивали ему розыгрыши. Все актеры знают, как в Томске эта парочка разыграла Глузского.

Они заказали ему в номер девушку легкого поведения. Барышню предупредили: клиент своеобразный – будет отказываться от услуг, но вы его не слушайте – так он заводится. Когда через некоторое время шутники навестили коллегу в номере, увидели потрясающую картину: на постели сидела обнаженная мадам, а Глузский читал ей Пушкина.

Знает ли мама?

Женя Дворжецкий с Володей Стекловым продолжали изощряться в розыгрышах. Однажды на гастролях уговорили Глузского поехать в ночной клуб – дескать, там будет очень интересная французская программа. А это был просто стриптиз-клуб. Предварительно они подговорили стриптизершу: «Будешь работать только на Глузского». И она начала стараться. А для Михаила Андреевича, при его-то нравственных устоях, все это – просто жуть. Так вот девушка все извивалась вокруг него, извивалась, и, когда она уже грудь почти что в салат ему положила, он вдруг спросил ее обеспокоенно: «Девочка, а мама твоя знает про все это?»

Губа - дура

В фильме «Зачем человеку крылья» я должен был летать по роли. Хорошо, что невысоко поднялся... Я рухнул, но без последствий. Вообще на той картине много смешного было. Мы снимались с Михаилом Глузским в городе Коломна, и для меня Коломна - это напоминание о том, что от трагического до смешного один шаг. Съёмки шли в окопах, причем окопы были настоящими, еще с войны остались. И вот мы сидим, я провел рукой по траве и укололся. Что такое? Осколок! Посмотрел, а вокруг вся земля ими усыпана. Я задумался: сколько лет прошло (фильм-то вышел в 1987 году.), а память о войне земля хранит. И тут Глузский вскочил и начал истошно орать: «Я же аллергик! Все - съёмка полетела!» Я ничего не могу понять, он судорожно кричит, подпрыгивает в своей генеральской форме... Оказалось, его в нижнюю губу укусила пчела. Не отходя от злополучного места, вся съёмочная группа стала свидетелями рождения у Михаила Андреевича огромной губы, даже не губы, а столба какого-то. А у нас последний съёмочный день... Глузский доснялся, постоянно прикрывая свою новую губу ладонью. И из окопа вылезал боком, приставным шагом. Уже на премьере в Доме кино мы заметили, что звукорежиссер, мерзавец, в шутку записал в фильм звук жужжащей пчелы.

Глузский потом жаловался:

- Даже слышать не могу. Сразу губа опухать начинает...

Завалящий

В этой картине «Зачем человеку крылья» я должен был сыграть деревенского мужичонку. Ну, одежонку и все остальное мне, как положено, подобрали. Я за лошадьми ухаживаю. Попросил только, чтобы одежду мою не трогали – сапоги бы не чистили и рубашку не стирали. Чтобы они лошадью пахли – мне это помогает. На съемки езжу сам на телеге, вожжи в руки и – айда! И нарвался.

Еду как-то по дороге, лошадь понукаю, а навстречу идет старушка.

– Здравствуйте, – говорю.

А она:

– Откуда ты?

– Да вот из деревни Белый Колодезь.

– Что-то, – говорит она, – я тебя не припомню. Я в этой деревне вроде всех знаю, а такого заваляш-шего первый раз вижу.

Очень мне это понравилось: «заваляш-шего»! Лучшей оценки моей роли мне и не нужно было.

Петруша не дремлет

Однажды Михаил Глузский, игравший в «Чайке» Сорина, не смог поехать на гастроли в Воронеж. Вместо него роль Петра Николаевича попросили сыграть меня (обычно я играл в этом спектакле Дорна), а на роль Дорна ввели Владимира Качана, который играл Тригорина, а Тригорина играл партнер и дублер Володи в этом спектакле, Владимир Стеклов... В общем, всех пришлось поменять местами.

Ирина Алферова, которая привыкла приветствовать Владимира Качана репликой «Здравствуйте, Борис Алексеевич», увидела на сцене сразу двух Тригоринных и растерялась. Вместо реплики «Здравствуйте, Борис Алексеевич», обращенной к Стеклову (действующему Тригорину), она кинулась к Качану, но вовремя спохватилась и сказала:

- Здравствуйте... доктор...

А я тоже не успел перестроиться, и из моего старика-Сорина, который все время жалуется на плохое здоровье и сидит в инвалидном кресле, «выпирал» активный, молодежливый доктор Дорн.

В начале второго акта, где персонажи ведут оживленный диалог, а чеховский Сорин по сюжету дремлет в кресле и даже похрапывает, есть реплика Аркадиной: «Петруша! Ты спишь?» А я по привычке много передвигался, напевал себе под нос и к моменту произнесения этих слов оказался далеко от своей инвалидной коляски, в противоположном углу сцены. Алферова-Аркадина уже собиралась сказать текст, но обнаружила, что Сорин не то что не спит, а его вообще нет на месте. Повисла неловкая пауза. Артисты начали делать мне знаки и посылать красноречивые взгляды. Я почуял неладное... и через секунду одним прыжком

перелетел через сцену, захрапел еще в воздухе и плюхнулся в кресло.

- Петруша, ты спишь? - с облегчением спросила Аркадина.

- Нисколько, - как можно убедительнее произнес я чеховскую реплику.

Ноги ухватом

- Эх, Константиныч! - сказал мне мужик из массовки. - Я ведь тоже сызмальства-то хотел в артисты податься. Да вот ноги у меня ухватом, да и буквы я не все выговариваю. Меня еще в школе учитель срамил: «Почему ты говоришь «хворточка», а не «форточка?»» А я ему: «Потому что я ту букву не выговариваю». А он мне: «А что же ты вместо «хватит» говоришь «фатит»? И смех и грех! Я уж и лечился - целых десять лет. Семь из них - в тюрьме. Ни хрена! Слышь, Константиныч, а может, ты знаешь, что нужно делать, чтобы был хороший дефект речи? А как можно исправить неправильные черты ног? Да хрен с ним - теперь уже поздно... Да и семья. У меня есть жена, если можно так выразиться. Все хорошо. Пьяницей я никогда не был и не буду, лучше сдохну. И профессия у меня хорошая: сутки работаю - двое дома... А все-таки обидно. Жизнь прошла. И почему мать не родила меня скотиной? Давно бы зарезали...

Как я был счастливым

Однажды, еще в пору моей молодости меня встретил на улице один пожилой писатель и спрашивает: «Левочка, как дела?» - «Нормально». А он как затопал ногами, как закричал: «Как вам не стыдно! Вы в жизни вытащили такой счастливый билет. Работаете в театре, играете такие роли! Вы должны были сказать мне: «Я счастлив!». А вы? Вам не стыдно?» - и убежал в праведном гневе прочь... Я тогда растерялся. Но тем не менее жизнерадостнее и счастливее после этого не стал. Каким был, таким и остался: в меру весёлым, в меру задумчивым. Видимо, на роду мне написано быть Трагическим Клоуном.

«Пусть гуляют!»

С Леней Филатовым мы очень дружили. Грандиозный был артист, а в Театре на Таганке не прижился потому, что Любимову нужны были актеры-шпингалеты. Они были грандиозные шпингалеты, но всегда запоминались великие сцены, но никогда не великие роли... А Леня выпадал из этой обоймы. О его чувстве юмора вы знаете, это и по его литературным работам можно судить. Но вы не знаете о его независимости, упрямстве... У него инсульт, инфаркт, донорская почка, мы с Качаном заехали к нему в гости, сидим три часа, а он лежит и курит – одну за одной, одну за одной, сигарету от сигареты прикуривает... Я говорю: «Леня, а чего ты дома сидишь, тебе же врачи разрешили гулять». А он в ответ: «Вот пусть и гуляют!»

О погоде

Когда Володя Машков собрался снимать новогоднюю мелодраму «Сирота казанская», в Сергиевом Посаде, где проходили съемки, накануне растаял весь снег.

Производство картины могло задержаться на целый сезон. А нужно было закончить к Новому году. Решили завезти искусственные белые хлопья, а поезд, на котором уезжали отцы героини, покрасить в белый цвет. Когда мы выехали с Машковым из Москвы, я сказал, что снимем все за один день. Не успел закончить фразу, как увидел в небе белые мухи. Сначала это были отдельные снежинки, потом разыгралась настоящая пурга. На радостях мы все поднялись в шесть утра, начали снимать. А снег все не прекращался. Пришлось закрывать камеры фанерой, актрис кутать в шубы и отпаивать горячим чаем. Холод был чудовищный. Но мы все отсняли.

На следующее утро просыпаемся, а земля снова черная. Всю ночь лил дождь. Оказалось, что я могу привозить не только хорошую погоду.

Куравлев, которого мы не знаем

У нас с Сашей Михайловым был смешной случай в аэропорту, когда нам Леня Куравлев... ноги целовал. Он у нас в самолете пиво «увел» - ну и решили с ним поквитаться. Леня к нам подходит в окружении грузинских поклонников, а мы ему: «Иди отсюда, мы тебя не знаем!» Грузины не понимают, в чем дело: Куравлев - такой знаменитый артист, и вдруг его не знают. Но Леня не растерялся и замечательно нам подыграл. Он рухнул на пол и пополз к нам на коленках с криком: «Ребята, простите!» - а сам нам ноги целует. Что с грузинами было, вы и представить себе не можете.

Какой институт окончил Куравлёв?

А еще на каких-то съемках я Куравлева все пытал, какой он институт окончил: «ВГИК? Странно, вроде там учат нормально. А учителя кто были? Бибиков с Пыжовой? Странно, хорошие вроде педагоги!» Вдобавок я всю группу подговорил, и все лезли к Лене с теми же вопросами. Он в конце концов от любого, кто подходил, заранее в ужасе отмахивался: «Да ВГИК я кончал, ВГИК, отстаньте только!»

С вывертом

Как-то мы с Леной Куравлевым пришли провести заболевшего Борю Беленького, «отца» премии «Хрустальная Турандот». Понятно, выпили водки, и я между прочих разговоров стал рассказывать, как студентом замечательно «показывал» животных. «Ни в жисть не поверю, – подзуживал меня Куравлев, – такой серьезный артист, худрук театра!» Я тут же плюхнулся на ковер и стал показывать тигра. Катался, выгибался...

В это время теща Беленького внесла очередную закусочку. И ушла молча. А уж после сказала Боре: «Не люблю я твоих... артистов этих. Нормальный человек напьется и лежит. А этот – с вы-ы-вер-том!»

«Привет!» под трусами

Однажды я здорово пошутил. В спектакле «Весельчаки», по ходу действия медсестра-негритянка должна была сделать мне укол.

Я лег на топчан, снял трусы, а на заднице у меня было написано йодом: «Привет!». Партнерша не дрогнула, и только потом зашла в гримерку и поблагодарила. Так что мой розыгрыш тоже не получился.

Но все равно: пустячок, а приятно.

Спасибо предкам

Вот со мной в Латвии случилась история. Русских в Прибалтике, как известно, считают оккупантами. А мы снимали кино. И однажды на съемочную площадку заявили крепкие поддатые ребята. И как поперли на нашу бригаду. Я не мог не вмешаться. «Слушайте, – спрашиваю их, – у меня есть автомат? Нет? Что вы прете?! Я приехал снимать кино! Я приехал к вам в гости! А если вы имеете претензии к русским, скажите спасибо своим прадедушкам!» Здоровяки опешили: «При чем тут прадедушки?» А я свое: «Да-да, прадедушкам, тем самым латышским стрелкам, которые буквально спасли советскую власть от разгрома. Что вы ко мне цепляетесь, когда во всем виноваты латышские стрелки – ваши прадедушки». Ребята вначале жутко растерялись, потом расхохотались. Потом стали нашими друзьями.

Искушения

Одна пышнотелая вдовушка в цветущих годах – кровь с молоком, которая снималась у нас в массовке, решила мне исповедаться. Почему мне? А Бог ее знает!

Может, решила, что я самый серьезный человек из всей труппы.

– Вот, Константиныч, – начала она со вздохом, – ты только не смейся, я серьезно. После смерти Ванечки моего, который вот уж как год утоп, царствие ему небесное, повадился ко мне нечистый...

– Черт, что ли? – попытался я уточнить.

– Чур тебя! – замахала руками вдовушка. – И не поминай это поганое имя... Ну этот... с рогами, с копытами... и с хвостом...

– А-а! – притворился я дурачком. – Козел, что ли?

– Да нет! Серой воняет... Ага?

– Ага, – сказал я.

– Понял? Только когда он искушает, не в своем обличье появляется. Впервой появился в обличье солдата. У нас тут военная часть стояла, так он будто бы оттуда. Три ночи подряд приходил. Мучил меня, спать не давал. Потом я окропила все углы в избе святой водой, и он пропал. А тут мне сказали, что и часть эту военную куда-то перевели. Одно к одному... И вслед свеклу надо было убирать с полей. Прислали нам в помощь студентов с городу. Так этот, который с хвостом, принял обличье студента. Славный такой студент, только заморенный больно. И вот, веришь ли, знаю, что нечистый, а прогнать не могу – язык будто одеревенел. Видно, сила в нем была такая, что моя пересилить ее не могла. Потом студенты уехали, и нечистый будто растворился... В печника еще как-то обратился. Но тот вроде привиделся, да наутро и

сгинул... - она горестно покачала головой и вдруг с какой-то тайной надеждой спросила: - Слышь, Константиныч, а случаем нечистый не может принять обличье артиста?

- Так артистов самих издревле считали нечистыми, - ободрил я ее. - Одно слово - скоморохи.

- Вот и я о том, - успокоилась вдовушка. - Мне ведь лишь бы заранее знать, как и что. Так-то спокойнее, - и засмеялась. - А все ж они забавные, эти черти, хоть и нечистые! Тьфу, оскоромилась, баба болтливая!..

Дельвиг и девки

Дельвиг звал однажды Рылеева к девкам.

- Я женат, - отвечал Рылеев.

- Так что же? - сказал Дельвиг. - Разве ты не можешь отобедать в ресторации потому только, что у тебя дома есть кухня?

Ночь с русской красавицей

Однажды, когда я приехал в Томск, в гостиничном номере раздался звонок: «Вы не хотите провести ночь с очаровательной девушкой?» На что я ответил: «Хочу, но я слишком дорого беру». Думаю, моя шутка тоже удалась.

Как я нахамил режиссеру

Знаете, я только однажды нахамил режиссеру.

Снимали картину на производственную тему. Репетировали сцену в цехе, где прокатывают железнодорожные колеса. Вообразите себе, первое отполированное колесо летит через цех. Развевается красный флаг. Массовка замерла на станках. Я – главный инженер завода – подхожу к этому колесу, и... «Дуров! – орет в рупор режиссер. – Обними колесо и поцелуй его во втулку!» Я на секунду представил себе эту идиотскую картину – как я лобызаю колесо. Взвился. И крикнул режиссеру в ответ: «Валера, подойди ко мне! Я спущу штаны, и ты меня поцелуешь! А потом я поцелую втулку!» Массовка – в обморок. Режиссер объявил перерыв. Конечно, я потом извинился, и мы помирились.

А вот это напрасно!!

Мы в Геленджике зашли в одно кафе с Сашей Иншаковым. Там сидела большая местная компания. Саша, кроме сока, ничего не пил. И эти ребята стали посмеиваться: «Глянь – патлатый только сок пьет!»

Я подошел к их столику, говорю: «Ребятки, не надо. Нехорошо так говорить, зачем?..» Они не слушают, продолжают. А Саша молчит. Я думаю: «Надо же! Его оскорбляют, а он молчит!» Что-то сказал ему, а он в ответ: «Да пускай!..» А когда мы стали уходить, один из них сделал опрометчивый поступок. Он взял Сашу за кончики волос и сказал: «Волосы твои надо вот так отрезать!..» Вот это он сделал напрасно!.. Честно скажу: ни одного из них я ударить не успел, они – все б человек – лежали на газоне, и над ними стоял столб пыли... Я когда-то тоже понимал толк в этом деле, но тут даже рта раскрыть не успел! И вся улица остолбенела и с интересом смотрела, не понимая, как это получилось: какой-то странный, очень красивый, похожий на индейца человек разложил всех этих огромных парней! Саша сказал им: «Ребята! Пока мы не уйдем, вставать вам не рекомендую!»

И мы пошли. Когда я оглянулся, они лежали и, приподняв только головы, в полном недоумении смотрели нам вслед.

Мои поклонники-сантехники

У меня сохранился вырванный из настольного календаря листок. Он дорог мне не тем, что подогревает мое тщеславие, – я «звездной» болезнью, слава Богу, не болею. Он ценен для меня тем, что подтверждает мою убежденность в том, что мои «чудики» не только не «безнадежно отстали», они современны в самом высоком смысле этого слова.

Итак, возвращаюсь я из театра домой и читаю у подъезда объявление о том, что в связи с тем-то и тем-то горячую воду жильцам отключили. Ну отключили и отключили – экая катастрофа! Открываю почтовый ящик и нахожу в нем этот самый листок из календаря, на котором написано (сохраняю в неприкосновенности орфографию и пунктуацию):

«В связи с экстренным отключением воды, Вам, уважаемый и горячѐ любимый нами всеми (бригадой слесарей Фрунзенского района) Л.К. Дуров мы объявляем: что воду лично вам не отключим!!!

Никогда! Мы ценим вас и любим Ваши поклонники (слесаря)».

Сколько уж было сочинено об этих сантехниках-«мздоимцах» и фельетонов, и анекдотов, и скетчей, и прочих зубоскальных вещей! С головы до ног оплевали целую профессию. А вот ведь не пришли за мздой, не попросили «на бутылку» за услугу. И ведь, наверняка, думали, что если известный артист, значит, у него куры деньги не клюют. Ничего подобного! И даже имен своих не оставили, просто: «слесаря». А ведь, казалось бы: уважение уважением, но работа есть работа – отключили и дело с концом. Не отключили!

Мелочь? Ой ли! А что, жизнь человека состоит из великих свершений? Да полноте! Она и состоит из таких

мелочей, которые и формируют человека: его характер, мировоззрение, отношение к себе подобным, в конце концов.

Анархия - мать порядка

Как-то проходил я с приятелем-журналистом мимо метро «Кировская». А он мне и говорит:

- Послушай, хочешь, я тебя познакомлю с настоящим анархистом? Ведь ты их небось только в кино видел? А доведись тебе играть роль анархиста...

- Да знаю! - отмахнулся я. - Сейчас, куда ни плюнь, так и попадешь то в графа, то в князя, то в анархиста. Раньше где были?

- Зря ты так, - обиделся журналист. - Иван Егорович Мокин настоящий, убежденный монархист.

Ученик Петра Алексеевича Кропоткина, теоретика анархизма, весьегонский сослуживец легендарного генерала Тодорского.

Господи, с трудом вспомнил я, это же, кажется, связано с гражданской войной!

- И сколько же годков твоему анархисту?

- Восемьдесят пять. Но ты не беспокойся - он резвей тебя.

Мы купили чай, сахар и много печенья. Как сказал приятель, Мокины ни в чем больше и не нуждаются.

Через десять минут мы уже звонили в квартиру анархиста.

Дверь нам открыл сам хозяин - подвижный, маленький, сухонький, с выцветшими голубыми глазами. Голова его была как-то небрежно повязана цветастым ситцевым платочком, завязанным под подбородком. Из-под него светилась розовая лысинка, и все лицо его было розовеньким, как у младенца. Светился даже маленький носик пуговкой. Под стать была и его супруга - два этаких божьих одуванчика, дунь - и полетят по комнате белые пушинки. Киношный

образ анархиста – громилы в тельняшке и с маузером в кобуре – сильно померк в моем воображении.

И еще меня поразило обилие книг: они свешивались с полок, торчали из каждого угла, громоздились на стульях, табуретках, тумбочках. И только на письменном столе самого Ивана Егоровича лежала единственная книга в черном переплете – «Записки революционера» Петра Кропоткина. Бывший весьегонский «четырехэтажный» комиссар (комиссар торговли, промышленности, обложения и труда) так до гробовой доски и не изменил своим убеждениям. А дожил он до девяносто одного года.

Незадолго до его кончины по просьбе старых большевиков Мокину решили дать персональную пенсию вместо обычных двадцати трех пенсионных рублей. А чтобы соблюсти формальность, его попросили прийти на бюро райкома партии – коммунистической, конечно. И вот тут-то один из благодетелей (из уважения к старику) заявил, что Мокин всегда работал бок о бок с Советской властью на ответственных постах, а что касается его увлечений молодости, то с возрастом они проходят и, мол, кто не переболел ложной романтикой анархизма.

Если бы у старика Мокина был тогда маузер, он, не задумываясь, вlepил бы этому своему «защитнику» пулю в лоб. Он вскочил и белыми от бешенства глазами обвел членов бюро.

– Оглянитесь на себя! А я не меняю свои убеждения, как перчатки! – и сильно хлопнул дверью.

Персональную пенсию ему все равно дали: не стали молодые большевики афишировать, что старый анархист поставил их к стенке.

Немного не дожил Иван Егорович до того дня, когда его благодетели сменили перчатки в очередной раз. В последний ли?

А я подумал вот о чем. Так ли уж странен убежденный монархист Мокин, отказавшийся от персональной пенсии, чтобы только подтвердить эти свои убеждения? И не более ли странны те твердокаменные воинствующие атеисты, которые на своих «убеждениях» сделали карьеру, а ныне смиренно стоят в божьих храмах со свечами в руках?

Не знаю, не знаю...

Партия трясунов

Наверное, только в нашей стране существует неистребимая любовь к партиям. Не к объединениям, не к обществам, не к союзам, а именно к партиям, и непременно – «нового типа». Просто какая-то патологическая тяга к этому сообществу. Иных хлебом не корми, но дай организовать какую ни на есть, но – партию!

Когда некие остроумцы организовали и официально зарегистрировали «Партию любителей пива», бывший секретарь Кунцевского райкома партии Москвы, давно спившийся, был возмущен таким вероломством.

– Эстеты, мать их! – гремел он в узком кругу единомышленников-собутыльников. – Деньги им девать некуда, так они их на конскую мочу переводят! Товарищи, предлагаю тост за партию нового типа: «Партию ползунов-сорокаградусников»! Бросим клич, и под наши знамена встанет вся многострадальная Россия!

Дядя Саша, его первый сподвижник, бывший инструктор райкома, поддержал идею и сразу же внес предложение:

– А знамя оставим наше – красное! Да и гимн уже есть, – и он прокуренным голосом пропел на мотив «Песни о Щорсе»:

– Не стыдитесь, пьяницы, носа своего:

Он ведь с красным знаменем цвета одного!

Э-эй, э-эй, эх, цвета одного!

Они допили бутылку и стали обсуждать программу и устав партии нового типа.

Последний народный артист СССР

Очень интересная была история с присвоением мне звания «Народный артист СССР».

Мы со Спиваковым были в одном указе, говорят, в последнем. Очень смешная история вышла. Мне позвонили из приемной президента и сказали: Лев Константинович, вот такого числа Михаил Сергеевич Горбачев будет вам вручать звание «Народного артиста Советского Союза». Я говорю: сейчас я посмотрю, ладно? Открыл свою книжечку, посмотрел и вижу, что у меня съемка. «Извините, ради Бога, у меня съемка в кино». – «Вы нас плохо понимаете, что ли?» – «Нет, нет, я очень хорошо понимаю, но у меня съемка». – «Странно». И повесили трубку.

Прошел месяц. Через месяц опять звонок: Лев Константинович, Президент Советского Союза Михаил Сергеевич Горбачев такого вот числа будет вам вручать звание. Я говорю: можно я посмотрю? Знаете что, я занят в этот день, у меня спектакль и еще к тому же выездной. – «Вы наверное плохо нас понимаете?» – «Нет, нет, очень хорошо».

И прошло полтора года. И позвонил мне не кто-нибудь, а Коля Губенко и говорит: Лева, будь ты неладен, я министр культуры, чтобы ты в понедельник или там в воскресенье явился ко мне, мы с тобой соседи по улице. Убью, если тебя встречу. Я говорю: хорошо. Пришел, и когда он протянул мне папку эту синюю, и сказал: вот я вручаю звание Народного артиста СССР Льву Константиновичу Дурову. Я взял эту папку и у меня во что-то мягкое провалились пальцы, и он так взял и дунул, и мне в грудь пыль, я весь стал серого цвета. Оказалось, она полтора года пролежала, моя

папка. Так и не получил из рук Михаила Сергеевича. И пусть Михаил Сергеевич на меня не обижается.

Вдруг металлурги обидятся?

Как-то в разгар перестройки я предложил Михаилу Ульянову, который был в ту пору председателем Союза театральных деятелей, поставить вопрос о том, чтобы отменить звания заслуженных и народных артистов. Ульянов вошел с этим предложением в правительство. Там его внимательно выслушали и... схватились за голову: «Да вы представляете, что будет?! Ведь тогда придется отменять звания врачам, металлургам, строителям». Так и остались на весь мир две страны, где артистам присваивают почетные звания – Советский Союз и Болгария. Правда, после развала Союза таких стран, наверное, уже больше.

Янки, гоу хоум!

Миша Вострышев, мой знакомый литератор, чистая душа, всегда был очень восприимчив к человеческим страданиям. И когда американцы стали бомбить Югославию, он вместе с другими москвичами направился к американскому посольству, чтобы в знак протеста забросать его гнилыми фруктами и тухлыми яйцами. Но поскольку гнилых фруктов и тухлых яиц в продаже не было, а все свежее стоило дорого, он долго боролся с искушением: а не лучше ли выпить на последние деньги пива. Но чувство солидарности с братьями-славянами взяло верх, и он разорился на десяток мелких яиц. У посольства он остановился, чтобы оглядеться и покурить. А пакет с яйцами положил на бетонную тумбу. Подошел мужик и стал алчно коситься на этот пакет и дергать кадыком.

- Братьев-славян уважаешь? - наконец спросил он.

- Уважаю.

- А я, между прочим, тоже славянин.

- И что? - не понял Миша.

- А то, что я второй день только овсянку жру, да и та кончается.

Миша понял намек мужика и все же спросил:

- И что ты предлагаешь?

- Давай устроим бартер.

Тут Миша вообще ничего не понял.

- Как это? - спросил он.

- А так. Я вижу, ты простуженный. Так вот, ты даешь мне яйца, а я за тебя орать буду. А когда я голодный и злой, голос у меня - не приведи Господь!

- Ори, - согласился Миша.

- Да-а-алой! - заорал мужик так, что Миша понял - он не прогадал. - Па-а-азорrrr! Го у хо-о-ом!

Как я себя увековечил

Однажды меня пригласили в «винный тур». Это вовсе не 10-дневное пьянство. Мы ездили по шато – огромным замкам, которые живут за счет виноградников и изготовления вина. Там нас принимали хозяева и была дегустация их вин. Если бы это происходило у нас, то был бы скандал на скандале, потому что вино они сплевывают. Полощут им горло, ощущая аромат вина. А рядом стоит бочка с опилками или песком, и все сплевывают вино туда. Очень жалко было выплевывать! Я старался делать это как можно меньше... Но так как мы объезжали каждый день иногда по 2-3 шато, я понял, что сплевывать все же надо... Но это очень вкусно – я впервые попробовал настоящие сухие вина. Это особая культура, это замечательно. Но я и тут себе не отказал в валянии дурака. Там подвалы-хранилища иногда на десятки километров протяженностью, все наполнены бутылками с вином. И все покрыто плесенью, стены почти черные. Когда мы там шли, я отстал от группы, быстро достал из кармана монетку и, как это принято у нас в России, написал на темной стенке английскими буквами «Лев Дуров». После этого я сказал: «Подождите, ребята! Помоему, у меня галлюцинации! Посмотрите, что там за углом на стенке написано?» Они посмотрели и говорят: «Лев Константинович! Кажется, у вас существует какой-то двойник!» Я сказал: «Кошмар!». Так я и не «расколосся», и они, наверное, до сих пор думают, что у меня есть двойник! Так что я себя там «увековечил»!

Ювелирная работа

Вспоминаю рассказ своего друга Михаила Евдокимова (царство ему небесное!).

Отец у Миши был кузнец. Работает он как-то на кузнице. Маленький Миша подходит и спрашивает:

«Отец, трех рублей нет?» А он без паузы: «Отгадал!» – и продолжает ковать.

Или другой случай – приходит к ним сосед: «У моих вил зубец отпал, ты можешь перековать?» Тот: «Ну, это ювелирная работа! Давай 30 рублей и завтра приходи!» Сосед 30 рублей отдал, а папаша сыну: «Миш, ты иди в сельпо, там вилы по 10 рублей продают, купи три штуки!»

Мандат от Дзержинского

У меня в кабинете хранится небольшой листок, на нем моя фотография в буденновке и слова: «Мандат. Выдан товарищу Дурову в том, что он состоит начальником отдела военной разведки... Данное удостоверение В.Ч.Р.К. разрешает товарищу Дурову право ареста всех подозрительных лиц по его усмотрению для немедленного препровождения в группу дознания В.Ч.Р.К. Дзержинский».

После революции подобные мандаты выдавались «особо надежным гражданам», а в наши дни мои поклонники сделали ксерокопию с документа и вклеили его фотографию...

Звездный журнал

Где есть малейшая возможность пошалить и похулиганить, я тут как тут. Розыгрыш – моя стихия.

Как-то на улице встретил артиста Бориса Химичева и полчаса ему очень серьезно объяснял, что затеял издание нового журнала о кино и театре, и просил Химичева войти в редколлегию. Детально объяснял концепцию нового журнала, описывал обложку, называл авторов, которые уже согласились участвовать в работе. И, наконец, когда Химичев уже был готов, только не знал, как задать решающий вопрос: «Сколько будут платить?», и задал пока другой: «А как будет называться журнал?» я небрежно так ответил: «Звезды и п...ды».

Борис потом сетовал, что битый час позволял себя так дурачить.

В очереди

Я всегда сам хожу в магазин за продуктами. Однажды стою в очереди, поворачивается женщина: «Ой, а вы что, как все, стоите в очереди?» Я ей отвечаю: «Да, видите ли, наш магазин в Спасской башне Кремля. Но там ремонт...»

Не умеешь, не берись!

К выпивке отношусь нормально, и принять могу изрядно. Дело в том, что у меня такой организм: и похмелья нет, и голова не болит. По утрам не говорю: «Ой, надо бы сейчас пивка!» Меня никто никогда не видел пьяным. А если и видел, то только более жизнерадостным. И у меня все лучшие репетиции были после самых больших пьянок.

Однажды прихожу в театр, а один молодой актер еле шевелится. Я давай на него орать: «Ты что как сонная тетеря ходишь по сцене!» А он мне в ответ: «Лев Константинович, у меня вчера был творческий вечер в ВТО. Знаете, когда я заснул? В два часа ночи». «Стоп, – говорю я ему. – Скажи, пожалуйста, я – в форме?» «В форме», – отвечает он, ничего не понимая. «Так вот я заснул в 4 часа утра, перебив половину посуды, которую пытался вымыть после гостей». Он не верит. «Вечером будем играть спектакль с актером, – говорю я, – который вчера был у меня дома. Спроси у него. Если не умеешь пить, не берись».

Нужен ли актеру выходной?

Однажды в Ленинграде в цирковой гостинице я искал Юру Никулина и вдруг навстречу идет известный актер, пьяный, и говорит так горестно: «Дуров, скажи, зачем артисту дают выходной?» И поплелся мимо меня. Я понял, что артисту давать выходного нельзя. Он так смешно это сказал, что стало ясно: из-за выходного он превратился в свинью, а не дали бы, он бы сейчас спокойно работал.

Купание красного коня

Гера Мартынюк, в народе известный как полковник Знаменский, невероятно талантливо подшучивает.

Вот вам одна история. На одной из репетиций пьесы «Трибунал» Гера говорит: «Угадай, что это такое?» И из-за спины показывает мне стакан с водкой, в которой плавает красный шахматный конь: «Это же «Купание красного коня» Петрова-Водкина!»

Не торопись, Отелло

Я ревнив, как Отелло. Как-то моей жене достали очень редкое пальто. Французское, розового цвета, очень необычное. Однажды я ехал на троллейбусе и увидел ее одетую в это пальто и обнимающуюся в сквере с каким-то мужчиной.

Пока доехал, я оглох, у меня выступила пена на губах, лопались сосуды, в голове все крутилось. Я судорожно выбирал, какое оружие пустить в ход, я откручивал сопернику голову, вонзал в него кинжалы. Я постарел на несколько лет. Я думал: или я виноват, или она – похотливая кошка. Ватной рукой с дрожью нажал я на звонок, жена открыла мне дверь, и я понял, что в сквере была не она. Потом хохотали целый вечер.

Иногда идешь по улице и видишь не очень красивую женщину под ручку с великолепным мужиком. Или идет роскошная женщина, а рядом кто-то наподобие Дурова. И думаешь – каким образом они соединились? Как им удалось? Чем взяли? А спроси их об этом, они улыбнутся и все. Вообще человек привык к стереотипам, и когда они оказываются неправильными, это вызывает смех.

Балберка

Со студийных лет у меня есть неказистая вещица на вид, она тем не менее очень дорога для меня. Называется она балберка. Это такой толстый кусок пробки с дыркой посередине. И служит она всего-навсего поплавком на рыбачьих сетях.

Тогда я еще ухаживал за своей будущей женой, с которой мы учились в Школе-студии МХАТа. Но за ней ухаживали и другие. Предлагали и руку и сердце. Но она всем своим поклонникам всегда задавала один и тот же вопрос:

- А у тебя балберка есть?

- А что это такое - балберка? - в свою очередь спрашивали ее.

- Вот вы сначала спросите у Дурова, что такое балберка, - отвечала она, - а потом уж навязывайте мне свое внимание.

Ко мне подходили и спрашивали:

- Лева, что такое балберка?

- Это, ребята, - говорил я им, - очень сложно объяснить. Наверное, я не смогу.

- Ну скажи! Вон Кириченко говорит, что у нас ни у кого нет, только у тебя у одного есть балберка.

- Так, значит, - говорю, - пусть эта тайна и останется между нами. Вот когда у вас будут свои балберки, тогда и будете пользоваться вниманием у дам.

Всего-то кусок пробки. Казалось бы, ну что в нем? А это как посмотреть...

Настоящий англичанин

Лондон - необыкновенный город. Для меня он почему-то серебряного цвета. И сочетание старины и современности - англичане это ловко делают - не коробит. А в лондонцах столько достоинства! Какие они все вежливые, интеллигентные эти англичане...

Однажды мы гуляли с женой по Лондону, восхищались архитектурой: театр «Глобус» отреставрированный, Вестминстерский мост. А по мосту идет огромный мужчина в ярко-оранжевом строительном комбинезоне и в красивой оранжевой каске. Жена говорит: «Вот настоящий английский рабочий». А он, проходя рядом, сказал в свой мобильный телефон: «Мать твою, Коля! Ну забей гвоздями, падла!» И долго-долго говорил слова! Мы потом хохотали до слез!

Находчивые суфлеры

Существовала раньше такая ныне утраченная театральная профессия, как суфлеры. Обычно это были старики, которых обожали и никогда не увольняли ни за какие провинности.

* * *

Во МХАТе был такой старенький суфлер Палыч, который подсказывал всем – и Тарасовой, и Грибову и Ливанову – все крупнейшие актеры МХАТа прошли через его «руки».

А на старости лет Палыч стал очень сильно выпивать и иногда даже задремывал в этой своей будке, или забывал подсказывать. Конечно, его не стали увольнять, но решили с ним бороться иначе. Его стали провожать в суфлерскую будку и, как бы полушутя, обыскивать. Заодно обыскивали и будку. Он, конечно же, не сопротивлялся. Потом его туда сажали и запирали. Но после антракта Палыч опять оказывался не совсем трезвым. Долго никто не мог понять, отчего это происходит.

Потом выяснилось, что Палыч оказался очень находчивым человеком. Он на занавесе, на внутренних углах, пришил два кармана. В один ставил бутылку, а в другой – стакан. И когда в антракте занавес закрывался, то перед запертым в будке Палычем оказывалось все необходимое. Он выпивал, а к концу антракта клал все обратно в карманы. Занавес открывался и спектакль продолжался дальше.

Потом совершенно случайно его поймали, но отдав должное его остроумию и сообразительности, в

очередной раз простили...

* * *

А вот в Большом театре однажды случилась беда. Князь Игорь обычно выезжает на сцену на лошади, которую конюх ведет под уздцы. Конечно, перед спектаклем коня не кормят и не поят, чтоб на сцене не случилось никаких казусов. А в этот раз что-то проморгали – то ли конюх не заметил, то ли конь был хитрее конюха. Как только коня вывели на сцену, в пол ударила струя довольно серьезного диаметра. Хор замер. Князь Игорь тоже замер. А эта пенистая река стала спускаться вниз – как раз в суфлерскую будку. Глаза суфлера вылезли из орбит, поскольку он понимал, что еще буквально секунда и он потонет в этом ручье. И когда до будки оставалось буквально сантиметров 30, появилась рука суфлера, указательным пальцем поймала конец ручья и направила его вдоль ramпы.

Князь Игорь запел и спектакль закончился с большим успехом.

Искусство перевоплощения

А теперь снова про себя. Я на гастроли в поезд никогда не беру ни спортивного костюма, ни тапочек. Меня всегда пугает такая картина – через пять минут после отхода поезда в коридоре появляется какая-то странная спортивная сборная очень пузатых мужиков.

Я очень давно играю спектакль «Афинские вечера» и часто езжу в одном купе с Ольгой Александровной Аросевой. И если ночью я решал прогуляться, то надевал ее красивые, расшитые золотом тапочки, снимал с вешалки ее халат, тоже надевал его на себя и тихо-тихо пробирался по коридору.

Однажды, когда Ольга Александровна утром пошла в туалет умываться, то услышала себе вслед такую реплику: «Ну надо же, в парике такая красивая, такая изящная, а ночью ты б ее видела! Лысая, ножки тоненькие! Ну что ты хочешь, актриса. Преображается».

Это - наши!!

Меня очень уважают в Израиле, я бывал там шесть раз! Последний раз читал стихи в маленьком городке Ашдот. Иду по нему, за мной две женщины, одна из них - пожилая, с деревенским лицом, вторая - молодая, катит перед собой коляску. Поравнялись со мной, молодая говорит старой: «Мама, тебе не кажется, что это - Дуров?» А та - ей: «Нет, это не Дуров. Что Дурову в этом дерьме делать?» - имея в виду свой маленький, пыльный город. Я понял: ага, это - наши!

Какой год служишь?

В Израиле во время съемок «Мастера и Маргариты» случилась смешная история. Мы снимали сцену в пустыне, у самой иорданской границы. И вдруг появляется огромный военный вертолет и ну кружить над нами. А минут через двадцать съемочную площадку оцепляют джипы, выскакивают военные. Начинают выяснять, кто мы такие, переговариваются с нашими израильскими коллегами на иврите. А я своим и говорю: «Ребята, вон тот офицер – точно из советских. Плохой я артист, никакой не психолог, если не угадал». Подхожу тихонечко к офицеру со спины и спрашиваю: «Какой год служишь?» А он без запинки: «Третий». И только тут обернулся: «Ну, Дуров, как ты меня расколел! Может, и чин назовешь?» «Майор, – отвечаю. – И у нас служил майором». Глаза у офицера от удивления стали квадратные. А все дело в том, что только наш офицер может стоять навтыяжку перед расхлябанным израильским солдатом.

Иду и слышу

Иду гулять к морю, слышу: «Изя, Изя!». Стоит женщина, ее сынок неподалеку, копается в песке. «Изя, ты видишь, идет Дуров? Иди подойди, дай ему руку!» Подходит малыш, протягивает ручонку: «Изя». Я протягиваю руку в ответ: Лева. Подходит Изина мама: «Будешь рассказывать о нем внукам. Его скоро не будет». Изя спрашивает: «Он что, уедет?». Мама: «Умрет!».

Ну что тут поделаешь?..

Вот так попался!

Однажды, в день моего рождения, раздается телефонный звонок из отдела международных перевозок, и мне сообщают, что пришла посылка из Германии. Вслед за звонком приходит красивый бородатый человек в очках, приносит посылку. Я за нее как положено расписываюсь, вскрываю коробку – там французские консервы, какая-то цифровая шифровка и подпись «За грешные писки». Я понимаю, что так переиначено название моей книжки «Грешные записки». На коробке обратный адрес: «Германия. Бабельсберг, доктор Бользен». Мне жена говорит: «Доктор Бользен – это же Штирлиц». Я думаю: «Ну, хорошо, разыграл меня кто-то в Германии. Но кто?». А в это время мне звонят, поздравляют, и среди всех – мой знакомый полковник. Я ему про подарок рассказываю, а он мне: «Ты только ничего не трогай, я завтра утром рано приеду, посмотрим». Назавтра приезжает, все внимательно рассматривает, мы берем мою книжку с полки и на огромном джипе с фонарями куда-то едем. Там такие жуткие ворота, везде люди в форме нам козыряют. Проходим в огромную комнату с шикарной мебелью, мой приятель вызывает еще двух полковников. Кто-то говорит: «Здесь шифровка, скорее всего, по вашей книжке, нужен шифровальщик». Вызывают еще одного полковника. И вот уже все вместе колдуют над шифром и моей книжкой. Потом говорят: «Тут написано: «Зачем вы раньше времени закончили гастроли в Германии? Слово сдержал. Консервы прислал. Штирлиц». А вот эта цифра, длинная, в конце три нуля, но они в любой шифровке отбрасываются». Когда нули отбросили, оказалось, что это московский номер телефона. Меня тут же попросили по нему

позвонить. Я звоню, и детский голос мне отвечает, что из взрослых недавно был папа, но он куда-то уехал с дядей Лево́й Дуровым, и называет имя моего приятеля, а тот напротив сидит и улыбается. Оказалось, что я нахожусь в СОБРе, в самом его центре. Вот так попался! Но когда четыре полковника сидят, тихо о чем-то говорят, что-то приносят, расшифровывают, уносят, все таинственно, на полном серьезе, то, естественно, начинаешь во все это верить. А как они играли! Артисты! Какая подготовка была! Один сутки искал французские консервы, другой шифровку составлял.

Артист и свобода

Есть в нашей профессии и рабство – от режиссера, от драматурга, но, в то же время, есть и, возможно и иллюзорное, ощущение свободы. Вам не нужно каждый день мчаться куда-то к восьми утра и долбиться на службе от звонка до звонка. В крайнем случае, вы всегда можете позвонить, что, мол, я плохо себя чувствую и не буду сегодня в театре... А главное, мы всегда можем кого угодно послать куда угодно. Когда артист попадает в какую-то официозную компанию, он явственно чувствует, как ему завидуют.

Владимир Владимирович Путин награждал меня.
Говорит:

– Мы вас очень любим. Все.

Я говорю:

– А вас не все.

Он:

– А я знаю.

«Туда» и обратно

Больше всего на свете боюсь болезни. Я прошел через это, и мне больше всего на свете не хотелось бы стать обузой самому себе и окружающим. Я «там» был, врачи знают. И скажу, что ничего страшного нет – «туда» уходить. Просто этот мир становится тебе совершенно безразличным, вот и все. Как вышел оттуда? Думаю, что благодаря воле. У меня случился тяжелый инсульт. К сожалению, многие мои коллеги с гораздо меньшими потерями, чем у меня при этой болезни, не выкарабкивались. А мне зять жердочку дал, и я просто заставлял себя не трусить: или умру, или выкарабкаюсь. Заново учился ходить, говорить. И на десятый день доснялся в картине, сбежав из больницы, ничего не видя, не понимая, где право, где лево. И вот, тьфу, тьфу, тьфу, – семь лет уже функционирую. Две книжки написал, спектакли поставил, в картинах снялся.

Я знаю человека, который силой своей воли рак уничтожил. Он заставил врачей сказать ему точный диагноз. Спросил, сколько ему осталось жить. Ему сказали: «Два месяца». Он ответил: «Вот вам... и вот ему...» Продолжал курить и в течение дня несколько раз материл свой рак: «Я – бывший летчик, и ты меня, сволочь, не сломаешь. Ничего у тебя не выйдет». Через два месяца приходит к врачам: «Давайте ваши сраные анализы, ваш рентген. И смотрите: нет у меня ничего». Они сунулись, а там, где было раковое яйцо, – зарубцевавшаяся рана и никаких метастазов. Так что воля в человеке – это очень важно.

Встать! Смирно!

Когда происходит что-то некрасивое, несправедливое и хамское, – я очень агрессивный человек. Сам никогда не начинаю. Но если зацепят, тогда, ребята, не обессудьте, вы сами предложили мне на ринг выйти. И если я вам плюхну, а вы сели – пожалуйста, не жалуйтесь. Вот знаете, я в театр отсюда иногда на троллейбусе езжу, машину водить сейчас не могу из-за зрения. А напротив нас академия военная. И едут курсанты: молодые, здоровые. Женщины стоят, старухи стоят, дети – эти сидят. Причем фуражки на глаза – дремлют, мол. Я стою-стою. А потом как рявкну: «Будущие господа офицеры! Встать! Смир-р-рно!» Они вскакивают. «В вашей академии мазурку танцевать учат. А уступать женщинам и детям не учат? Не стыдно вам, лбы громадные?!»

Ну они на Садовке, когда им еще не нужно, и вылетают все.

Не боги горшки обжигают

Однажды лукавый ввел меня в соблазн поэтического творчества. Схлестнулся я как-то в Доме журналистов с Владимиром Вишневым, который пишет потрясающие одностишия, и так, без обиды, по-товарищески говорю:

- А я тоже могу!

А он мне:

- Ой-ой-ой!

- Ну давай, - говорю, - любую тему.

- Ну, война, - предлагает он мне.

- Пожалуйста, - говорю. - «Я вскинул автомат, а он быстрее», «Схватился за “наган” и тут же вспомнил», «Война: добыча цинка возрастает». Хватит или еще?

- Да-а...

Чувствую, начинает относиться ко мне более серьезно.

- А про правительство можешь? - спрашивает.

- Пожалуйста: «Уж раз вы президент, так воздержитесь».

- Ну, а про себя?

- Пожалуйста: «Никто ко мне не ходит на могилу», «Я негодяй, но вас предупреждали!»

- Да ты и правда негодяй! Можно, я твои напечатаю как свои?

- Валяй!

Совсем не собирался срывать с головы гения лавровый венок. Меня вполне устраивает собственный головной убор: он хотя бы не бросается прохожим в глаза. Просто после моральной поддержки художника и признания поэтом моего поэтического дарования я в полной мере осознал всю справедливость народной мудрости «не боги горшки обжигают».

Уникальный автограф

Видимо, у меня внешность такая обычная, мужицкая, простецкая, что ли. Но если уж узнают, автографы, конечно же, даю. Причем где только мне не приходилось расписываться! Даже, извините, на туалетной бумаге. Но чаще всего автографы даю на билетах. Желаю всего наилучшего. Меня однажды поклонница обвинила: «А вы в прошлый раз мне уже такое написали!» Я рассмеялся и написал: «Здравствуй, попа, Новый год. С Первым мая!». Поклонница очень обрадовалась. Еще бы: такого автографа больше ни у кого нет.

Компьютерные дети

Я рос во дворе. А сейчас компьютеры. Толстой однажды взревел: «Прогресс? Скажите, как можно усовершенствовать ужас? Он станет еще ужасней?».

Детство теперешних ребят от нашего детства сильно отличается. Таких игр, как «чижик», «штандер», «казаки-разбойники», «жеска», «отмеряла», «двенадцать палочек», «пристеночек» нет вообще! Они исчезли, эти наивные, симпатичные дворовые игры.

У меня сейчас такое ощущение, что все дети сели за компьютеры, уткнулись в видики и телики и скоро совсем обезножат. И родители еще хвастают: «Ах, мой сынок уже овладел компьютером! Ах, моя внучка уже файлом по факсу!..» И не понимают, что прикованность к компьютеру лишает ребенка детства. И не понимают того, что их сынкам и внучкам прежде всего нужно овладеть своим телом, а не этими электронными железками. Не следует забывать, что прежде чем стать гениальным ученым на века, Аристотель был чемпионом Олимпийских игр. И если наши дети научатся только нажимать на кнопки и глазеть в яркие экраны, то мы получим поколение с атрофированными ногами и отвисшими животами – этаких гофмановских крошек Цахесов.

Совсем не пытаюсь напугать кого-то этими «пророчествами». Ведь не я же сказал: «в здоровом теле здоровый дух». Я просто подумал о том, что какими бы ни были жестокими наши детские игры, они могут показаться шалостью по отношению к нынешним интеллектуальным забавам. Это может обернуться жестокостью по отношению к самим себе.

Мой внук рассказывал, как он занимался в компьютерном зале. Пришла тетя Нюся, уборщица, и

сказала:

«Ну, недоумки, сидите, тыкаете пальцем, ходить вы уже давно разучились, скоро ведь и думать разучитесь! Скоро и хлебать-то будете, как собаки из миски: у вас и руки-то атрофируются! Будете смотреть в этот экран, и у вас только один палец будет работать указательный, которым вы тыкаете, больше ничего у вас не останется».

Лева, ты давно уже умер!

- Много лет назад нам с актером Георгием Жженовым не достались авиабилеты до Донецка, где мы должны были сниматься.

Делать было нечего, купили купейные билеты на поезд. Только мы с Жорой разложили вещи, только достали «чекушечку», чтоб сгладить неприятное и долгое путешествие, как к нам в купе зашел молодой человек. Он не стал лукавить и признался заслуженным артистам, что является сотрудником госбезопасности СССР. Под его присмотром из Москвы ехала на Украину некая Лидия Михайловна. Она была известна в те годы тем, что, когда работала крановщицей на стройке, в ее кабину долбанула молния. С тех пор Лида видела человека насквозь, могла рассказать многие подробности прошедшей жизни и предсказать будущие события. Именно эта женщина увидела нас с Жорой на платформе вокзала и высказала желание своему спутнику пообщаться с нами. Мы, разумеется, согласились, ведь в одно время про эту ясновидящую все газеты писали. И вот заходит к нам в купе грузная женщина лет сорока, с золотыми зубами, хищной улыбкой и огромными руками. Без колебаний она рассказала Жоре, что у него зарубцованная язва. Что в лагере, где он сидел, у него неоднократно шла кровь изо рта из-за цинги, что у него столько-то детей и столько-то денег в Сбербанке. В общем, разложила по полочкам его жизнь так, что Жора аж испугался. В итоге она успокоила его тем, что предсказала ему естественную смерть в глубокой старости. Когда очередь дошла до меня, она взяла мою руку в свою и... просидела так минут пять. Потом стала рассказывать. Все переломы пересчитала, у меня их двадцать три.

Потом говорит: «Скажи, год назад ты был на грани смертельного исхода?» – «Да». Она: «Автомобиль?». Я: «Нет, лошадь. Во время съемок на меня лошадь завалилась». Она: «Вообще-то тебя нет, ты умер, у тебя точка смерти совсем сформировалась. У тебя не сердце, а ежик! Вообще-то ты должен был уже давно умереть, у тебя все сердце покрыто следами микроинфарктов! Ты знаешь, сколько у тебя инфарктов?» И назвала какую-то чудовищную цифру. Она говорит: «Ты – псих?» Я ответил: «Да». Она сказала: «Тебе повезло!..»

Раз я уже умер – так чего мне теперь бояться?

Лебединая песнь

Один из впоследствии крупных русских дрессировщиков начал свою карьеру с единственной лошадью. Это была потрясающе умная лошадь! С ней он разбогател, заимел прекрасную конюшню, но со старой лошадью никогда не расставался и повсюду возил ее с собой. У нее было свое стойло, где она, чтобы не потерять мастерство, постоянно перебирала ногами и кивала всем проходящим своей умной головой.

Как-то ночью рабочий услышал на манеже странный шум. Он выглянул из-за кулис и увидел старую лошадь, которая плясала в пустом цирке и дарила на все стороны поклоны. Рабочий позвал дрессировщика. Тот вышел на арену, сказал своей старой подруге соответствующие торжественные слова – и увел за кулисы.

А потом и дрессировщик, и лошадь долго плакали, прижавшись друг к другу.

– Вот, – шептал дрессировщик на ухо лошади, – вот и я скоро так же буду взбрыкивать ногами...

Не бойтесь морщин

Возраста я не боюсь. У меня примерно тот же взгляд на него, что и у великой Анны Маньяни. Когда к ней пришел фотограф с ее фотографиями, Анна долго рассматривала их, потом разорвала и сказала: «Подлец! А где морщины? Я на них потратила 55 лет, а ты их убрал! Переделывай!».

Петь, чтобы не выть

Чего мне комплексовать по поводу своего возраста, когда он мне идет? Я играл молодые роли, когда был мальчиком. Но я ведь и стариков играл еще в молодости. Видимо, был хитрым и уже готовился. У итальянцев есть замечательная поэтическая поговорка, которую часто вспоминаю: «Стариков надо убивать в детстве». Вроде звучит ужасно, но это о том, что нельзя становиться стариком даже в семьдесят пять. Нельзя!!! Нельзя стареть, нужно сохранять детский взгляд на жизнь и до конца дней смотреть на мир открытыми глазами. Именно когда сопротивляешься старению, рождаются мальчишеско-залихватские идеи, и неожиданными поступками продлеваешь себе жизнь.

Трава зеленая, солнце светит. Все - ты пацан! Иди в театр и радуйся. Мы утром просыпаемся и, обратите внимание: как себя ведем? Начинаем жаловаться на жару. Или на дождь. Армяне с утра озабочены: затянут ли Арарат облаками, а у нас, русских, Арарата нет, но забота одна - погода.

У меня свой способ настраиваться по утрам. Сначала уныло, самым низким голосом себе под нос, опустив голову, произносите: «Какая погода... какие цены... какое правительство... какой бандитизм... Ужас!». А потом встаете в центре комнаты, высоко поднимаете голову и руки и скажите самым высоким голосом, непременно с восхищением: «Ну, какая погода! Ну, какое правительство! Ну, какие бандиты!». Вы сразу же почувствуете прилив бодрости! И советую больше петь. Я лично хожу по театру, и все время пою себе под нос. Меня вахтер спрашивает: «Почему вы все время поете?» А я отвечаю: «А чтобы не выть!»

И смех и грех

Всякие истории и байки травят не только актеры. Но я что-то не слышал, чтобы в каком-нибудь ЖЭКе или НИИ существовала Академия травильщиков. Нам, актерам, сама профессия велит постоянно играть: выдумывать этюды, произносить монологи, фантазировать или, лучше сказать, импровизировать. Это своего рода тренировка профессиональных навыков.

Мы травим в компаниях, в дружеских беседах, да везде, где собираемся больше одного: один рассказчик, один слушатель, и этого вполне достаточно. Я рассказывал многим о многом. И вдруг увидел, что мои рассказы возвращаются ко мне в газетных и журнальных публикациях, в пересказах других людей, но в искаженном виде – совсем не в том, как рассказывал я. Иной раз я их просто не узнавал.

И это тоже одна из причин, по которой я решил написать книгу: пусть все-таки будет хоть первоисточник, так сказать, канонический текст.

Один мой рассказ, под названием «Судьба», использовал даже мой друг Миша Евдокимов. Правда, в отличие от других, он не приписывал себе авторство, а всегда честно говорил:

– Так мне рассказал Дуров.

Эту историю, случившуюся с бабой Клавой, можно смело отнести к трагикомическому жанру.

Когда я жил на Филевском парке, то часто выходил туда гулять с маленькой дочкой Катей. Там все друг друга знали, раскланивались, хвалили чужих детей – все, как и положено. И была там баба Клава, которая гуляла с внуком. Это была умная, необычайно полная

женщина. Она жила в соседнем доме, который стоял перпендикулярно нашему.

И вот выхожу я как-то из дома и вижу: стоит на табуретках гроб, а вокруг маленькая толпичка людей. Я подошел поближе, смотрю – в гробу лежит баба Клава. Обычай такой: ставят во дворе гроб, чтобы все знакомые могли проститься с покойником. Узнаю всех бабушек, с которыми она сидела на скамейке у подъезда и гуляла по парку.

Я простился с бабой Клавой и обернулся к мужчине, который стоял рядом.

– Жалко, – говорю. – Что с ней было-то – сердце?

– Да нет, – отвечает, – внук за жопу укусил.

И тут я вижу – на углу дома, в кустах, стоит толпа. Я думал, люди в ней рыдают, а они хохочут. Мне это показалось странным и я подошел поближе. Гляжу, мужики слезы вытирают.

– В чем дело? – спрашиваю.

– Ну, вам, видно, уже сказали...

– Сказали, – говорю, – но что-то странное.

И тогда мне один мужик пояснил:

– Ну, у нас, как и у вас, коридорчики совсем узенькие, и в туалет не сразу влезешь. А баба Клава-то женщина была полная. И чтобы протиснуться, она сперва принимала подготовительную позу, а потом уже задом входила в туалет. Вот она приготовила свою позу и не заметила, что на унитаза сидел ее внук. И когда он увидел, что на него надвигается что-то большое и страшное, он испугался и с перепугу укусил бабу Клаву за задницу. А уж бабу Клаву, тоже от испуга, хватил инфаркт, и она тут же скончалась.

Вот уж действительно: и смех и грех. И вот живет теперь вместе с нами этот внук-убийца, которому, конечно же, не рассказали, что его родная бабушка скончалась от его зубов. Здесь Евдокимов добавлял от

себя замечательную реплику: «Видишь, укусил вон куда, а отдалось где? Судьба...».

Приложение

Роли Льва Дурова в театре

А. Иванов «**Жениха вызывали, девочки?**»

Комедия.

Жених.

И. Нестрой «**Кавалер роз**»

Комическая фантазия по мотивам произведений И. Нестроя.

Макс Глюк.

П. Гладилин «**Вышел ангел из тумана**»

Трагикомедия в 2-х действиях. Московский академический театр сатиры.

Премьера – декабрь 2003 г.

Ангел.

А. Гельман. «**Профессионалы победы**»

Комедия-трагедия в 2-х действиях. Московский новый драматический театр.

Премьера – сентябрь 2002 г.

Миндлер.

Ф. Дюрренматт «**Метеор**»

Комедия в 2-х действиях. Театр на Малой Бронной.

Премьера – 23 декабря 2001 г.

Швиттер.

Б. Акунин «**Чайка**».

Конец комедии в жанре детектива. Театр «Школа современной пьесы».

Премьера – 26 апреля 2001 г.

Сорин.

Г. Фигерейдо «**Лиса и виноград**»

Комедия в 2-действиях. Театр на Малой Бронной.

Премьера – 4 апреля 2000 г.

Эзоп.

А.П. Чехов. «**Чайка**»

Пьеса в 2-х частях. Театр «Школа современной пьесы».

Премьера – 24 октября 1999 г.

Сорин.

П. Гладилин «**Афинские вечера**»

Комедия в 2-х действиях. Театральная ассамблея Петра Гладилина.

Премьера – 16 декабря 1998 г.

Борис Олегович.

М. Сервантес «**С приветом, Дон Кихот!**»

Диалоги, опера, балет, клоунада для драматических артистов. Театр «Школа современной пьесы».

Премьера – 1997 г.

С. Коковкин «**Миссис лев**»

Трагикомедия. Театр «Школа современной пьесы».

Премьера – 1 октября 1995 г.

Лев Толстой.

Ф.М. Достоевский «**Бесстыжая**»

Театральная версия С. Женовача по роману Ф.М. Достоевского «Идиот». Часть первая. Театр на Малой Бронной.

Премьера – 1995 г.

Генерал Иволгин.

Ф.М. Достоевский «**Рыцарь бедный**»

Театральная версия С. Женовача по роману Ф.М. Достоевского «Идиот». Часть вторая. Театр на Малой Бронной.

Премьера – 1995 г.

Генерал Иволгин.

Ф.М. Достоевский **«Русский свет»**

Театральная версия С. Женовача по роману Ф.М. Достоевского «Идиот». Часть третья. Театр на Малой Бронной.

Премьера – 1995 г.

Генерал Иволгин.

С.Злотников **«Все будет хорошо, как вы хотели».**

Триптих для двоих. Театр «Школа современной пьесы».

Премьера – 1993 г.

А. и Б.Стругацкие **«Жида города Питера, или Невеселые беседы при свечах»**

Комедия в 2-х действиях. Театр на Малой Бронной.

Премьера – 4 октября 1991 г.

Пинский.

«После бенефиса»

Сценическая фантазия по мотивам произведений А. Чехова и спектаклей А. Эфроса. Театр на Малой Бронной.

Премьера – 1989 г.

А. Буравский **«Левый мастер»**

Трагикомедия в 2-х действиях. Театр на Малой Бронной.

Премьера – 3 марта 1987 г.

Роман Карачун.

Ж. Ануй **«Оркестр»**
Драма-буфф в 2-х действиях. Театр на Малой
Бронной.

Премьера – 18 июня 1985 г.

Мсье Лебонз.

Б. Васильев **«Вы чьё, старичьё?»**
Народная комедия в 2-х действиях. Театр на Малой
Бронной.

Премьера – 1984 г.

Касьян Глушков.

Н. Саймон **«Весельчаки»**
Трагикомедия в 2-х действиях. Театр на Малой
Бронной.

Премьера – 12 мая 1982 г.

Вилли Кларк.

В. Балясный **«Дорога»**
Пьеса по поэме «Мёртвые души» и письмам Гоголя.
Театр на Малой Бронной.

Премьера – 1979 г.

Ноздрёв.

Э. Радзинский **«Продолжение Дон Жуана»**

Комедия. Театр на Малой Бронной.

Премьера – 1979 г.

Лепорелло.

М. Варфоломеев **«Занавески»**

Пьеса в 2-х действиях. Театр на Малой Бронной.

Премьера – 19 августа 1978 г.

Кузьма Ковригин.

В. Шекспир **«Отелло»**

Трагедия. Театр на Малой Бронной.

Премьера – 1976 г.
Яго.

Н.В. Гоголь **«Женитьба»**
Совершенно невероятное событие в 2-х действиях.
Театр на Малой Бронной.
Премьера – 1975 г.
Жевакин.

Я. Волчек. **«Снятый и назначенный»**
Пьеса в 2-х действиях. Театр на Малой Бронной.
Премьера – 1975 г.
Пожлаков.

Ж.Б. Мольер **«Дон Жуан»**
Комедия. Театр на Малой Бронной.
Премьера – 1973 г.
Сганарель.

В. Розов **«Брат Алёша»**
Пьеса в 2-х частях по мотивам романа Ф.М.
Достоевского «Братья Карамазовы». Театр на Малой
Бронной.
Премьера – 1972 г.
Штабс-капитан Снегирёв.

А. Макаёнок **«Трибунал»**
Трагикомедия в 2-х частях. Театр на Малой Бронной.
Премьера – 1970 г.
Терешко.

В. Шекспир **«Ромео и Джульетта»**
Спектакль в 3-х действиях. Театр на Малой Бронной.
Премьера – 1970 г.
Тибальд.

А. Арбузов **«Счастливые дни несчастливового человека»**

Притча для театра в 2-х частях. Театр на Малой Бронной.

Премьера – 1969 г.

Второй в хоре.

В. Шекспир **«Как вам это понравится»**

Комедия в 3-х действиях. Театр на Малой Бронной.

Премьера – 1969 г.

Фредерик.

А.П. Чехов **«Три сестры»**

Драма в 4-х действиях. Театр на Малой Бронной.

Премьера – 1967 г.

Чебутыкин.

А.П. Чехов. **«Чайка».**

Комедия в 4-х действиях. Театр Ленком.

Премьера – 1966 г.

Медведенко.

М. Булгаков **«Мольер»**

Пьеса в 2-х действиях. Театр Ленком.

Премьера – 1966 г.

Бутон.

Б. Брехт **«Что тот солдат, что этот»**

Представление в 2-х частях. Театр Ленком.

Премьера – 1965 г.

Гели Гэй.

Э. Радзинский **«Снимается кино»**

Пьеса в 2-х действиях. Театр Ленком.

Премьера – 1965 г.

Юра.

Б. Балтер, В. Токарев «**До свидания, мальчики**»
Лирическая драма в 2-х частях. Театр Ленком.
Дворник.

Э. Радзинский «**104 страницы про любовь**»
Пьеса в 2-х частях. Театр Ленком.
Премьера -1964 г.
Веселый гражданин.

Н.В. Гоголь «**Женитьба**»
Комедия в 2-х действиях. Центральный детский
театр.
Премьера - 1963 г.
Степан, слуга Подколёсина.

В. Катаев «**Белеет парус одинокий**»
Пьеса в 2-х действиях. Центральный детский театр.
Премьера - 6 ноября 1963 г.
Петрушечник.

В. Катаев «**Цветик-семицветик**»
Сказка-феерия в 2-х действиях. Центральный
детский театр.
Премьера - 1962 г.
Говорящая тучка.

Г. Карпенко «**Пристань "Кувшинка"**»
Пьеса в 3-х действиях. Центральный детский театр.
Премьера —30 июня 1962 г.
Алексей Левашов.

А. Рыбаков «**Приключения Кроша**»
Пьеса в 2-х действиях. Центральный детский театр.
Премьера - 12 июня 1961 г.
Вадим.

Н. Гусева «**Рамаяна**»

Пьеса в 2-х действиях (по древнеиндийскому эпосу).
Центральный детский театр.
Премьера – 29 ноября 1960 г.
Один из сугривов.

В. Розов «**Неравный бой**»

Комедия в 2-х действиях. Центральный детский театр.
Премьера – 5 марта 1960 г.
Никита.

Мэксин Вуд «**На улице Уитмена**»

Пьеса в 2-х действиях. Центральный детский театр.
Премьера – 20 марта 1959 г.
Оуэн.

А.Н. Толстой «**Золотой ключик**»

Сказка в 3-х действиях. Центральный детский театр.
Премьера – 27 октября 1959 г.
Пудель Артемон.

В.Н. Коростылёв «**Золотое сердце**»

Сказка в 2-х половинах. Центральный детский театр.
Подземный огонь.

Ю. Гутин «**Торпедный катер 230**»

Пьеса в 3-х действиях. Центральный детский театр.
Премьера – 27 июня 1958 г.
Матрос Лопаткин.

Жэн Дэ-яо «**Волшебный цветок**»

Китайская сказка в 3-х действиях. Центральный детский театр.

Премьера – 20 марта 1958 г.
Репей.

В. Стоенеску, О. Сава «**Ноль по поведению**»
Комедия в 3-х действиях. Центральный детский театр.

Премьера – 19 июня 1958 г.
Нику Думитран.

В.С. Розов «**В поисках радости**»
Комедия в 2-х действиях. Центральный детский театр.

Премьера – 1957 г.
Геннадий Лапшин.

Е. Успенская, Л. Ошанин «**Я тебя найду**»
Пьеса в 4-х действиях, 9 картинах. Центральный детский театр.

Премьера – 15 июня 1957 г.
Гриша Ремешков.

М. Светлов «**Сказка**»
Пьеса в 4-х действиях. Центральный детский театр.
Премьера – 25 сентября 1957 г.
Виктор.

А.С. Пушкин «**Борис Годунов**»
Трагедия. Центральный детский театр.
Премьера – 28 апреля 1957 г.
Царевич Фёдор.

А. Зак, И. Кузнецов «**Сказка о сказках**»
Пьеса в 3-х действиях. Центральный детский театр.
Премьера – 1956 г.
Депо в сказке «Орех и верёвочка».

М. Светлов **«Двадцать лет спустя»**
Драматическая поэма в 4-х действиях и 9 картинах.
Центральный детский театр.
Премьера – 5 ноября 1956 г.
Сашка.

А. Гайдар **«Судьба Барабанщика»**
Пьеса в 4-х действиях, 9 картинах. Центральный
детский театр.
Премьера – 25 марта 1956 г.
Юрка Ковякин.

Н. Погодин. **«Мы втроем поехали на целину»**
Героическая комедия в 4-х действиях. Центральный
детский театр.
Премьера – 5 ноября 1955 г.
Мальчишка.

С. Богомазов, З. Потапова **«Приключения
Чиполлино»**
Пьеса в 4-х действиях. Центральный детский театр.
Премьера – 21 мая 1955 г.
Чеснок-тюремщик.

В. Розов **«В добрый час»**
Комедия в 3-х действиях. Центральный детский
театр.
Премьера – 1954 г.
Афанасий Кабанов.

А. М. Горький **«Егор Булычов и другие»**
Сцены. Дипломный спектакль IV курса актерского
факультета.
Школа-студия МХАТ.
Апрель 1954 г.
Трубач.

А. В. Цессарский «**Иван Груздев**»
Комедия. Дипломный спектакль IV курса актерского факультета.

Школа-студия МХАТ.

Апрель 1954 г.

Степан.

К. Симонов «**Так и будет**».
Дипломный спектакль IV курса актерского факультета. Школа-студия МХАТ.

Апрель 1954 г.

Вася Каретников.

Режиссерские постановки

В. Жеребцов **«Приглашение в партер»**

Театр на Малой Бронной.

Премьера – 2004 г.

С.А. Найдёнов **«Дети?!»**

Драма. Спектакль в 2-х действиях по пьесе «Дети Ванюшина».

Театр на Малой Бронной.

Премьера – 2003 г.

Гильерме Фигейредо. **«Лиса и виноград (Эзоп)»**

Комедия в 2-х действиях. Театр на Малой Бронной.

Премьера – 4 апреля 2000 г.

Н. Воронов **«Страсти по Торчалову»**

Комедия. Театр на Малой Бронной.

Премьера – 1997 г.

Л. Малюгин **«Дорога в Нью-Йорк»**

Музыкальная комедия в 2-х действиях. По киносценарию Р. Рискина «Ночной автобус». Театр на Малой Бронной.

Премьера – 27 апреля 1996 г.

Н. Коляда **«Полонез Огинского»**

Театр на Малой Бронной.

Премьера – 1994 г.

А.Н. Островский. **«Лес»**

Комедия в 2-х действиях. Театр на Малой Бронной.

Премьера – 13 ноября 1992 г.

А. и Б.Стругацкие «Жиды города Питера, или Невесёлые беседы при свечах»

Комедия в 2-х действиях. Театр на Малой Бронной.
Премьера – 1991 г.

«После бенефиса»

Сценическая фантазия по мотивам произведений А.Чехова и спектаклей Анатолия Эфроса. Театр на Малой Бронной. Композиция и постановка Льва Дурова.
Премьера – 1989 г.

С. Алёшин «Ксантиппа и этот, как его...»

Трагикомедия в 2-х действиях. Театр на Малой Бронной.
Премьера – 1988 г.

А. Буравский «Левый мастер»

Трагикомедия в 2-х действиях. Театр на Малой Бронной.
Премьера – 3 марта 1987 г.

Ж. Ануй «Оркестр»

Драма-буфф в 2-х действиях. Театр на Малой Бронной.
Премьера – 18 июня 1985 г.

Л. Корсунский «Концерт по заявкам»

Театр на Малой Бронной.
Премьера – 1984 г.

Е. Шварц «Золушка»

Сказка в 2-х действиях. Театр на Малой Бронной.
Премьера – 30 октября 1983 г.

Н. Саймон «Весельчаки»

Трагикомедия в 2-х действиях. Театр на Малой Бронной.

Постановка Константина Худякова и Льва Дурова.

Премьера – 12 мая 1982 г.

А. Хмелик «**А все-таки она вертится**»

Театр на Малой Бронной.

Премьера – 1981 г.

А. Арбузов «**Жестокие игры**»

Драматические сцены в 2-х частях. Театр на Малой Бронной.

Премьера – 1979 г.

М. Варфоломеев «**Занавески**»

Пьеса в 2-х действиях. Театр на Малой Бронной.

Премьера – 1978 г.

Н. Думбадзе «**Обвинительное заключение**»

Пьеса в 2-х действиях. Театр на Малой Бронной.

Премьера – 1977 г.

Я. Волчек «**Снятый и назначенный**»

Пьеса в 2-х действиях. Театр на Малой Бронной.
Постановка А. Эфроса и Л. Дурова.

Премьера – 1975 г.

В. Шекспир «**Ромео и Джульетта**»

Спектакль в 3-х действиях. Театр на Малой Бронной.
Постановка А. Эфроса. Режиссер – Л.К. Дуров.

Премьера – 1970 г.

А. Макаёнок «**Трибунал**»

Трагикомедия в 2-х частях. Театр на Малой Бронной.
Постановка А.Л. Дунаева и Л.К. Дурова.

Премьера – 1970 г.

А. Корнейчук **«Платон Кречет»**

Театр на Малой Бронной. Постановка А. Эфроса.
Режиссер – Лев Дуров.
Премьера – 1968 г.

А.П. Чехов **«Три сестры»**

Драма в 4-х действиях. Театр на Малой Бронной.
Постановка – А. Эфроса. Режиссер – Л.К. Дуров.
Премьера – 1967 г.

М. Булгаков **«Мольер»**

Пьеса в 2-х действиях. Театр Ленком. Постановка
А.В. Эфроса.
Режиссер – Л.К. Дуров.
Премьера – 1966 г.

Б. Брехт **«Страх и отчаяние в третьей империи»**

Сцены в 2-х частях. Театр Ленком. Постановка С.Л.
Штейна и Л.К. Дурова.

Э. Радзинский **«Снимается кино»**

Пьеса в 2-х действиях. Театр Ленком. Постановка –
А.В. Эфроса.
Режиссер – Л.К. Дуров.
Премьера – 1965 г.

С. Алёшин **«Каждому своё»**

Героическая драма в 2-х действиях. Театр Ленком.
Постановка —
А.В. Эфроса и Л.К. Дурова.
Премьера – 1965 г.

В. Розов **«В день свадьбы»**

Драма в 2-х частях. Театр Ленком. Постановка А.В.
Эфроса. Режиссер – Л.К. Дуров.

Премьера – 1964 г.

Н. Долинина **«Они и мы»**

Пьеса в 3-х действиях. Центральный детский театр. Постановка А.В. Эфроса. Режиссеры – З.А. Сажин и Л.К. Дуров.

Премьера – 1964 г.

В.Розов **«Перед ужином»**

Комедия в 2-х действиях. Центральный детский театр. Постановка А.В. Эфроса. Ассистент режиссера – Л.К. Дуров.

Премьера – 1962 г.

В. Катаев **«Цветик-семицветик»**

Сказка-феерия в 2-х действиях. Центральный детский театр. Постановка А.В. Эфроса. Ассистент режиссера – Л.К. Дуров.

Премьера – 1962 г.

Н. Ивантер **«Бывшие мальчики»**

Пьеса в 3-х действиях. Центральный детский театр. Ассистент режиссера Л.К. Дуров.

Премьера – 1960 г.

А. Хмелик **«Друг мой, Колька!»**

Пьеса 2-х действиях. Драматическая студия Центрального детского театра. Постановка А.В. Эфроса. Ассистент режиссера – Л.К. Дуров.

Премьера – 1959 г.

Роли в кино и на ТВ

2008

«Неуд по любви»

Романтическая молодежная комедия.

Аватар-фильм.

«Синие ночи»

Телесериал.

«НТВ-КИНО»

Начальник пионерлагеря.

2007

«Ангел-хранитель»

Телесериал.

Украина.

«Парадокс». Комедия.

Кинокомпания «MasKa».

«В ожидании чуда».

Романтическая комедия.

Top Line Group.

«Вызов-2»

Сериал. Фильм третий «Жертва».

Компания Intra Communications совместно с телекомпанией «ЮГРА»

Тим Тимыч.

«Старики-полковники»

Телевизионный фильм.

«Путейцы»

Сериал. Приключения.

«BFG-МЕДИА»/ПЕРВЫЙ КАНАЛ.

2006

«Советская власть».

Документальный сериал.

Ассоциация «Наше кино»

Ведущий.

«Возвращение Тридцатого»

Остросюжетный сериал.

ЗАО «Кинокомпания «ВИКТОР и Я».

«Вий»

Мистический триллер. По повести Н.Гоголя.

Россия

Явтух.

«В ритме танго»

Мелодрама.

Россия.

2005

«Мошенники»

Авантюрные приключения.

Кинокомпания «Централ Партнершип».

«Оперативный псевдоним-2. Код возвращения»

Детективный сериал.
Президент-фильм
Профессор Брониславский.

«Осторожно, Задов, или Похождения прапорщика»

Комедийный сериал.
Телеканал СТС.

«Бриллианты для Джульетты»

Авантюрная комедия, сериал.
«Фаворит-Фильм»
Юрий Яковлевич.

«Последний бой майора Пугачева»

Военная драма. По мотивам произведений В. Шаламова.
Россия
Ярослав Матвеевич.

«Фитиль» № 37

Телевизионный сатирический журнал.
Сюжет «Незабываемый образ».

«Новый русский романс»

Приключенческий сериал.
СТС
Волков.

2004

«Ангел на дорогах»

Лирическая комедия. Сериал.
«Партнер+» по заказу «Централ Партнершип»

«Казино»

Авантюрная остросюжетная мелодрама.

Россия

Шулер.

«Москва. Центральный округ-2»

Детектив.

Т/к «Россия»

Репейников-старший.

«Полет аиста»

Комедия.

Т/к «Россия»

Дед Макар.

«Сармат»

Приключенческий сериал. По одноименному роману Александра Звягинцева.

Т/к «Россия»

Дед Сарматова.

«Весьегонская волчица»

Приключенческий фильм. По произведению Николая Воробьева.

Киностудия «Актуальный фильм»

Председатель.

«Команда «01». Огнеборцы»

Т/к «Россия»

Телевизионный сериал.

Евсей Николаевич.

2003

«Москва. Центральный округ»

Детектив.
Т/к «Россия»
Репейников-старший.

«Покаянная любовь»

Драма. По повести Л. Толстого «Дьявол».
Т/к «Россия»

«Оперативный псевдоним»

Детективный сериал по роману В. Корецкого.
Т/к «Россия»
Профессор Брониславский.

2002

«Иллюзия мечты»

Комедия.
Студия «Бэкфайр».

«За тридевять земель»

Детский фильм.
Т/к «Россия»

«Леди Мэр»

Сериал. Экранизация одноименного бестселлера Дарьи Истоминой.
Продолжение сериала «Леди Бомж» и «Леди Босс».
Т/к «Россия»
Фрол Щеколдин.

«Русские в городе ангелов»

Телевизионный сериал.
Т/к «Россия»
Старик.

2001

«Ералаш» № 145

Сюжет «Домовой».
Лев Константинович.

«Бандитский Петербург. Крах Антибиотика»

Детективный сериал. По роману А. Константинова.
Россия. «КИНОМОСТ», «Медиа-Стелс»
Кораблев.

2000

«Луной был полон сад»

Мелодрама.
Голос («Ленфильм»)/Шанс
Григорий Петрович.

«Короли»

Короткометражный фильм.
ARTEKS
Партизан.

«Афинские вечера»

Лирическая комедия. По одноименной пьесе Петра
Гладилина.
GOLD VISION (2-B).

1999

«Святой и грешный»

Комедия.
Ментор синема (Москва)/Премьер-фильм

Бог.

«Мужской характер, или Танго над пропастью-2»

Криминальная драма.

Россия—Молдова, PROFILM COMPANY

Марк Лукич.

«Опять надо жить»

Драма. По произведениям Андрея Платонова.

Россия, ДОНФИЛЬМ.

«Живой Пушкин»

Документально-игровой мини-сериал. По идее Леонида Парфенова и Алексея Пищулина. Фильм, созданный к 200-летнему юбилею А.С. Пушкина.

Россия, Телекомпания НТВ

Документальные свидетельства читает Лев Дуров.

«Поворот ключа»

Телесериал, криминальная мелодрама.

Россия, СТУДИЯ СПН/ТОРНАДО-ФИЛЬМ

Можжевелов.

«Транзит для дьявола»

Боевик, криминальный телесериал.

Россия, Киноцентр «Очаково»

Каравайцев.

«У Бога мертвых нет»

Христианский боевик.

Россия, «Конкордия».

«Не послать ли нам... Гонца?»

Социальная трагикомедия. По сюжету Валерия Чикова.

Россия, Театр Михаила Евдокимова
Яков.

«Дар божий»

Комедия.

Россия, «Конкордия»
Левушка.

«Сирота казанская»

Новогодняя лирическая комедия.

Россия, НТВ-Профит
Космонавт.

1997

«Ах, зачем эта ночь»

По мотивам произведений Леонида Андреева.
Россия.

«Танго над пропастью»

Криминальная драма.

Молдова—Россия—Болгария,
COMPANY/G.V.GROUP LTD. (Болгария)
Полковник и Марк Лукич.

PROFILM

«Не валяй дурака...»

Деревенская комедия.

Россия, Театр Михаила Евдокимова
Дед.

«Графиня де Монсоро»

Костюмированный исторический телесериал.

Россия, «ШАНС»
Мэтр Бернуйе.

«На заре туманной юности»

Биографический фильм, музыкально-поэтическая драма. По мотивам романа Владимира Кораблинова «Жизнь Кольцова».

Россия, РИТМ (кинокомпания «Мосфильм»)/АСЕ-ВИ-ДЕО.

«Вальс-бостон»

Музыкальный фильм по песням А. Розенбаума.
Россия.

1996

«Страницы театральной пародии»

Телесериал, театральные пародии. По пьесам Н. Урванцева, Н. Евреинова, М. Волконского, Е. Мировича.

Россия, «Артель»
Антрепренер.

1995

«Мещерские»

Кинороман. По мотивам рассказов Ивана Бунина.
Россия, Время (кинокомпания «Мосфильм»)/
Роскомкино
Мещерский-отец.

1994

«Мастер и Маргарита»

Кинороман. По одноименному роману Михаила Булгакова.

Россия, ТАМП
Левий Матвей.

«Бульварный роман»

Костюмная мелодрама. По повести Валентина Пикуля «Ступай и не греши».

Россия, «Наше кино», Одесская к/ст., Ленфильм, Мосфильм
Адвокат Карабчевский.

«Наваждение»

Мелодрама. По мотивам рассказа И. Бунина «Натали».

Киностудия им. М. Горького/Аквариус/Эолис-фильм.

1993

«Серые волки»

Политический фильм.
Россия, Союз («Мосфильм»)
А.И. Микоян.

«Давайте без фокусов!..»

Сатирическая комедия. Телефильм.
Россия, Студия «XXI век»/Инвест
Тарасов.

1992

«Господа артисты»

Трагикомедия. По произведениям Владимира Соллогуба.

Украина—США, Ялта-фильм/Америкус энтерпрайsez,
Лтд.
Поченовский.

«Звезда шерифа»

Детектив. По мотивам повести Сиднея Шелдона
«Дон Винтон».
Украина, Скиф/Славутич
Моуди.

«Детство Никиты (Из русской жизни)»

Детский фильм, мелодрама. По мотивам
автобиографической повести Л.Н. Толстого.
Россия, телесериал/СДИЮП/ТО «Экран»
Артем.

«Тайна виллы»

Детектив.
Украина, XXI век / Киностудия им. А. Довженко
Шушпанов.

«Убийство в Саншайн менор»

Психологический детектив. По мотивам
произведений Джо Алекса.
Россия, Ялта-фильм/КИНКОМ.

«Человек из команды “Альфа”»

Боевик.
Украина, Лыбидь.

«Семь сорок»

Комедия.
Украина, ТИРС.

«Гаджо»

Драма.

Ленфильм.

«Алмазы шаха» («Роковые бриллианты»)

Телефильм, детектив.

Украина, Укртелефильм

Следователь Железников.

«Гардемарины-3»,

Приключенческий сериал.

Россия—Германия,

ЦЦЦ-Фильмкунст

ГМБХ

(Германия)/Жанр

Полковник кавалерии Денисов.

1991

«Год хорошего ребенка»

Киноповесть.

Молдова—Беларусь—Германия—Россия,

KUNSTFILM

(Германия)/ЭХО)

Кирпичиано.

«Глухомань»

Детектив.

МЕНТОР СИНЕМА

Коленвал.

«Яр»

Историческая драма. По повести Сергея Есенина.

«Рерих»

Филипп.

«Любовь»

Социальная мелодрама.

«Зодиак» (Киностудия им. М. Горького)/ТТЛ

Отец.

«Кроткая»

Мелодрама. По одноименной повести Ф.М. Достоевского.

СССР—Италия, АРСИ

Муж.

«Гангстеры в океане»

Боевик.

США—Республика Корея, АСК/Киностудия им. М. Горького

Боцман.

«Дорога в парадиз»

Эксцентрическая драма.

Одесская киностудия

Плотник.

«Ау, ограбление поезда» («За все надо платить»)

Детектив.

«Пульс»

Володя и Володя-металлург.

1990

«Луковое поле»

Мелодрама. По мотивам одноименной повести Анатолия Кима.

Таджикфильм.

«Динозавры-XX»

Приключенческий фильм.

«Катарсис» (Казахстан)

Кадыров.

«Это мы, господи!.. («Ястребов»)».

Военная драма. По повести Константина Воробьева
Киностудия им. А. Довженко.

1989

«Смирненное кладбище».

Социальная драма. По одноименной повести С.
Каледина.

Киностудия им. А. Довженко
Директор кладбища.

«Беспредел»

Социально-психологическая драма.

«Ритм» (Мосфильм)

Начальник колонии майор Маркелов.

«Шакалы».

Боевик.

«Фора-фильм»

Отец.

«Село Степанчиково и его обитатели»

Телефильм по одноименному произведению Ф.М.
Достоевского.

Лентелефильм

Фома Опискин.

1988

«Эсперанса»

Историко—политический кинороман.

СССР-Мексика, Ленфильм

Профессор Корзухин.

«Клад»

Приключенческий фильм.

ТО «Экран»

Петрович.

1987

«Джек Восьмеркин - «Американец»

Музыкальная комедия.

Ленфильм

Скороходов.

«Человек с бульвара Капуцинов»

Приключенческая музыкальная комедия.

Мосфильм

Гробовщик.

«Претендент»

Драма. По мотивам романа Э. Моргана «Великий человек».

СССР - ЧССР, Мосфильм/Чехословацкое ТВ

Пол Фостер.

1986

«Россия»

Короткометражный фильм.

Канада

Лев Толстой.

«Повод»

Комедия. По мотивам одноименной повести А. Жукова
Одесская киностудия.
Монах.

«Капитан “Пилигрима”».

Приключенческий фильм. По мотивам романа Жюль Верна «Пятнадцатилетний капитан».
Киностудия им. А. Довженко.
Капитан Гуль.

«Год теленка»

Лирическая комедия.
Киностудия им. А. Довженко.
Работник сельского хозяйства Манякин.

«Юность Бемби»

Фильм-сказка. По мотивам сказки Ф. Зальтена «Бемби».
Мосфильм
Филин.

1985

«Как стать счастливым»

Фантастическая комедия.
Мосфильм
Старичок-изобретатель.

«Детство Бемби»

Детский сиквел, сказка.
Киностудия им. М. Горького
Филин.

«Рассказ барабанщика»

Телефильм.
Садовский.

1984

«Зачем человеку крылья»

Мелодрама.
Мосфильм
Вася.

«Успех»

Психологическая драма.
Мосфильм
Павлик.

«Пеппи - Длинный Чулок»

Сказка.
Мосфильм
Стефенсен.

«Иванко и царь Поганин»

Телефильм.
Царь Поганин.

1983

«Где-то в Губернском саду («Кое-что из губернской жизни»)»

Ироническая комедия. Телефильм. По мотивам произведений А.П. Чехова.
ТО «Экран»
Отец.

«Мама Ануш»

Мелодрама с элементами трагикомедии.
Арменфильм.

«Шел четвертый год войны...»

Героико-приключенческий фильм. По повести А. Беляева «Тайна глухого леса».
Киностудия им. М. Горького
Староста Хомутов.

«Гори, гори ясно...»

Мелодрама. По мотивам одноименной повести Александра Кривоносова.
Ленфильм.

1982

«Колыбельная для брата»

Школьный фильм.
Киностудия им. М. Горького
Отец Кирилла.

«Сказка странствий»

Романтическая притча, музыкальная сказка.
СССР—Чехословакия—Румыния, Букурешти/
Баррандов/Мосфильм
Горгон.

«Этюд для домино с роялем»

Этюд.
ТО «Экран».

«Прощание»

Социальная драма. По мотивам повести Валентина Распутина
«Прощание с Матерой».

Мосфильм
Павел Пинегин.

«Не ждали, не гадали»

Телефильм, эксцентрическая комедия.
ТО «Экран»
Долгоруков.

1981

«Не бойся, я с тобой!»

Музыкальный триллер.
Азербайджанфильм
Сан Саныч.

«34 - й скорый»

Приключенческий фильм-катастрофа.
Мосфильм
Мультя.

1980

«Школа»

Историко-приключенческий фильм. По мотивам
одноименной повести Аркадия Гайдара.
Одесская киностудия
Штабс-капитан.

«Избирательность по соседнему каналу»

Острюжетная криминальная драма.
Киностудия «Мосфильм» - ЭМТО при Свердловской
киностудии.

1979

«Верой и правдой»

Кинороман.

Мосфильм

Машкин.

«Тут недалеко»

Драма

Дипломная работа. Высшие курсы сценаристов и режиссеров

Инспектор ГАИ.

«Особо опасные...»

Психологический детектив.

Одесская киностудия

Криминалист-фотограф Потапыч.

«Д'Артаньян и три мушкетера»

Приключенческий телесериал. По мотивам романа Александра Дюма

«Три мушкетера».

Одесская киностудия

Де Тревиль.

1978

«Однокашники»

Производственная драма. По мотивам повести Иосифа Герасимова

«Пуск».

Мосфильм

Директор завода.

«Лошади»

Творческая лаборатория ВГИК

«Красавец-мужчина»

Телевизионный мюзикл. По одноименной пьесе А.Н. Островского.

ЦТ

Федор Олешунин.

«Штрихи к портрету»

Короткометражный фильм. По мотивам рассказа «Штрихи к портрету» В. Шукшина.

Мастерская ВГИК

Князев.

«Стратегия риска»

Производственный телесериал.

ТО «Экран».

Вермишев.

1977

«Хождение по мукам»

Телесериал, исторический кинороман. По одноименному роману

Алексея Толстого.

Мосфильм (1974-1977)

Теткин.

«Цветы для Оли»

Мелодрама. Эпизоды из жизни десятиклассников.

Одесская киностудия

Петров.

«Личное счастье»

Телесериал.
ТО «Экран»
Кукоша.

«Аленький цветочек»

Сказка по мотивам одноименной сказки С. Аксакова.
Киностудия им. М. Горького
Купец.

«Ветер “Надежды”»

Романтико-приключенческий фильм.
Киностудия им. М. Горького
Мореплаватель.

«По семейным обстоятельствам»

Лирическая комедия. Телефильм.
Мосфильм
Сосед.

«Нос»

Эксцентрическая драма. По одноименной повести Н.
Гоголя.
ТО «Экран»
Полицмейстер.

«Вооружен и очень опасен»

Психологический триллер по мотивам произведений
Ф. Брет
Гарта.
Киностудия им. М. Горького
Счастливчик Чарли.

1976

«...и другие официальные лица»

Служебная драма.
Ленфильм
Высотин.

«Жить по-своему»
Психологическая драма.
Мосфильм
Федя.

«Туфли с золотыми пряжками»
Музыкальная комедия-сказка. Телефильм.
Одесская киностудия
Царь.

1975

«Бриллианты для диктатуры пролетариата»
Политический детектив. По одноименному роману
Ю. Семенова.
Таллинфильм
Пожамчи.

«Потрясающий Берендеев».
Школьный фильм, комедия.
Киностудия им. М. Горького
Копылов.

«На ясный огонь»
Героико-приключенческий фильм.
Мосфильм
Комаров.

«Шаг навстречу»
Лирическая комедия. Новелла «Мясо по-аргентински».

Ленфильм
Георгий Дмитриевич.

«Сузи, милая Сузи»

Мелодрама.
ГДР. Киностудия ДЕФА
Вернер.

«Крестьянский сын»

Героико-приключенческий фильм.
Киностудия им. М. Горького
Акинфий Поклонов.

«Каштанка»

Мелодрама. По одноименному рассказу А.П. Чехова.
Киностудия им. А. Довженко
Лука Александрович.

«Пошехонская старина»

Новелла «Бесчастливая Матрена». По мотивам главы
из романа М.Салтыкова-Щедрина «Пошехонская
старина».
Мосфильм.

«Ольга Сергеевна»

Телесериал, телевизионная повесть. По телеповести
Э. Радзинского «Воспоминания...».
ЦТ
Ангел.

1974

«Ксения, любимая жена Федора»

Мелодрама, экзистенциальная драма о рабочем
классе.

Ленфильм
Прораб Сидоров.

«Весенние перевертыши»
Школьный фильм, мелодрама.
Ленфильм
Никита Богатов.

«Единственная дорога»
Героико-приключенческий фильм.
СССР—Югославия, Филмски-студио/Мосфильм
Петро.

«Последний день зимы»
Киноповесть.
Ленфильм
Коротких.

«Отроки во вселенной»
Кинодилогия, школьная фантастическая комедия.
Продолжение фильма «Москва – Кассиопея».
Киностудия им. М. Горького
Филатов.

«Странные взрослые»
Лирическая драма. Телефильм.
Ленфильм
Рябиков.

«Георгий Седов»
Историко-биографический фильм.
Киностудия им. М. Горького
Радист.

1973

«Калина красная»

Трагическая мелодрама.
Мосфильм
Официант Сергей Михайлович.

«Сибирский дед»

Историко-биографический фильм.
Грузия-фильм
Константин Филин.

«Москва - Кассиопея»

Школьная кинодиалогия, детская фантастическая комедия.
Киностудия им. М.Горького
Филатов.

«Облака»

Киноповесть.
Беларусьфильм
Леня.

«Следствие ведут знатоки. Дело 08. Побег»

Детективно-приключенческий телесериал.
ЦТ
Филатов.

«Семнадцать мгновений весны»

Приключенческий телесериал. По одноименной повести Юлиана Семенова.
Киностудия им. М. Горького
Провокатор Клаус.

«Открытая книга»

Кинороман.
Ленфильм
Петр Николаевич Власенков.

«Большая перемена»

Романтическая комедия. По мотивам повести
Георгия Садовникова «Иду к людям».

Киностудия Мосфильм, ТО «Экран»

Сержант милиции.

1972

«Вот моя деревня»

Телефильм.

Т/О «Экран» (1972-1974).

«Земля, до востребования»

Героико-приключенческий фильм.

Киностудия им. М. Горького

Сигизмунд Скарбек.

«Четвертый»

Киноповесть. По одноименной повести К. Симонова.

Мосфильм

Вандеккер.

«Человек на своем месте»

Киноповесть.

Мосфильм

Горбачев.

«Заячий заповедник»

Музыкально-эксцентрическая
комедия.

сатирическая

Киностудия им. А. Довженко

Мазаев.

**«Следствие ведут знатоки. Дело 07.
Несчастный случай»**

Детективно-приключенческий телесериал.
ЦТ.

1971

«Старики-разбойники»

Трагикомедия.

Мосфильм.

Шофер инкассаторской машины.

«Егор Булычов и другие»

Драма. По одноименной пьесе М. Горького.

Мосфильм

Трубач Гаврила.

«Вся королевская рать»

Приключенческий телесериал. По мотивам
одноименного романа Роберта П. Уоррена.

Белорусское телевидение

Рафинад.

«Бумбараш»

Эксцентрическая музыкальная комедия-лубок.
Телефильм. По мотивам ранних произведений Аркадия
Гайдара.

Киностудия им. А. Довженко

Мельник.

«Путина»

Психологическая драма.

Мосфильм.

«Ехали в трамвае Ильф и Петров»

Сатирическая ретро-комедия. По произведениям И.
Ильфа и Е. Петрова.

Мосфильм
Прохожий.

1970

«Случай с Плыниным»

Мелодрама. По одноименной повести К. Симонова.

Мосфильм

Кларк.

«Город первой любви»

Лирическая драма.

Мосфильм

Комиссар.

«На пути к Ленину»

Историко-революционный фильм. По мотивам книги воспоминаний Альфреда Куреллы.

ДЕФА (ГДР)/Мосфильм

Кузьма Сухарин.

«Севастополь»

Историко-революционная драма. По одноименной повести А. Малышкина.

Одесская киностудия

Маркуша.

«Спокойный день в конце войны»

Героическая киноповесть.

Мосфильм

Немец.

1969

«Фитиль» № 81

Роль в сюжете «Индивидуальный подход».

«Фитиль» № 94

Роль в сюжете «Дорогие слова».

«Фитиль» № 97

Роль в сюжете «Ложка дегтя».

«Про Клаву Иванову»

Телефильм.

Сержант.

1968

«Первая девушка»

Приключенческий фильм. По мотивам одноименной повести Н. Богданова.

Мосфильм

Антоновец.

«Житие и вознесение Юрася Братчика»

Кинороман. По проману В. Короткевича «Христос приземлился в Гродно»

Беларусьфильм

Юрась Братчик.

«Жажда над ручьем»

Мелодрама.

Мосфильм

Начальник партии.

Фитиль № 73

Роль в сюжете «Последнее средство».

1967

«Морские рассказы (две новеллы «Афера» и «Скорпион и вата»)»

Приключенческий фильм. По мотивам рассказов Б. Житкова «Погибель», «Вата», «Компас», «Скорпион». Мосфильм.

«Эти губы и глаза зеленые»

Короткометражный фильм. По рассказу Д. Сэлинджера. Мастерская ВГИК.

1966

«На полпути к луне»

Психологическая драма. По одноименному рассказу В. Аксенова. Мосфильм
Банин.

«Черт с портфелем»

Сатирическая комедия. Мосфильм.

«Иду искать»

Киноповесть. Беларусьфильм
Иванов.

1965

«Время, вперед!»

Оптимистическая драма. По одноименному роману-хронике Валентина Катаева.

Мосфильм
Кутайсов.

Фитиль № 32

Роль в сюжете «За чей счет?»

«Лебедев против Лебедева»

Киноповесть.
Мосфильм.

1964

«Пядь земли»

Героическая драма.
Мосфильм
Сержант.

«Ко мне, Мухтар!»

Драма.
Мосфильм
Уголовник «Рыба».

«Хоккеисты»

Спортивная драма.
Мосфильм
Болельщик.

«Фитиль» № 30

Роль в сюжете «Умелая защита»

1963

«Город - одна улица»

Ленфильм
Курортник.

«Я шагаю по Москве»

Лирическая комедия.
Мосфильм
Милиционер в участке.

1962

«Двое в степи»

Психологическая драма. По одноименной повести
Эммануила Казакевича.
Мосфильм
Синяев.

Фитиль № 5

Роль в сюжете «Мокрое место».

1961

«Девять дней одного года»

Интеллектуальная драма.
Мосфильм
Сотрудник госбезопасности.

«Високосный год»

Криминальная драма. По повести Веры Пановой
«Времена года».
Мосфильм
«Малютка».

1959

«Тоже люди»

Мосфильм
Залетаев.

1958

«Дело “пестрых”»

Детективно-приключенческий фильм. По мотивам одноименной повести А. Адамова.

Мосфильм
Комсорг.

«Ваня»

Молодежная киноповесть.
Свердловская киностудия
Саша.

1956

«Песня табунщика»

Музыкальная комедия.
Мосфильм
Милиционер.

1955

«Гость с Кубани»

Комедия.
Мосфильм.

«Доброе утро»
Социальная комедия.
Мосфильм
Яша.

Роли в телеспектаклях

1980

«Тайна Эдвина Друда»

Телеспектакль. ЦТ

Дердлс.

1978

«Капитанская дочка»

Драма, телеспектакль. По мотивам одноименной повести А.С. Пушкина.

ЦТ

Савельич.

«Вечер воспоминаний»

Телеспектакль. По мотивам одноименной повести Г. Березко.

ЦТ

Диомидов.

«Кузен Понс»

Фильм-спектакль. По мотивам одноименного романа французского писателя Оноре де Бальзака из цикла «Этюды о нравах».

Гостелерадио СССР.

1977

«Любовь Яровая»

Телеспектакль, драма. По одноименной пьесе К. Тренева.

ЦТ
Чир.

1976

«Ну, публика!»

По мотивам ранних рассказов А.П. Чехова.

ЦТ.

1975

«Такая короткая долгая жизнь»

Телевизионная повесть.

ЦТ
Степан.

«Светлые ожидания»

Телеспектакль. По мотивам рассказов А.И. Куприна

ЦТ

1973

«Всего несколько слов в честь господина де Мольера»

Телеспектакль. По произведениям М. Булгакова о Мольере и пьесе Ж.-Б. Мольера «Дон Жуан».

РТР/ЦТ
Бутон.

«Трибунал»

Телеспектакль.

Гостелерадио
Терешко.

1972

«Будденброки»

Телеспектакль. По мотивам одноименного романа Т.
Манна
ЦТ
Лоцман.

«Легкий заработок»

Телеспектакль. По одноименному рассказу Ивэна
Хантера.
ЦТ.

1971

«Что делать?»

Телеспектакль. По мотивам одноименного романа
Н.Г. Чернышевского.
ЦТ
Павел Константинович.

1970

«Борис Годунов. Сцены из трагедии»

Телеспектакль. По одноименной трагедии А.С.
Пушкина.
ЦТ
Варлаам.

1966

«Когда запоет кукушка»

Телевизионный спектакль.

Литературные чтения на радио

1991

«Поэт-кооператор»

Рассказ Анатолия Ткаченко

1989

«Один день Ивана Денисовича»

Рассказ Александра Солженицына.

«Громы Курской дуги»

Очерк.

1983

«Здравствуй, комбат»

Рассказ Н. Грибачева.

Озвучивание ролей в мультфильмах

2006

«Первая охота»

Анимационный фильм. По рассказу В. Бианки.

Россия

От автора читает Лев Дуров.

«Солдат и смерть».

Из цикла «Гора самоцветов».

Студия «Пилот».

«Жадная мельничиха»

По мотивам украинской сказки. Цикл «Гора самоцветов».

От автора.

«Князь Владимир»

Анимационный фильм.

Пр-во «Солнечный круг»

Боян.

1999

«История кота со всеми вытекающими последствиями»

Мультфильм.

1997

«Ночь перед Рождеством»

Кукольный мультипликационный фильм. По мотивам одноименной повести Н.В. Гоголя.

Анимафильм

Голова.

1989

«Упущенная галактика».

Мультфильм. По одноименному рассказу Е. Шатко.
Т/о «ЭКРАН».

«Какой звук издает комар?»

Мультфильм. По сказке Р. Баумголь.
Союзмультфильм.

1986

«Мышонок и красное солнышко»

Кукольный мультипликационный фильм.
Союзмультфильм.

1985

«Мы с Шерлоком Холмсом»

Мультфильм. Шутливые пародии на темы рассказов о Шерлоке Холмсе.

Союзмультфильм.

«Приключения домовят»

Музыкальная сказка-спектакль.
Россия.

1984

«Медведь - липовая нога»

Мультфильм. По мотивам русской сказки.
Союзмультфильм.

«Зима в Простоквашино»

Мультфильм. Третий фильм из мультсериала с популярными героями.
Союзмультфильм.

1981

«Пес в сапогах».

Мульти-мюзикл по мотивам романа А. Дюма «Три мушкетера».
Союзмультфильм
Гончий.

«Приключения Васи Куролесова»

Мультфильм. Комический детектив по мотивам повести Юрия Коваля.
Союзмультфильм
Рашпиль.

1980

«Каникулы в Простоквашино»

Второй фильм из серии «Простоквашино».
Союзмультфильм
Шарик.

1979

«Про Ерша Ершовича»

Мультипликационный фильм по мотивам сказки Б. Шергина.

Союзмультфильм.

«Огневушка-Поскакушка»

По мотивам уральских сказов П. Бажова.

Союзмультфильм.

«Про щенка»

Детская сказка.

Союзмультфильм.

1978

«Трое из Простоквашино»

Союзмультфильм

Шарик.

1976

«Как дед великое равновесие нарушил»

Кукольный мультипликационный фильм. По мотивам познавательной сказки В. Бианки «Сова».

Союзмультфильм.

«Сказка дедушки АЙ ПО»

По мотивам сказки Ю. Афанасьева по легенде народов Севера.

Союзмультфильм.

1975

«Садко богатый»
Союзмультфильм.